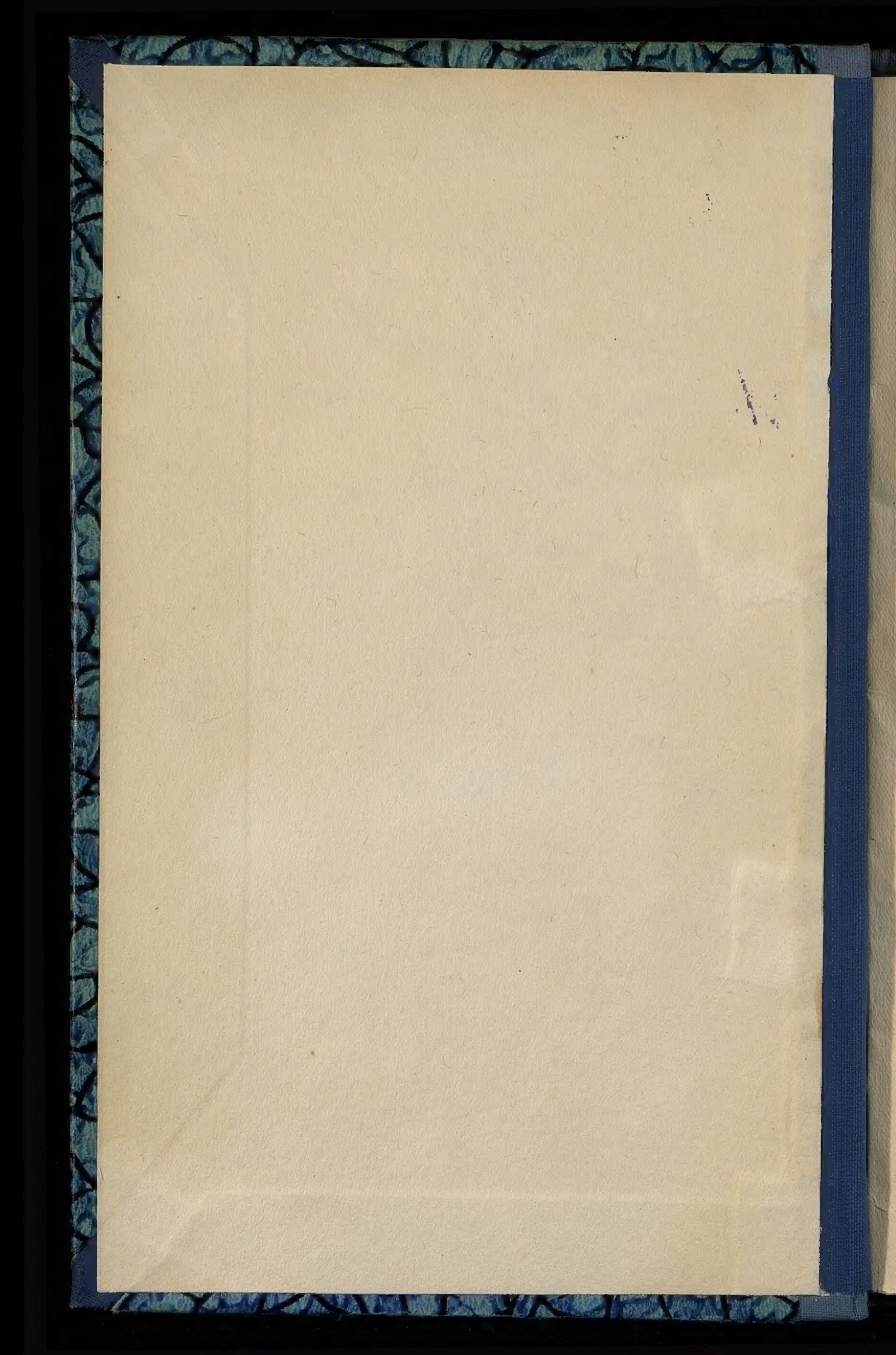

ДБ
430
Х20
Харечко Т.
"1905 г.
в
Донбассе"
Л., 1926

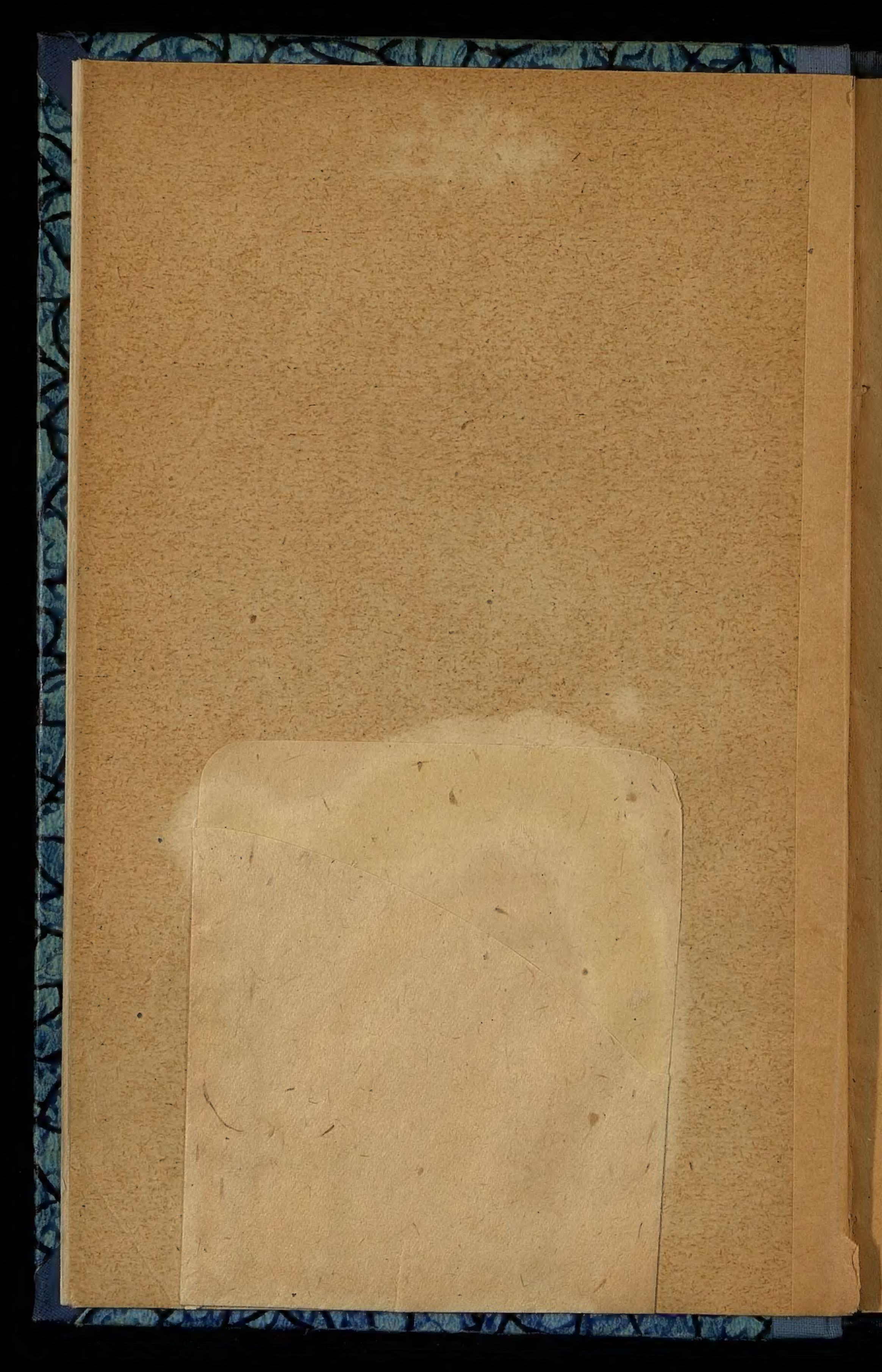

Г. ХАРЕЧКО

1905 ГОД В ДОНБАССЕ

ЛЕНИНГРАД «ПРИБОЙ» 1926

Т. ХАРЕЧКО

1905 год в ДОНБАССЕ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД 1926

Ленинградский Гублит № 4928 Печ. 5.000 экз.—9 л. Зак. № 389.
Государственная типография имени тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14.

Памяти смелых передовых борцов за Диктатуру Пролетариата — рабочих Донбасса, погибших в Горловском бою, на царских виселицах и замученных на каторге.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Нет нужды распространяться о том, что к двадцатилетнему юбилею обзор революционных событий Великого Года в таком крупном пролетарском районе, как Донбасс, может представлять большой интерес не только для местных донецких читателей.

В Донецком бассейне, как в немногих рабочих центрах, массовая пролетарская борьба за один 1905 год получила гигантский размах, прошла законченный цикл от мирной экономической стачки до вооруженного захвата власти рабочими Советами и Комитетами. В этом опыте рабочего вооруженного восстания—громадное общее историческое значение революционных событий Донецкого бассейна. Они еще долго будут привлекать пристальное внимание историков. По декабрьским событиям Донбасса рабоче-крестьянская молодежь будет изучать один из первых героических этапов массовой вооруженной борьбы рабочего класса за диктатуру пролетариата, за власть Советов.

Предлагаемая брошюра является частью подготовляемой к печати работы, по рабочему движению Донбасса за 1900—1917 г.г. и представляет обзор стачечного, повстанческого и социал-демократического движения одного года. Очерк имеет задачу по преимуществу описательную, типа «хроники событий». Этим в значительной степени и об'ясняется перегрузка текста цитатами из материалов в целях большей точности и документации.

Главными источниками в работе были архивные полицейские материалы, периодическая печать и воспоминания участников. Последние, к сожалению, немногочисленны и принадлежат товарищам, не бывшим тогда у руля революционных организаций. Поэтому такие воспоминания, за редким исключением, не отличаются необходимыми данными—в них за пафосом авторов часто теряется фактическая сторона событий.

Печать, особенно нелегальная, и полицейские материалы освещают более или менее подробно стачечное движение только до бурного октябрьско-декабрьского под'ема. С октября же полицейский аппарат дезорганизуется и не «отражает» больше в своих донесениях так систематически, как прежде, революционных событий, а с печатью связь местных организаций ослабевает вследствие закрытия нелегальных газет за границей и появления легальной рабочей печати, с которой связь еще не успела наладиться.

Что касается нелегального социал-демократического движения, то оно, по понятным причинам, не получило сколько-нибудь полного

освещения во всех трех источниках, при чем за период октябрь—декабрь почти вовсе не удалось раскопать материалов. Особенно трудно было восстановить имена активных участников движения.

Все эти обстоятельства, плюс значительная пестрота материала, создавали чрезвычайные трудности в проверке и критической обработке данных развития рабочего движения в период его наивысшего под'ема в октябре—декабре. Поэтому вполне возможны ошибки в этом очерке, многое должно подвергнуться переработке и дополнению после накопления новых мемуарных материалов в юбилейные дни.

В целях восстановления наиболее близкой к действительности картины движения, особенно политического и повстанческого, необходимо местным организациям на юбилейных собраниях записать и собрать воспоминания как можно большего числа участников, чтобы подготовить материал для наиболее правильной оценки и описания одной из самых замечательных страниц рабочего движения в Донбассе.

Т. Х.

20—IX—1925 г.

I.

Положение промышленности и рабочих накануне 1905 года.

Разорительная империалистическая война с Японией, поглощавшая миллиарды рублей, снова бросила хозяйство страны, не успевшее оправиться от застоя 1903 г., в полосу нового тяжелого финансового и торгово-промышленного кризиса. Война вызвала уже в первой половине 1904 года расстройство кредита, сжатие торговых оборотов, падение биржевых ценностей, а во второй половине—даже значительное сокращение производства во многих отраслях промышленности.

Некоторую устойчивость и даже под'ем проявили отрасли промышленности, работавшие непосредственно на войну по казенным военным заказам. К этой категории принадлежала и горнозаводская промышленность Донбасса.

Война требовала развертывания строительства паровозов и вагонов, сооружения новых стратегических железнодорожных линий, постройки новых эскадр для отправки в тихоокеанские воды, усиления производства тяжелого вооружения. Все эти громадные металлические потребности войны могла срочно удовлетворить только мощная металлургическая промышленность Донбасса. По этому случаю южные горнопромышленники на своем 30-м с'езде с удовлетворением хищных акул отмечали: «В лице манчжурской армии явился новый крупный потребитель всевозможного товара, а в том числе так или иначе, посредственно или непосредственно, связанные с изготовлением и производством его—расходы и потребление металлов; все требовалось спешно, все производилось и перевозилось ускоренным темпом» [1]. Насколько велики были военные заказы, достаточно посмотреть на рост производства рельс, паровозов и вагонов. В 1904 году было изготовлено рельс на 21,4%, паровозов на 22,8% и вагонов на 15,2% больше, чем в 1903 году.

Война создала громадный и весьма выгодный рынок для продуктов металлургической промышленности, а в связи с последней—и на уголь. Тяжелая индустрия Донбасса еще не испытывала с 90-х годов такого обильного прилива казенной желтой крови. Производственные показатели после застоя кризисных годов взметнулись вверх. Выплавка чугуна поднялась с 83,45 милл. пудов в 1904 г. до 110,87 милл. пуд.,

[1] Цитируем по «Общ. движ. в России в начале XX в.», т. IV.

на 31,6%, перешагнув все рекордные добычи прошлых лет расцвета. В связи с чугуном поднялось на 15—20⁰/₀ производство железных и стальных полупродуктов и готовой стали и железа. Добыча угля поднялась только на 7,7⁰/₀, с 707,1 милл. пудов в 1903 г. до 798,6 милл. пудов в 1904 году.

Но несмотря на весьма щедрые казенные подачки, промышленность Донбасса не могла выдержать даже до конца 1904 г. линии под‘ема. Общий торгово-промышленный кризис в стране быстро обнаружил спекулятивный характер благополучия и под‘ема донецкой промышленности. Во второй половине 1904 года общее, кроме военного, потребление металла и угля значительно сократилось даже в сравнении с годами кризиса. Торговый оборот металлических товаров сокращался, цены падали. Цены на чугун, поднявшиеся в первую четверть года до 50—52 коп., к концу года упали до 44 коп. за литейный и 41 коп. за передельный. На харьковской железной бирже «весь год прошел при очень низких ценах, без каких-либо даже временных повышений». А металлопромышленники на своем с‘езде с грустью заявляли: «Производительная способность железоделательных заводов, каменноугольных копей далеко не была использована, и в настоящее время (т.-е. в конце 1904 года) в некоторых отраслях железной промышленности заметно падение продажных цен и признаки затруднений в сбыте» [1].

Временный исключительно военный под‘ем донецкой промышленности сменился к концу 1904 года под ударами общего торгово-промышленного кризиса угнетенным состоянием, развернувшимся в1905 г. в настоящий кризис.

Тяжелые последствия общего торгово-промышленного кризиса весьма остро почувствовали на своих спинах прежде всего донецкие шахтеры и металлисты. Под‘ем донецкой промышленности отражался на двух полюсах—капитала и труда—по разному. Барыши капиталистов с сказочной быстротой округлялись на казенных заказах. Рабочие же под гнетом «военной необходимости» и под прессом нараставшей к концу 1904 года безработицы подвергались бешеной эксплуатации.

На шахтах Донбасса в 1904 году работало: в январе—86.250 чел., в июле—77.000 и в декабре—82.000, из которых 67⁰/₀ подземных (забойщиков, доставщиков, откатчиков, крепельщиков, саночников и др.). Вообще же шахтеры Донбасса составляли 0,7 общерусского числа рабочих в горной промышленности. На металлургических заводах бассейна в это же время работало свыше 35.000 человек.

Средний рабочий день в горнозаводской промышленности в 1904 г., за вычетом обеденного времени, равнялся: для мужчин—10,1 и для женщин и подростков—10,4 часа. Отдельные же категории рабочих, особенно сдельщики, чтобы выколотить прожиточный минимум, вырабатывали 30—35 упряжек в месяц и, таким образом, принуждены были увеличивать продолжительность рабочего дня в полтора раза.

[1] Цит. по Фину-Енотаевскому «Совр. хоз. России».

Средний годовой заработок шахтеров в 1904 году, по данным статистики несчастных случаев, составлял 266 руб., а металлистов—260 руб., т.-е. 20—23 руб. в месяц. Дороговизна на продукты первой необходимости, вызванная войной, еще больше понижала реальную стоимость и без того полуголодного заработка. Несмотря на это, главарь совета с‘ездов горнопромышленников, инженер Авдаков, имел наглость заявить на одном из с‘ездов, что «заработная плата на копях Донецкого бассейна выше заработной платы на копях Франции и Бельгии». А поэтому он предлагал для улучшения быта шахтеров: 1) сокращение числа праздничных дней, 2) уменьшение прогулов и 3) широкое применение сберегательных касс, где бы рабочие могли откладывать свои сбережения, а не тратить нерационально излишки денег» [1]. Авдаков, конечно, сознательно лгал, так как ему, несомненно, было известно, что средний заработок в то время французского углекопа был 485 руб. в год, бельгийского—522 руб., а английский шахтер уже в начале 90-х годов получал 840 руб. в год. Если даже принять во внимание, что прожиточный минимум этих стран несколько выше нашего, то и при этом выйдет, что заработная плата шахтеров за границей в полтора раза выше, чем в Донбассе.

Не только продолжительность рабочего дня, неограниченно повышаемая низкими расценками на сдельщину, не только нищенская заработная плата, но и общие условия труда, жилищные и санитарные, недалеко ушли от того, что было в 80-х и 90-х годах. То же сверхчеловеческое перенаселение, также значительное количество рабочих ютится в жалких землянках, лишенных воздуха и света; те же отвратительные, не подающиеся описанию, антисанитарные условия.

Врачебная помощь оказывается в самых ничтожных размерах: на больших рудниках, с добычей на одного шахтера в 1.000 пудов, приходилось 1.500 рабочих на одного врача, а на более мелких предприятиях совсем не было врачей.

Наиболее яркими показателями пренебрежения капиталистами самыми элементарными мерами технической и санитарной охраны труда и вместе с тем показателем самой варварской эксплуатации рабочих горнозаводской промышленности Донбасса является статистика несчастных случаев. Она заведена по закону 2 июня 1903 года впервые только в 1904 году. Как часто случались увечья в горнозаводской промышленности Донбасса в 1904 году, показывает следующая таблица [2]:

	Число рабочих.	Число несчастных случаев.	На 1000 рабочих пострад.
Каменноугольные копи	77.767	26.213	307,8
Доменные заводы	43.924	20.333	463,2

[1] Цитир. по Пажитнову «Положение раб. кл. в России», т. III., 1924 г.
[2] Цит. по Фомину—«Горная и горнозаводская промышл. юга России», т. II, 1914 г.

Это значит, что в угольной промышленности на каждые 10 рабочих в среднем 3—4 рабочих получают увечья, а в металлической промышленности частота увечий достигает 5—6 человек на каждые 10 рабочих. Иначе говоря—менее, чем в 3 года все без исключения донецкие шахтеры и металлисты обязательно подвергаются увечью. Необычайно высокий процент увечий среди горнозаводских рабочих особенно выделяется, если принять во внимание, что в фабрично-заводской промышленности всей России на 1000 рабочих приходится только 28,6 несчастных случаев.

Не менее поразительны цифры смертных случаев. В Донбассе смертность от увечий на 1000 рабочих—1,97 случая, в то время как во Франции—1,07, в Бельгии—0,93 и в Англии—1,24. На этой рекордной смертности донецкие промышленники наживали свою высокую прибыль. Но, несмотря на совершенно очевидную, сравнительно большую, смертность и частоту увечий, эти цифры хозяйской статистики по Донбассу, несомненно, преуменьшены. Действительность гораздо мрачнее.

В этих немногих цифрах раскрывается вся бездна каторжных колониальных условий труда рабочих Донбасса. Горнозаводчики все делали для того, чтобы их ухудшить, но совершенно ничего не предпринимали для улучшения. В области охраны труда и страхования почти на всех своих с‘ездах они ограничивались проектами и либеральными пожеланиями. А когда в 1903 году рабочие России напряженной стачечной борьбой вырвали у правительства закон 2 июня о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев, с‘езд горнопромышленников постановил: «ходатайствовать об отсрочке на один год закона 2 июня 1903 года для того, чтобы подготовить предприятия и всех причастных лиц для точного уразумения и истолкования его». Даже этот закон, бывший жалкой пародией на обязательное страхование, подвергся саботажу. В таком же духе донецкие промышленники реагировали и на закон 10 июня 1903 года о старостах рабочих. 28-й с‘езд горнозаводчиков еще более уклончиво признал, что «пользование дарованным упомянутым законом заводским и рудничным управлениям правом введения старост рабочих неудобно в настоящее время» [1]. Так боролись горнозаводчики против малейшего посягательства на их неслыханно высокие дивиденды.

Вместе с тем, промышленники делали все—жестокая система штрафов, саботаж закона об охране труда,—чтобы заставить даже малосознательных неорганизованных рабочих Донбасса подумать о борьбе за лучшее, более человеческое существование. Под ударами кризиса, дороговизны и падения реальной заработной платы к концу 1904 года среди металлистов и шахтеров началось брожение и упорно заговорили о забастовке. По настоящему же стачечное движение в Донбассе развернулось только после расстрела питерских рабочих 9 января [2].

[1] Цит. по Фомину—«Краткий очерк истории с‘ездов горнопром. Юга России».
[2] Все даты указаны по старому стилю.

II.

Стачечный отклик на кровавое воскресенье.

Пробуждение рабочего движения в России, придушенного с начала войны патриотическим угаром, мобилизациями, военными и осадными положениями, началось в декабре всеобщей 22-дневной стачкой бакинских нефтяников. Еще не кончилась стачка в Баку, как 3 января дружно забастовал весь Путиловский завод. Здесь стачка возникла, на первый взгляд, по случайному поводу. Рабочие потребовали принятия обратно четырех уволенных рабочих и увольнения мастера. Администрация отказалась выполнить это требование, и рабочие, руководимые гапоновским «обществом», забастовали. Путиловцев поддержали другие заводы и фабрики Питера, и уже 7 января бастовало свыше 150.000 рабочих. Создалась напряженная стачечная атмосфера.

В такой момент полицейский священнослужитель Гапон, пользовавшийся в организованных им, при содействии охранки, обществах большой популярностью, бросает лозунг итти к царю просить защиты от гнета капиталистов и чиновников. И 9 января рабочий Питер, с хоругвями и портретом царя, со всех районов направился к Зимнему дворцу. Царь, вместо милости, наградил своих верноподданных пулями и нагайками. Рабочий класс столицы за свою наивную веру в монаршую милость поплатился дорогой кровью сотен и тысяч убитых и раненых.

Царь-деспот со своей правительственной сворой замышлял этой предательской бойней покончить одним ударом с недовольством рабочих. Но царь расстрелял не только рабочих, а самое главное— наивную народную веру в царя. Рабочие Питера, а за ними и рабочие всей страны, теперь осознали окончательно и бесповоротно, что они могут и должны освободиться «лишь собственной рукой».

Варварский расстрел безоружных рабочих вызвал величайший взрыв ненависти и бурного протеста пролетариата всей России. Не было ни одного рабочего уголка в стране, откуда бы не посылались в столицу проклятия убийцам, где бы рабочие не откликнулись на кровавое воскресенье политической или экономической забастовкой.

Известия о расстреле питерских рабочих и всеобщих стачках, слившиеся в одном потоке, наконец, неделю спустя докатились до рабочих шахт и заводов. Действительную картину происходив-

ших событий рабочим трудно было представить по лживым правительственным сообщениям. Но каторжные условия труда донецких шахтеров и металлистов и упорные слухи о готовящихся забастовках помогали им читать между строк. Питерские события будоражили, раскачивали на стачечную борьбу самые отсталые слои донецких шахтеров. В авангарде же движения в Донбассе, как и по всей стране, оказались металлисты.

Первым забастовал 17 января Юзовский (ныне Сталинский) завод. Накануне забастовки, в ночь на 17 января, была разбросана по рабочему поселку прокламация донецкого союза РС-ДРП—«В единении сила» [1].

В этом листке говорилось о тяжелом положении донецких рабочих, но еще ни слова о расстреле питерских рабочих 9 января. Повидимому, листок был отпечатан до этих событий. Донецкий союз только раз'ясняет: «Наша сила в стократ больше силы капиталистов, что доказали рабочие Ростова, Киева, Одессы, Екатеринослава. Теперь это доказывают рабочие Петербурга, Москвы, Вильно, Ковно. Эти рабочие поняли, что освободиться они могут только, если они об'единятся все вместе и общими силами будут бороться против гнета». В листке нет даже прямого призыва к забастовке. Заканчивается он так: «Теперь же потребуем, чтобы хоть немного улучшили нашу жизнь». И затем следует восемь экономических требований: 1) 8-ми-часовой рабочий день, 2) вежливое обращение, 3) повышение заработной платы, 4) уничтожение сверхурочных работ, 5) бесплатная медицинская помощь и полный заработок во время болезни, 6) обеспечение рабочих при потере работоспособности или смерти, 7) улучшение санитарных условий и 8) введение трех смен. Все требования исключительно экономические. Вместо четких определенных политических требований, в листке заявляется: «будем помнить, что добиться полного освобождения мы можем лишь если у нас будет возможность свободно бороться против своих эксплуататоров, об'единяться в рабочие союзы, свободно собираться и обсуждать свои рабочие дела».

Забастовка на Юзовском заводе началась с того, что в 9 часов утра 17 января рабочие механического, котельного, кузнечного и литейного цехов выбрали делегатов и послали их в контору пред'явить 13 требований, в основном тех же, что и в листовке союза, но только конкретизированных. Директор завода отказался разговаривать с делегатами.

Тогда вернувшиеся делегаты остановили свои цеха, и в 2 часа дня забастовавшие рабочие толпами разошлись по заводу снимать работающих. К 5 часам дня работа на всем заводе была прекращена. Часть рабочих ночной смены вышла на работу, но за неимением полного состава к работам не приступила.

На другой день, 18 января, утром приступило к работе только небольшое количество рабочих, и притом в тех мастерских, в кото-

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 17, 1905 г.

рых работа ведется одиночками. Работы в них производились целый день.

Значительная же часть рабочих собралась около главной конторы завода в ожидании ответа директора на свои требования. Но вместо ответа было вывешено об'явление за подписью министра финансов Коковцова и петербургского генерал-губернатора Трепова. В нем рабочие прочли, что «его величество еще столь недавно повелеть соизволил по личному своему соизволению приступить к разработке вопроса о страховании рабочих», а «министерство финансов готово приступить к разработке закона о дальнейшем сокращении рабочего времени и таких мер, которые дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своих нуждах». Эта министерско-треповская болтовня не удовлетворила рабочих, и они большой толпой отправились на Ларинский базар. Здесь собрался митинг. Решался вопрос о продолжении стачки. Оказалось много колеблющихся, готовых согласиться на минимальные уступки директора завода.

Часть рабочих, решительно настаивавших на продолжении забастовки, направилась после митинга толпой к заводу и «пыталась, как доносит по начальству ротмистр Леус, несколько раз проникнуть в завод через проволочные заграждения с целью выгнать из мастерских работавших рабочих, но была разогнана полусотней казаков и больше не собиралась» [1]. Как видно, борьба с штрейкбрехерами за продолжение стачки была чрезвычайно упорной не на живот, а на смерть. И на этот раз победили казаки и малосознательные элементы.

Директор завода Андерсон узнавший о разброде среди рабочих, поспешил в ночь на 19 января расклеить по заводу и рабочему поселку свои письменные ответы на требования рабочих. Из всех требований принято к удовлетворению только улучшение санитарных условий и устройство столовой и бани при мастерских. На основное же требование — повышение заработной платы на 20% — был весьма краткий ответ: «Не отвечает настоящим условиям сбыта и ценам на продукты и изделия» [2]. Другие основные требования также прямо или с хитрыми оговорками отклонены.

Утром 19 января большинство рабочих приступило к работе. Таким образом, директору удалось при поддержке казацких нагаек совершенно ничтожными уступками сорвать забастовку.

Эта первая стачка 1905 года в Донбассе началась неорганизованно, проходила не дружно и потерпела поражение. Почему так вышло? Некому было раскачать и организовать. На заводе было слишком много «серых» рабочих, не выварившихся в заводском котле, и слишком мала подпольная социал-демократическая группа, не пустившая еще глубоких корней в массы, чтобы организовать забастовку десятитысячной армии рабочих.

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. VI, 1905 г., № 114.
[2] Там же.

Непосредственно под влиянием юзовской забастовки 20 января отказалась спускаться в шахты ночная смена забойщиков Пастуховского рудника, а 24—25 января забастовала часть забойщиков Чулковского рудника.

Вторая крупная забастовка возникла 22 января на Петровском (ныне им. т. Рыкова) заводе. Здесь настроение рабочих, особенно после питерских событий, было крайне приподнятое, революционное. «Рабочие ходили в каком-то лихорадочном состоянии, и местная организация решила использовать этот момент и вызвать стачку, хотя для этого пришлось потерять все, правда небольшие, силы» («Искра», № 101, приложение). Заранее были заготовлены требования экономического характера и выработан план. По плану предполагалось, что утром 22 января несколько товарищей после распространения прокламаций дадут гудок, а затем пойдут по цехам с призывом бросать работу. Но вышло сверх ожидания несколько иначе. Распространенные 400 штук прокламаций произвели на рабочих такое громадное впечатление, что они без гудка начали выбегать из цехов и собираться толпами. Первыми бросили работу рабочие прокатного цеха. К ним стали присоединяться рабочие других цехов. «Толпа все увеличивалась и свистя, и крича „бросай работать!“, прошла по всем цехам, потом отправилась к главной конторе и потребовала „дилехтура“. В заводе все шипело и свистело. Выпуская пары, завод походил на нечто огромное, живое, испускающее последний вздох» («Вперед», № 9). К двум часам дня бросили работу 4.000 человек, и завод замер на две недели.

Рабочие пред‘явили дирекции требования из 20 пунктов. Главные из них: 8-ми-часовой рабочий день, увеличение зарплаты на 50%, отмена сверхурочных, а в исключительных случаях оплата вдвое, отмена штрафов, свобода сходок, слова и стачек, отмена обысков на заводе и на квартирах и ряд требований санитарных и культурно-просветительных. («Искра», № 89).

На другой день дирекция ответила отказом на большинство требований. Тогда рабочие избрали делегатов от цехов и поручили им продолжать переговоры с администрацией. Делегаты первым делом потребовали от полиции разрешения устроить общее собрание рабочих. Перепуганный исправник не только разрешал собрания в течение двух недель стачки, но даже согласился не допускать на них чинов полиции. Собирались рабочие в больших помещениях школы. На первом собрании были зачитаны требования с раз‘яснением значения каждого пункта. «Рабочие охотно слушали об‘яснения и награждали говоривших криками: „Молодцы! Правильно, верно!“. После полуторачасовых споров и речей рабочие решили бороться до тех пор, пока не удовлетворят всех требований». («Искра», № 101, приложение). Здесь же на собрании организованные товарищи обращались к массе с призывом не слушать полицию и всяких провокаторов-шептунов и не устраивать ни заводских, ни еврейских погромов. Толпа дала обещание вести себя спокойно, и действительно, за две недели стачки ни одного пьяного на улицах, и, на удивление

полиции и дирекции, рабочие поддерживали строгий порядок, сохраняя полное спокойствие. Это настолько поразило директора, что он бесился и кричал: «Лучше бы они у меня завод разбили,—я бы тогда не отвечал, а то сидят, чорт их возьми, спокойно по квартирам!»

Администрация, повидимому, не ожидала такой организованной настойчивости и упорства рабочих и решила взять их хитростью. 27 января, утром был дан обычный призывной гудок на работу. Но ни один рабочий не явился. Тогда дирекция вывесила об‘явление, чтобы желающие шли работать, а остальным будет дан расчет. Ни хитрость, ни угрозы не подействовали. Рабочие рвали об‘явления администрации, заявляя: «Пускай прибавят жалование и удовлетворят другие требования—тогда пойдем на работу».

«Бастуют вторую неделю, уступок больше нет,—сообщает корреспондент,—спокойно сидят по квартирам, выходит хлеб, выходит уголь, топить печи нечем, в квартире холодно, завод не отпускает угля. Но лавочники согласились давать в кредит и говорили: „Держитесь, ребята, за свое, не уступайте. Мы будем давать хлеб все время“. От этого рабочие опять ожили» («Искра», № 92). Первую неделю настроение было бодрое. Рабочие поговаривали: «Врут, подлецы, сдадутся». А когда подлецы все же не сдавались, настроение несколько ухудшилось. Но видна была решимость бороться до победы.

Наконец на 13-й день стачки приехал вице-губернатор и ускорил развязку. На другой день дирекция пошла на уступки и согласилась на следующее удовлетворение требований рабочих по 15 пунктам: 1) окружный инспектор приезжает для надзора каждое 1-ое и 15-ое; 2) завод дает ежегодно 5.000 р. на пособия рабочим и семьям их во время болезни, не считая увечий, предусмотренных законом 2 июня 1903 года. 3) семейные рабочие получают воду и уголь бесплатно после 3-х месяцев работы на заводе; 4) завод приглашает русского врача; 5) устраивается гигиеническая баня; 6) перевязочный пункт и карета скорой помощи; 7) бесплатное обучение на счет завода; 8) библиотека; 9) производство обысков у проходных ворот отменяется; обыск квартир—вопрос ведения полиции; 10) вежливое обращение с рабочими; 11) устраивается санитарное попечительство из заводских медиков и представителей рабочих; 12) взрослые чернорабочие, получавшие менее 1 руб., получают прибавку в 10 к., при чем плата чернорабочему не может быть менее 90 коп.; 13) за стачку никто не преследуется; 14) завод два раза в месяц выдает бесплатно рукавицы и ладошки рабочим доменного цеха; 15) заработная плата увеличена на 10%. («Искра», № 89).

5 февраля рабочие приступили к работе, добившись сравнительно значительных уступок. Можно с уверенностью отметить, что двухнедельная забастовка Петровского завода была первой в истории донецкого рабочего движения по своей организованности, напряженности борьбы и достигнутым результатам. А в январе—феврале 1905 года она была блестящим наглядным уроком для отсталых неорганизованных донецких шахтеров и металлистов, показывающим, как надо бороться за свои требования.

Под влиянием Петровской стачки, и даже буквально с теми же требованиями, забастовали 24 января рабочие (300 чел.) Горловского машиностроительного завода. А 27 января по примеру петровцев прекратили работу 4.000 шахтеров Веровского и Софийского рудников. Забастовка на рудниках закончилась 2 февраля после незначительных уступок администрации менее удачно, чем у петровцев.

Горловская стачка проходила под руководством местного социал-демократического кружка, связанного с петровской группой РС-ДРП. «Стачка, возникшая на этом заводе впервые, в общем удалась. На третий день заводоуправление пошло на уступки, и рабочие, завоевав частичные требования, приступили к работе. Стачка сблизила активно выступавших рабочих и пробудила наш заводский поселок от сна. Горловские шахтеры, обманутые разными обещаниями директора, не бастовали» («Социал-Демократ» № 8. 1905 г.). Администрация завода, вынужденная стачкой на уступки, попыталась взять реванш путем расчета под тем или иным предлогом руководителей забастовки. Но на место единиц расчитанных «крамольников» вырастали десятки... Ряды организованных сознательных рабочих с каждым днем множились и укреплялись.

После юзовской и особенно после петровской стачки забастовочное движение стихийным размахом захватывало заводы и шахты Донбасса. Еще не затихала забастовка на одном предприятии, как вспыхивала на другом, то вдруг ширилась и распространялась на целый район заводов и рудников, превращаясь во всеобщую стачку.

Так, 25 января забастовали 15.000 рабочих заводов и шахт Макеевского района. Пред'явили следующие требования: 8-ми-часовой рабочий день, увеличение платы и уравнение платы бельгийских рабочих с русскими, устройство бесплатных больницы и школ и другие мелкие требования. Дирекция отказалась их удовлетворить и заявила рабочим, что если стачка не будет прекращена, то заводы и рудники будут закрыты на продолжительное время. Эта угроза еще больше возмутила рабочих, и они толпами разошлись с твердым решением продолжать стачку. Расходясь, рабочие кричали: «Долой самодержавие, да здравствует республика!» («Искра» № 87).

На Мариупольском заводе «Никополь» рабочие (750 чел.) пред'явили 25 января требования из 23 пунктов. Почти все требования мелочные—нет ни 8-ми-часового рабочего дня, ни общего повышения зарплаты, ни отмены штрафов. И несмотря на это, заводоуправление 31 января опубликовало свои многоречивые ответы, в которых, за исключением обещаний по 3—4 пунктам, ничего не удовлетворялось. Рабочие не согласились на такие мизерные уступки и в 4 часа дня 31 января забастовали. На другой день забастовавшие избрали 28 представителей для переговоров с дирекцией завода. Делегаты отправились в главную контору и повторили требования рабочих. Директор Василевский отказался делать дальнейшие уступки. Часть рабочих не выдержала упорства дирекции и уже 3 января из'явила желание работать, а с утра 4 февраля уже работали почти

все цеха. Стачка прошла так же, как и юзовская, неорганизованно и потерпела поражение.

Вслед за никопольцами, как бывало и прежде, забастовали рабочие (3.000 чел.) завода «Русский Провиданс», несмотря на то, что полиция принимала самые решительные меры к тому, чтобы изолировать «Провиданс» от влияния никопольцев. Никакие заграждения не помогли. Уже 1 февраля телеграф отстукивал полицмейстерское донесение: «Сегодня забастовали рабочие всех цехов завода „Русский Провиданс“. Они пред‘явили ряд требований, касающихся улучшения их материального положения и условий труда. Настроение тревожное. Приняты меры предупреждения беспорядков. Вызвана на завод казачья сотня» [1]. Здесь также рабочие потерпели поражение.

К концу января стачечное движение разрасталось. 1 февраля одновременно пред‘явили требования рабочие четырех крупнейших металлургических заводов: Краматорского, Дружковского, Юрьевского, Кадиевского и механического завода в Дебальцево. Только на Юрьевском обошлось без забастовки. Остальные заводы 1—2 февраля забастовали. Дружковцы пред‘явили 11 требований: 8-ми-часовой рабочий день, прибавка жалования на 50%, а чернорабочим подденно 1 рубль и дальше—бани, бесплатные квартиры, погреба, вежливое обращение и проч. Такие требования, как бани, погреба, увольнение подрядчика и сестры милосердия, удовлетворены. «А остальное,— пишет дружковский корреспондент,—будут решать в Петербурге, на войне с палачем и царизмом» («Искра», № 88). Забастовка продолжалась неделю и закончилась незначительными уступками.

Буря всеобщих стачек пронеслась по крупнейшим заводам Донбасса. Это—зрелище, невиданное и неслыханное в истории донецкой промышленности. Власти и предприниматели забили тревогу. Екатеринославский губернатор 5 февраля доносит министру: «Несмотря на мирный характер происходящих в губернии забастовок, настроение рабочих сильно повышенное; повсюду распространяются прокламации возбуждающего содержания, и циркулирует упорный слух о всеобщей забастовке с демонстрациями, насилием и вооруженным сопротивлением 19 или 20 сего февраля» [2]. В этом донесении нет преувеличения. Социал-демократические организации с лихорадочной быстротой развертывали массовую агитационную работу, подготовляя рабочих к решительным боям. В конце января юзовская группа Донецкого союза выпустила прокламацию «В бой за свободу». Она разошлась в нескольких тысячах по всему Донбассу. Листовка давала яркое описание питерских событий 9 января, раз‘ясняла их политическое значение и бросала призыв: «Будем готовы начать тем, чем пришлось кончить нашим петербургским братьям! Будем готовы вооруженным восстанием завоевать свободу!» (См. приложение I).

В феврале стачечное движение было в зените. Вслед за дружковской и краматорской стачкой и под их непосредственным влия-

---

[1] Архив Екатериносл. Истпарта, дело № 349, телегр. № 12.
[2] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 17, 1905 г., № 1063.

нием бастует с 8 по 11 февраля Торецкий завод, а 11 февраля началась всеобщая стачка Константиновских заводов (железопрокатного, стекольного, зеркального и химического). Забастовали около 4.000 рабочих. «Требования рабочих носят чисто-экономический характер. Поведение рабочих корректное. Пьяных не видно» («Горнозав. Листок» № 9, 1905 г.). Забастовка протекала весьма дружно. Рабочие добились значительных уступок и 16 февраля приступили к работе.

На-ряду с крупными предприятиями бастовали не менее дружно и мелкие. Так, в немецкой колонии Нью-Иорк 8 февраля в 3 часа дня забастовали рабочие (150 чел.) механического завода Оливье. Толпой прошли по колонии и к ним присоединились рабочие (100 чел.) завода Нибура и пяти вальцовых мельниц. Забастовка протекала организованно. Часть требований была удовлетворена, и 12 февраля рабочие приступили к работе [1].

Под влиянием заводских стачек начинают просыпаться и шахтеры. С 7 по 10 февраля бастуют рабочие Орлово-Кленовского рудника Криворожских копей. А с 10 по 13 февраля бастовала шахта № 1 Кадиевских рудников. По своим требованиям эти стачки, так же как и заводские, исключительно экономические. Но проходили менее организованно—с некоторой отрыжкой буйной старины. Так, на шахте № 1 Кадиевских рудников часть забастовавших рабочих «в первый же день стачки побили окна в некоторых зданиях, испортили кое-какие части под'емной машины и сбросили в ствол две вагонетки с лесом» [2].

В этой первой волне экономических стачек в Донбассе выделяется единственная всеобщая политическая забастовка в Луганске. Она была запоздалым откликом на питерские события, и поэтому луганский корреспондент «Рабочий» с некоторой досадой отмечает: «Наконец-то и наше болото всколыхнулось» («Вперед» № 12). Стачка возникла и проходила под непосредственным руководством луганской организации РС-ДРП. 15 февраля состоялось конспиративное заседание организации в 20 человек, на котором был избран стачечный комитет [3], подробно обсужден и принят план всеобщей забастовки.

В ночь на 16 февраля была разбросана по рабочему поселку прокломация—«К рабочим завода Гартмана» за подписью Горного Комитета РС-ДРП. Листок призывал рабочих к забастовке и предлагал пред'явить 13 пунктов экономических требований, в числе которых: 8-ми-часовой рабочий день, государственное страхование рабочих за счет капиталистов, увеличение заработка на 20%, постоянная комиссия из выборных от рабочих и лиц администрации для установления расценок и выяснения недоразумений между рабочими и администрацией завода, отмена сверхурочных работ, полная

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 17, 1905 г. № 295.
[2] Там же, № 264.
[3] В стачечный комитет входили: Ененко, Нагих, Фридкин, Пузанов, Ворошилов, Нестеренко и Колесников, Иван. (По воспоминаниям т. Локотоша).

отмена штрафов. Затем листовка продолжает: «На-ряду с такими требованиями, наши товарищи Петербурга, Москвы, Екатеринослава, Харькова и многих других городов пред'являли еще и политические требования, к которым и мы должны присоединиться: 1) участие народных представителей в управлении государственными делами, 2) свобода слова, печати, собраний, союзов и стачек и 3) освобождение всех пострадавших за убеждения». Как экономические, так и политические требования поставлены определенно, четко и ясно.

Утром 16 февраля рабочие всех цехов Гартманского завода с захватывающим вниманием читали прокламацию. К 3-м часам дня рабочие механического отдела выключили моторы и с криками— «Ура, бросай работы»—направились по всем отделам и быстро приостановили работу во всех цехах. Сопротивлявшихся выгоняли на двор. Забастовало 3.500 человек. Рабочие большой массой, после летучего митинга, направились по линии железной дороги к Патронному заводу, чтобы остановить работу. Толпа была настроена бодро. «Шедшему навстречу пассажирскому поезду, по сообщениям полиции, рабочие не очистили рельс, так что последний должен был остановиться и пропустить толпу, которая разбила на паровозе стекла фонарей» [1]. В Патронный завод однако не удалось проникнуть и прекратить работу.

На другой день, 17 февраля, гартманцы собрались у железного моста, устроили большой митинг, на котором выступал ряд ораторов с раз'яснением экономических и политических требований. Потом рабочие направились в город и «прекратили работы в казенном патронном заводе, казенном винном складе, железнодорожных мастерских, спиртоочистительном заводе, заводе эмалировочной посуды, двух типографиях и нескольких мелких мастерских» [2]. Гартманцы везде разбрасывали прокламации Горного Комитета «К рабочим и работницам железнодорожных мастерских, заводов патронного и эмалировочного и других промышленных заведений гор. Луганска» (См. приложение II). В этом листке уже на первом месте стоят политические требования правительству и на втором—экономические предпринимателям.

К полудню забастовали не только заводы и мастерские, но даже приказчики и парикмахеры. Все забастовавшие присоединились к гартманцам, и шествие превратилось в грандиозную шеститысячную политическую демонстрацию. В толпе распространялись листки и говорились речи. Городом, в котором закрылись даже парикмахерские, лавчонки и мелкие мастерские, завладели забастовавшие рабочие. Власти растерялись и не принимали никаких мер к прекращению демонстрации. Дирекция Гартманского завода, по соглашению с полицией, поспешила удовлетворить требования своих рабочих, чтобы обезглавить всеобщую стачку. 17 февраля из пред'явленных рабочими 29 требований администрация в своих ответах категори-

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, часть 17, 1905 г., № 295.
[2] Там же, № 318.

чески отказалась удовлетворить основные. А 19 февраля директор Хржановский дополнительно опубликовал следующие уступки: «1) Впредь до издания закона нормировки рабочего времени правление заводов согласно установить 9 час. действительной работы в день для мастеровых и рабочих третьей категории... В дни получек рабочее время 7 час. для рабочих третьей категории; 2) постоянные чернорабочие, работающие на поденной работе и не участвующие в отдельном заработке, получают: прослужившие не менее полугода 80 коп., не менее 1 года—90 к. и 2 года и более—1 рубля; 3) за время забастовок правление решило не платить, но, имея в виду желание рабочих устроить при заводе ссудо-сберегательную кассу, разрешило заводоуправлению единовременную сумму, равную двухдневной поденной плате всех мастеровых и рабочих завода, отчислить на образование неприкосновенного фонда означенной кассы» [1].

Таким образом, большинство требований гартманцев удовлетворено—введен даже 9-ти-часовой рабочий день для одной категории рабочих. Рабочие других предприятий проиграли забастовку и приступили к работам 19—20 февраля. Патронцы пробовали было 21 февраля начать экономическую стачку, но, после об'явления им 22 февраля телеграммы о закрытии завода, если рабочие немедленно не приступят к работе на прежних условиях, 23 февраля с утра все стали на работу.

Одновременно с луганскими стачками, вспыхнули бурные забастовки шахтеров на Рыковском, Щербиновском и Ртутном рудниках. Перед забастовкой на этих рудниках распространялись прокламации—«Требования рабочих Рыковского и Щербиновского рудников» Юзовской группы РС-ДРП. На Рыковке забастовали 2.300 человек 17 февраля. А 19 февраля местный ротмистр доносил департаменту полиции: «С наступлением темноты толпа рабочих разбила магазин Давидовича. Часть товара разграбила и, разломав забор, начала осыпать камнями охранявших коксовые печи казаков, которыми выпущено 6 боевых патронов. Двое рабочих ранено. Один из них умер. Теперь спокойно. Работы не начались». В подобных лживых полицейских реляциях всегда выходило так, что звери-шахтеры нападали на мирных казаков...

Еще более возмутительной и наглой была кровавая расправа с мирно бастовавшими рабочими Щербиновского и Ртутного рудников. На Щербиновке 20 февраля забастовало 2.500 рабочих. А 21 февраля губернатор доносил министру: «Забастовавшие рабочие Щербиновского рудника, неудовлетворенные в непомерном требовании увеличения заработной платы забойщикам на 30%, устремились к паровым котлам, шахтным зданиям и торговым лавкам с целью уничтожения имущества и грабежа. На месте была рота пехоты и сотня казаков. Все меры увещевания не повлияли на рабочих, которые стали бросать в войска камнями, кайлами, обушками и произвели несколько выстрелов из револьверов, что заставило войска

---

[1] Архив, дело № 4, ч. 17, 1905 г.

дать залп. Убито 2, тяжело ранено 4, в числе коих одна женщина умерла и легко ранено 6»[1].

Такое же «нападение» на «мирные» войска произвели забастовавшие 21 февраля шахтеры (1.500 чел.) Ртутного рудника. Тот же губернатор доносит по начальству: «В войска из толпы бросали камнями и произведено несколько выстрелов из револьвера. Это вынудило дать залп полуротой: убито трое, ранено пять. Порядок восстановлен»[2].

После расстрела щербиновские рабочие телеграфировали министру: «На руднике казаками и пехотой ранено рабочих 12, убито 2

Общий вид Щербиновского рудника.

и 1 женщина. Просим расследования. Депутаты рабочих Щербиновского рудника Лесковой и Росковский».

Мирные экономические стачки были затоплены в крови шахтеров. На требования повысить плату жадные шахтовладельцы отвечали залпами пехоты и казацкими нагайками. После такого «успокоения» немедленно были арестованы 164 участника забастовки и отправлены в Бахмутскую и Луганскую тюрьмы. Рудники же были оккупированы войсками. В Донбасс (только в Бахмутский и Славяносербский уезды) нагнали 18 рот пехоты, 5 сотен казаков и 4 эскадрона драгун.

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, часть 17, 1905 г. № 6.508.
[2] Там же. № 7.205.

Несмотря на наводнение шахт и заводов войсками, 22 февраля забастовали 12.000 рабочих Юзовского завода и рудников. А на другой день из солидарности прекратили работу 5.000 шахтеров рудника «Ветка», а также рабочие всех типографий и ремесленных заведений поселка Юзовка (ныне г. Сталино). Заводские рабочие пред'явили 27 пунктов экономических требований. Директор Андерсон, победитель прошлой январской стачки, теперь ответил категорическим отказом на требования рабочих. «Главные требования забастовщиков направлены,—сообщает хозяйский корреспондент,—к увеличению зара-

Общий вид Ртутного рудника.

ботной платы, сокращению числа рабочих часов и к урегулированию соотношений между ними и хозяевами. За эти дни улицы были необыкновенно многолюдны. Забастовщики вели себя вполне мирно. и порядок нигде не был нарушен» («Горнозаводский Листок» №№ 10—11, 1905 г.). Когда же выяснилось, что директор отказывается вести переговоры, стачечный комитет немедленно снял последних рабочих с котлов и водоотливов. Поэтому 28 февраля появилось следующее об'явление окружного горного инженера: «Со вчерашнего дня сменные рабочие обычных смен при котлах и насосах шахт не явились, а также и при водокачках общего заводского водоснабжения не вышли к месту своего назначения. Шахты затопляются водой. Ливенский пласт в поле старой № 4 шахты погиб и работы в нем возобновлены быть не могут. Те же последствия угрожают и остальным шахтам. Остановка шахт вызовет остановку

завода и прекращение всего дела. На предстоящую возможность лишения заработка многих тысяч рабочих обращаю внимание и призываю рабочих к благоразумию» («Горнозаводский Листок» №№ 10—11).

Угроза закрытия завода и шахт не сломила упорства и солидарности рабочих. «В смысле огромности,—сообщает корреспондент,—забастовка превзошла все ожидания. Рабочие сами не думали, что забастовка примет такие грандиозные размеры. В течение недели и больше происходили громадные митинги в 12—13 и до 15 тысяч человек. К сожалению, предшествовавшая работа была так слаба, что к данному моменту не составилось довольно крупной организованной массы, с помощью которой можно было бы повести политическую агитацию» («Социал-Демократ» № 7, 1905 г.).

Несмотря на большую солидарность и организованность стачки, директор завода не уступал. А тем временем поездами стягивались войска и производились аресты руководителей забастовки. В начале марта директор об'явил локаут, закрыл завод и шахты и расчитал всех рабочих. Масса рабочих, около 6.000, предпочла расчет работе на старых условиях. Остальных рабочих по выбору принимали на завод.

Так катастрофически закончилась геройская стачка юзовских металлистов и шахтеров. На опыте этой забастовки,—отмечает юзовский корреспондент,—«рабочие на своей собственной спине испытали, как необходима борьба с самодержавием, что не раньше надо вести экономическую борьбу, а потом политическую, а одновременно, и даже больше—в настоящее время необходимо поставить во главе своих задач свержение самодержавия. В этом смысле теперь многие рабочие высказываются и ругают правительство» («Социал-Демократ» № 7). Неудавшаяся стачка создала еще более напряженное настроение рабочих, так как «притеснения увеличились, расценки сильно понижены, говорят о бунте...» («Искра» № 106).

Одновременно с юзовцами забастовали шахтеры: 28 февраля Варваропольских рудников, а 1 марта—2.300 рабочих Рутченковских (ныне Краснотворческих) копей. Эти стачки, так же как и юзовская, были прекращены военной силой и угрозами локаута. Предполагавшаяся стачка 2.000 шахтеров на Лидиевском руднике и 4.000 на Карповском (ныне им. т. Петровского) была подавлена в самом зачатке.

На этом и прекращается первая январская волна стачечного движения в Донбассе. С первых чисел марта наступает двухмесячная передышка, чтобы в мае—июне с новыми силами продолжать борьбу.

Поражение последних стачек говорит о том, что власти и предприниматели, наконец, пришли в себя от стачечного переполоха, собрались с силами и перешли в наступление. Для донецких промышленников, привыкших рассматривать русских рабочих как колониальных рабов, даже самые скромные требования—сносных квартир, больниц, школ и бань—казались слишком дерзкими покушениями на их дивиденды. Не даром один директор воскликнул с пафосом в минуту откровенности: «Больница — это темное пятно на

светлом фоне дивиденда». Поэтому горнозаводчики предпочитали удовлетворять своих рабочих казацкими нагайками и пулями вместо бань, больниц и школ. А отсюда такое исключительное внимание у горнопромышленников к казакам. Когда начались еще невиданные в Донбассе забастовки, среди предпринимателей появился на французском языке проект ходатайства о «снабжении» Донбасса казаками: «В виду все более и более возрастающего стачечного движения в Донецком бассейне, мы полагали бы, что коллективное ходатайство наше перед правительством могло бы повести к увеличению той вооруженной силы, которая бы охраняла частную собственность и личную безопасность в случае беспорядков. Как вам известно, число казаков, находящихся в Юзовке и Макеевке, будет совершенно недостаточно в том случае, если, как это можно предвидеть, одновременно вспыхнут беспорядки в нескольких пунктах» («Искра» № 97). Этот замечательный документ свидетельствует о том, что горнопромышленники готовились по-старинке, как когда-то с шахтерскими беспорядками, теперь расправляться с мирными организованными стачками рабочих.

В итоге, забастовочное движение с 17 января по март захватило больше 50 только крупных предприятий, заводов и шахт, с количеством забастовавших рабочих до 80 тысяч. За полтора месяца размах движения по количеству и по организованности превосходит в несколько раз все то, что было в предыдущей тридцатилетней истории рабочего движения в Донбассе. По темпу движения рабочие Донбасса равнялись по передовым пролетарским центрам России. В Донбассе, так же как и во всероссийском рабочем движении, январь 1905 года дал в десять раз больше забастовавших рабочих, чем за предыдущее десятилетие 1894—1904 годов.

Под чьим руководством возникали и проходили донецкие забастовки? На крупных заводах и рудниках можно с уверенностью сказать, что стачками руководили местные социал-демократические группы, хотя зачастую сил их хватало только на то, чтобы выпустить литографированный листок или помочь рабочим выработать требования, а дальше стачка продолжалась самотеком. Реже бывало так, как в Луганске, когда забастовкой руководил от начала до конца подпольный стачечный комитет из социал-демократов. Но в этом ничего нет удивительного, так как даже в Петербурге первые январские стачки и события 9 января, прошли мимо социал-демократических организаций. «Социал-демократы оказались, как ни печально в этом сознаться, оттертыми этим прямо стихийным движением» (Ленин, VI том, стр. 69). В Донбассе же, несмотря на полный разгром в конце 1904 года партийных организаций, уже первые стачки на Юзовском и Петровском заводах проходят при близком участии хотя и слабых сил местных социал-демократических групп. «Вообще забастовки рабочих в губернии,—сообщает министру Екатеринославский губернатор,—хотя и носят мирный характер, хотя и подчеркивают исключительно экономические нужды, но, несомненно, руководятся лицами, посторонними рабочей среде. Усматри-

вается это, во-первых, совершенной почти тождественностью требований рабочих на всех фабриках, заводах и горных промыслах, а, во-вторых, из слов проговаривающихся рабочих, которые, приходя к соглашению, воздерживаются от окончательных ответов до получения якобы указаний от каких-то особых руководителей. Тем не менее, рабочие остерегаются допускать на свои совещания лиц, им незнакомых и поднимающих какие-либо вопросы политического характера» [1].

Последнее замечание губернатора также верно. Все попытки социал-демократов, за исключением Луганска, придать стачкам политический характер, почти всегда срывались малосознательными рабочими. «Организация,—сообщает в своем отчете Петровская группа,—несмотря на свое желание связать с экономической борьбой политический протест, не могла сделать этого по недостатку хороших ораторов... Рабочие охотно слушали, когда им говорили об экономической борьбе, когда же начинали им говорить о политической борьбе, слышались неодобрительные отзывы: „не надо политики!“. Приходилось переходить на другую тему» («Искра» № 101, приложение). Во время февральской юзовской стачки «говорившиеся речи носили по преимуществу экономический характер, и только намеками указывалось на правительство». А когда один рабочий начал более смело говорить о свободе собраний, печати и стачек, то из толпы закричали: «нам не нужно посторонних». Поднялся шум, и рабочие отказались слушать оратора. Тогда полиция попыталась воспользоваться случаем и арестовать говорившего, но толпа решительно запротестовала и заявила: «мы арестовать не дадим, так как он говорил за нас, и пусть сам идет, куда хочет» («Социал-Демократ» № 4, 1905 г.). Все эти факты говорят об одном—рабочие массы заводов и шахт в прошлом были крайне слабо задеты политической агитацией социал-демократии. Предстояла громадная агитационная и пропагандистская работа в самой гуще рабочих, чтобы в решительный момент можно было экономическую стачку превратить в политическую и затем перевести в вооруженное восстание.

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, часть 17, том II. 1905 г.

III.

Донецкий союз РС-ДРП.

Донецкий союз начал организовываться в январе 1902 года под названием «Социал-демократический союз горнозаводских рабочих» [1]. В октябре 1902 года он формально об'явил о своем существовании обращением «к организованным товарищам». Тогда же связался с соседними губернскими комитетами и получил необходимые санкции от высших партийных органов. В январе 1903 г. союз организовал свою «технику» и приступил к массовой агитационной работе. И затем в течение полугода развернул так широко свою печатную, массовочную и стачечную деятельность, что на II с'езде партии был признан полноправной организацией и занял место в ряду крупных комитетов партии.

Союзу удалось быстро об'единить существовавшие и создать новые с.-д. организации и группы в крупных промышленных пунктах Донецкого бассейна. К концу 1903 г. союз об'единял организации: Юзовки, Луганска, Мариуполя, Таганрога, Енакиево, Бахмута (ныне Артемьевска) Славянска, Алмазной и Юрьевки с прилегающими к ним промышленными районами. Таким образом, весь Донбасс, за исключением самой восточной части Сулинского и Шахтенского районов, связанных с Донским комитетом, входили в донецкий союз. В 1905 году район деятельности Союза оставался прежний, но включал в себя ряд вновь возникших с.-д. групп: Горловскую, Макеевскую, Петровскую, Харцызскую, Дружковскую, Вознесенскую и другие.

Блестяще начатая союзом организационная и агитационная работа перед III с'ездом партии продолжалась до конца 1903 года. В декабре этого года «Союз горнозаводских рабочих» на своем III с'езде переименовался в «Донецкий союз РС-ДРП», реорганизовал местные комитеты в группы и наметил новый план организационной и пропагандистской работы. Но многому из намеченного не суждено было совершиться, так как 1904 г., год войны и год упадка рабочего движения, оказался лихой годиной в жизни многих партийных организаций и в частности Донецкого союза. По отчету союза: «1904 г. был одним из самых худых для Донецкого союза. Целый ряд провалов, отчасти благодаря провокации, совершенно

[1] См. ст. Харечко «Социал-демократический союз горнозаводских рабочих», «Летопись Революции», № 3, 1925 г.

обессилили организации, особенно юзовскую и центр, и не позволяли установить работу на сколько-нибудь продолжительное время» («Искра», № 99).

Кроме общих причин: война, кризис, безработица, упадок рабочего движения, ослабление деятельности союза, следует еще отметить: 1) отсутствие с весны 1904 г. центра (комитета) союза, функции которого исполнял Донской комитет, 2) не было в Донбассе крупного городского культурного центра, где бы можно было создать базу союза для черпания сил и средств и 3) партийный кризис и связанная с ним дезорганизация внутри партии тормозили присылку союзу партийных сил и средств.

Если это терпимо было для 1904 г., когда приходилось вербовать единицы и организовывать десятки, то становилось совершенно невыносимым для 1905 г., когда напряженная революционная ситуация потребовала от партийных организаций вербовать десятки и сотни, а организовывать на стачечную борьбу тысячи и десятки тысяч рабочих. В соответствии с коренным образом изменившейся обстановкой необходимо было расширить, партийно углубить и централизовать работу всех групп и кружков Донецкого союза.

Для этого прежде всего надо было восстановить Комитет союза и создать собственную мощную технику, так как быстро восстанавливавшиеся местные организации Донбасса не могли больше удовлетвориться случайным руководством Донского комитета. А это означало заново организовать Донецкий союз как самостоятельную партийную организацию, связав работу в Донецком бассейне с работой всей партии.

Задача эта могла быть решена только путем созыва Донецкой партийной конференции. Созыв такой конференции взяла на себя наиболее сильная в то время юзовская группа, организовавшая уже в конце 1904 г. самостоятельную технику для Донбасса.

Конференция состоялась в апреле 1905 г. Собрались на нее делегаты от юзовской, бахмутской, мариупольской и петровской групп и Горного комитета (в Луганске). Был также приглашен делегат с совещательным голосом от Донского комитета, но по случайной причине не явился.

В порядке дня конференции стояли следующие вопросы: 1) отчеты о деятельности групп за все время от II с'езда партии, 2) организация центра союза и групп, 3) отношение к III с'езду, 4) план работы на ближайшее будущее и 5) работа в деревне.

Из отчетов о деятельности групп выяснилось, что за полтора года во всем районе было распространено до 200.000 листков Донецкого союза, донского комитета, Екатер. комитета и Ц.К. Бюджет всех групп союза за отчетное время в общей сложности не превышал 3.000 руб. и составлялся из сумм, собранных среди рабочих, учащихся, интеллигенции от продажи карточек и литературы. Кроме того, некоторую помощь группам оказывал Донской комитет. За январь—март 1905 года связи групп настолько расширились, что листки общего характера могли распространяться по району не

менее, чем в 20.000 экз. Но группы попрежнему испытывали большую нужду в людях, деньгах и литературе, что было основной причиной недостаточного руководства и слабого политического использования группами январских и февральских стачек.

Вопрос об организации центра и групп вызвал продолжительные прения, в результате которых принято следующее решение: «1) Для образования самостоятельного центра союза выбрать одного товарища и поручить ему, совместно с Донским ком., сорганизовать новый состав Донецкого комитета. Кроме того, найдено необходимым немедленно усилить местные группы людьми, литературой и т. д. 2) Комитет должен находиться в самом тесном общении с группами, руководить их политической агитацией, распределять силы по группам, устраивать ежемесячные конференции групповых работников. 3) Группы автономны в своих делах и пользуются правом решающего голоса при обсуждении всех общепартийных вопросов. 4) Группы отчисляют Комитету 25 проц. своего дохода. 5) Высказано пожелание иметь в районе по крайней мере одного раз'ездного агитатора для массовок. 6) Группы доставляют комитету ежемесячные отчеты, сводку которых Комитет рассылает по группам и центральным учреждениям партии» («Искра» № 99).

Основные пункты этого постановления устанавливают порядок образования Донецкого комитета и его взаимоотношений с местными группами. Последние складываются по принципу меньшевистской автономности, являвшейся отрыжкой старой кружковщины. Эта пресловутая автономность, противопоставлявшаяся большевистскому централизму, была уставной отличительной чертой меньшевистских партийных организаций.

Третий вопрос конференции определял отношение союза к созыву III с'езда партии. Но об этом будет речь ниже.

По четвертому пункту порядка дня—о плане работы на ближайшее будущее—конференция ограничилась небольшим обменом мнений, признав необходимым сосредоточить все внимание групп на агитации по поводу комиссий Коковцова и Булыгина, а также на подготовке празднования первого мая.

По последнему вопросу—о постановке работы в деревне—конференция решила «обратить особое внимание на укрепление связей в деревне и на издание и распространение специальных листков к крестьянам».

Кроме этих пяти вопросов порядка дня, в процессе работ конференции был выдвинут делегатами еще ряд интересных вопросов, но за недостатком времени обсужден только один — о вооружении. По этому вопросу решено, после обсуждения соответствующего письма редакции ЦО (т.-е. меньшевистской «Искры»), предпринять ряд практических шагов и призвать рабочую массу к самовооружению.

На этом закончилась первая, апрельская, конференция Донецкого союза, избравшая одного уполномоченного, которому поручила организовать Комитет союза.

Но прошло два с лишним месяца от первой до второй, июньской, конференции, а уполномоченному удалось только наладить связь союза с ЦО («Искра»), Южным бюро и Донским комитетом. Главное же поручение—организация комитета союза—осталось невыполненным. Уполномоченный в своем отчете («Искра», № 109), об‘ясняет свою неудачу двумя причинами: во-первых, потому, что Донской комитет не мог выделить для этой цели товарища, и, во-вторых, потому, что товарищи, приглашенные уполномоченным, были связаны работой на местах вследствие отсутствия там сил.

Таким образом все время (апрель—июнь) между двумя конференциями приходилось выполнять функции центра союза одному уполномоченному. Вся его деятельность, как видно из его отчета, сводилась к изданию, получению от других организаций и распространению по местным группам литературы. За 3 месяца было издано 11 названий листков, в количестве 69.080 экз. Получено два транспорта литературы от Донского Комитета и Южного Бюро, содержавших газеты «Социал-Демократ» №№ 1—5—500 экз., «Искру» №№ 80—99—200 экз., 1.000 брошюр (изд. ЦК) и 7.900 экз. разных листков ЦК и Крымского союза. В итоге распространено 76.980 листков, 700 экз. газет и 1.000 брошюр. Бюджет союза за это время выразился в 433 руб. 70 к., распределяясь по месяцам так: за апрель—198 руб. 50 к., за май—100 руб. и за июнь—135 руб. 20 к. Если принять во внимание, что месячный бюдет в это время некоторых южных организаций (Киев, Одесса) превышал 1.000 руб., то можно себе представить, с какими жалкими грошами начинал свою работу Донецкий союз.

В июне состоялась вторая конференция Донецкого союза. На ней был избран комитет союза из трех членов с правом кооптации и разрешен ряд тактических, организационных и военно-технических вопросов.

Принято решение об отношении к постановлениям III с‘езда партии и общерусской конференции «меньшинства». Разработаны и приняты дополнения к уставу «меньшинства», под названием «Устав Донецкого союза» [1]. Особым вопросом обсуждалась резолюция о вооружении, выработанная комиссией общерусской конференции

---

[1] *Устав Донецкого Союза:* 1) Донецкий союз составляется из групп и Комитета. 2) Об‘единяющим и руководящим центром ДС является Комитет. Он избирается на конференции ДС в количестве 3 членов с правом кооптации. 3) Все члены комитета ДС работают в местных организациях ДС. 4) Комитет издает листки общего характера, руководит пропагандой и агитацией, распределяет силы Союза, сносится с партийными организациями и центрами. 5) Раз в два месяца созывается конференция ДС; на ней присутствует по одному делегату от каждой организации и представитель Комитета ДС, каждый с правом одного решающего голоса. 6) Конференции ДС созываются Комитетом. Экстренные конференции созываются по требованию: а) большинства групп; б) Комитета ДС. 7) Конференция ДС выбирает делегата на партийный с‘езд и областные конференции. 8) Группы отчисляют Комитету ДС 20% своего дохода на технику. 9) Группы представляют Комитету ДС каждые две недели отчеты о своей работе. Комитет также осведомляет группы о своей деятельности. Во всем остальном ДС руководится уставом «меньшинства».

меньшевиков. Постановлено обратить внимание Комитета союза на § 3 этой резолюции, в котором предлагается «организовать при комитетах особые технические группы специально занимающиеся разработкой технических вопросов самозащиты и нападения и добывания оружия для боевых отрядов». («Искра», № 108).

На первом же своем заседании Комитет Союза организовал такую техническую группу под названием «социал-демократический союз Арсенал». Группа немедленно приступила к работе и за первую неделю «собрала 15 человек и 165 рублей, завязала сношения, выработала схему своей деятельности и план организации» («Искра», № 108). Насколько «схема и план» оказались реализованными будет видно ниже из обзора деятельности боевых дружин союза.

Так медленно возрождался после полуторагодового перерыва Донецкий союз. Гораздо быстрее оправились от полицейских разгромов и недостатка работников местные организации союза. Уже в январе и феврале они принимают по мере сил активнейшее участие в руководстве стачечным движением.

Юзовская группа, больше других пострадавшая от провалов и провокации, в декабре 1904 года поставила «технику» для всего Донбасса[1]. А в январе 1905 года первая организует стачку на Юзовском заводе. После неудавшейся забастовки группа еще с большей энергией, не покладая рук, организует и агитирует. Собираются чаще массовки, на которых все больше и больше выявлялось и привлекалось к активной работе новых сил из рабочих от станка. Связи все глубже проникали в рабочие массы. Выпускаются десятки тысяч экземпляров листовок: «Петиция», «Жить в свободе, умереть в борьбе» (4 тыс.), «Послание Гапона» (4 тыс.), «В бой за свободу» (8 тыс.), «Ко всем рабочим и работницам» (4 тыс.), «19 февраля» (6 тыс.), «К юзовским рабочим и работницам» (2 тыс.), «К рабочим Юзовского района» (3 тыс.), «К ветковским и юзовским рабочим» (2 тыс.), «Что же дальше?» (5 тыс.), и другие, им же несть числа. Листки распространялись далеко за пределами Юзовского района и будоражили сознание рабочих масс.

Потребовался месяц большой, упорной и смелой работы юзовской группы, чтобы подготовить отсталые массы к новой схватке с заводчиками и шахтовладельцами. Об'явленная 22 февраля стачка на заводе на другой день превратилась во всеобщую, так как забастовали все заводские шахты и все предприятия в поселке Юзовка. Шахтеры и металлисты стойко держались три недели. Только локаут, аресты и казацкие нагайки сломили эту исключительно дружную и хорошо организованную забастовку.

После геройской стачки юзовский корреспондент сообщал: «Как организация у нас ни слаба, все-таки имеются кружки на многих ближайших рудниках и заводах. Но сознательных рабочих много

---

[1] Следует отметить, что незадолго перед этим провалилась совместная типография Донского комитета и Союза. По делу этой типографии судились в 1905 году Кофф, Куркова и Чайников («Искра» № 103).

и помимо кружков. Только они не могут все входить в организацию. В случае же каких-нибудь событий они выплывают на поверхность» («Искра» № 106). Стачка, даже неудавшаяся, была самым могучим агитатором. Она создала социал-демократической организации большой авторитет в массах. Листки читались с захватывающим интересом; массовки привлекали, несмотря на репрессии, гораздо больше народа, чем прежде.

Связь с рудниками множилась и укреплялась. Организовались кружки в Макеевке, на Ветке, на Берестово-Богодуховском, Рыковском и других рудниках. А на Вознесенском руднике существовала еще с 1904 года активная группа, в которую входили: Курлов, Юдин, Заикин, Дебелый, Михайличенко, Гробинштейн, а позже вошли— Костылев, Золотов, Садовой, Мышковский и другие.

Расширение связей и рост организации вызвал бешеный натиск репрессий, особенно после февральской стачки. Уже во время стачки был арестован Герш Гутцайт, разбрасывавший в толпе прокламации. Когда полиция его вела в участок, он кричал толпе: «Товарищи! соединяйтесь, чего вы боитесь полиции. Долой самодержавие, долой царя! Да здравствует социал-демократическая рабочая партия!» [1] В апреле на 12 линии были арестованы два товарища, разбрасывавшие прокламации. Один из—них парикмахер Спивак. Оба были жестоко избиты и отправлены в Луганскую тюрьму («Искра» № 101). После этих одиночных арестов в ночь на 23 апреля случился большой провал. В доме Брехова по 12 линии была накрыта штаб-квартира юзовской группы. Арестовали Тодрамовича и Семенова. В квартире же обнаружили: больше 15.000 разных листовок и нелегальных газет, печать с надписью «Юзовская группа Донецкого комитета РС-ДРП», подушка для краски к ней, шелковый флаг красного цвета размером около двух аршин, с надписью на нем: «Да здравствует всеобщее Учредительное Собрание Ю. Г. РС-ДРП Д. К.», чернила для гектографа, типографская краска, валик и шрифт [2].

Это был крупный провал, сорвавший подготовку первомайской стачки и демонстрации. Но организация теперь не в пример 1904 г. быстро восстанавливала свои силы. Уже к 1 мая в отчете группы сообщалось: «Работа постоянно расширяется; часто собираются кружки, летучки, подчас и массовки. Растут связи на рудниках». («Искра» № 102).

Луганская организация вступила в 1905 год крайне слабой. Лучшим доказательством этого является слишком запоздалая стачка. После питерских событий потребовалось полтора месяца на ее подготовку. До луганской забастовки уже целый месяц, начиная с 17 января, бушевали стачки по всем заводам и шахтам Донбасса. На слабость луганской организации указывает еще и то, что на начавшуюся в стране революцию она не откликнулась даже прокламацией. Только 15 февраля появилась первая в 1905 году гектогра-

---

[1] Архив Екат. Истпарта, дело № 61.

[2] Там же, дело № 191.

фированная листовка с требованием рабочих Гартманского завода. Кстати сказать, в ней даже упоминания не было о событиях 9 января.

В половине февраля организация настолько окрепла, что весьма удачно организовала и провела первую в Донбассе всеобщую политическую стачку. «После февральской забастовки,—сообщает луганский корреспондент,—работа закипела. Растут связи—и там, где было „кое-что“, сейчас создалась крупная работа. Довольно трудно приходится вести работу, когда одновременно с сплочением сагитированных рабочих, нужно строить и свой организационный аппарат» («Пролетарий» № 1, 1905 г.). Выигранная стачка, правда только для гартманцев, поставила невидимую подпольную организацию в центре внимания рабочих масс. К ней потянулись сочувствующие, из которых наиболее надежные и крепкие принимались в организацию. К маю уже набралось свыше 50 членов организации [1].

После стачки в течение марта—апреля было организовано несколько летучек и две массовки, главным образом из гартманских рабочих. На первой массовке в 80 человек были доклады о войне и о тактике социал-демократии. Докладчик о тактике выяснял позицию либералов по отношению к рабочему классу и отношение социал-демократии к либералам. Он указывал на стремление либералов опереться на рабочих как на единственную реальную силу в борьбе с самодержавием и на желание их использовать рабочих в своих классовых интересах. Оратор призывал рабочих организоваться в свою самостоятельную рабочую партию РС-ДРП и закончил свой доклад призывом готовиться к вооруженному восстанию, а для этого кто чем может пусть вооружается.

На второй массовке в 40 человек говорилось о том, как сознательные рабочие должны держаться во время погромов. «Все выразили готовность пойти против погромщиков, если не удастся направить движение по желательному руслу, т.-е. дать лозунг: „бей полицию“. С этой целью была организована оборона» («Пролетарий» № 1). Так проходила работа до потерпевшей поражение июльской стачки. После забастовки были рассчитаны с завода и высланы полицией из Луганска около 100 наиболее сознательных рабочих и арестовано 10 наиболее активных членов организации, в том числе Ворошилов, Бондарев и другие. Организация потеряла лучшие силы. Работа сократилась. По этому поводу в конце июля луганский корреспондент сообщал: «К сожалению, местная социал-демократическая организация еще не окрепла и не оказывает того влияния на рабочую среду, какое могла бы оказать при более благоприятных условиях внутрипартийной жизни» («Пролетарий» № 14). Организация оправилась только к октябрю, когда из центра прибыли новые сильные работники.

---

[1] В актив организации входили: Бондарев, Пилькевич, Ворошилов, Фридкин, Нагих, Рыжов (старший), Гуров.

Бахмутская группа уже в конце января принимает активное участие в организации забастовки портных и выпускает листовки: «Революция началась», «Ко всем мужским портным», «Послание Гапона», «Ко всем приказчикам гор. Бахмута. Листки печатались первое полугодие только на гектографе, а с августа—в типографии Донецкого комитета. В марте—апреле организуются 7 кружков, из которых шесть рабочих и один интеллигентский. Большую активность проявила группа в подготовке празднования 1 мая. В течение двух недель распространялись прокламации по Бахмуту, в Краматоровке, Попасной и Горловке. Было разбросано: 400 экз.—«1-ое мая», 300 экз.«—Ко всем гражданам» и 1.500 экз.—«Ко всем рабочим и работницам Донецкого бассейна». Кроме того, было созвано 4 массовки по 100—120 человек на каждой. В результате—1-го мая никто не работал. («Искра» № 100).

В августе группа часто собирала летучки и массовки. «Раз в неделю,—сообщается в отчете группы,—бывают летучки, на которых участвуют от 15 до 25 человек; время от времени устраиваются массовки: на одной было 180 чел., на другой—120. Говорили о Государственной Думе, о черных сотнях, о социализме. На первом собрании была вынесена резолюция о современных событиях» («Искра» № 112). В принятой резолюции заявлялось: «Мы, сознательные рабочие, единственным выходом считаем уничтожение существующего самодержавного строя и немедленный созыв всенародного Учредительного Собрания»... В этом же месяце группа выпустила ряд листков общеполитического характера: «Новая царская милость» (2.500 экз.), «Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право» (2.000 экз.), «Самодержавие на краю гибели» (1.300 экз.) и «Открытое письмо матросов в „Искру“ (2.000 экз.). Кроме того, группа издавала, начиная с января, ежемесячные отчеты. По майскому отчету бюджет группы равнялся 148 руб. 71 коп.

В городе группа вела работу главным образом среди еврейских рабочих и ремесленников. «Имеются связи и на заводах, сообщается в отчете, но очень слабые; последнее об'ясняется отсутствием русских рабочих-агитаторов, которые бы постоянно работали на заводе» («Искра» № 112). Что касается уезда, то Бахмутская группа имела постоянные сношения с Константиновкой, Дружковкой и Славянском, где, за недостатком работников, ограничивала свою деятельность только распространением листков и доставкой литературы.

Мариупольская группа принимала слабое участие в январьской забастовке на заводах «Никополь» и «Провиданс», так как «в Мариуполе тогда организации почти не было, некому было поддержать рабочих, и они на третий же день после забастовки стали на работу» («Искра» № 106).

Только после апрельской конференции Донецкого союза, создавшей вновь об'единение местных групп Донбасса, появились новые работники, и работа оживилась на заводах и в городе. Особое внимание уделялось заводам, которые по составу рабочих и условиям работы, были далеко неодинаковы. На «Никополе» — народ более

культурный, зажиточный, либеральная администрация. На «Провидансе» — полная противоположность. Поэтому и связи на первом были лучше, чем на втором.

Первые месяцы массовой работы (апрель—июнь) группа занималась главным образом распространением издаваемой и получаемой литературы. В это время группой изданы: «К мариупольским приказчикам» (100 экз.). «К рабочим трубочного и мартеновского цехов завода „Никополь" «(100 экз.), «Требования рабочих заводов „Никополь" и „Провиданс"» (100 экз.), «К никопольским рабочим» (100 экз.) и «О последних событиях» (600 экз.). Печатались листки на гектографе до июня, когда удалось наладить печатание в типографии Донецкого союза. Кроме своих листков, группа распространила 17.465 экз. листков и брошюр издания ЦК, Донецкого комитета, Крымского союза, Екатер. и Донского комитетов. За три отчетные месяца бюджет группы равнялся 442 руб. 65 коп.

В июне возникла стачка на заводах «Никополь» и «Провиданс», закончившаяся поражением, но несмотря на это достижения ее, по заявлению группы, чрезвычайно большие: «мы многое успели: 1) мы подняли в первый раз большой завод и временно руководили им, 2) мы вели два дня политическую агитацию на двух заводах и приучили до некоторой степени массу к улице» («Искра» № 106).

После забастовки работа расширялась по организации кружков и массовок. «За июль было устроено около 30 кружковых собраний (всех кружков 12), 2 летучки в 25 и 30 человек организованных и 4 массовки: одна в 25, две по 70, и одна в 300 чел.» («Искра» № 110). На собраниях проводились кампании,—одна по поводу забастовки на «Никополе» и «Провидансе» (стачка и социал-демократия) и другая по поводу Государственной Думы. На массовке в 300 человек, после трех речей о Государственной Думе и тактике социал-демократов, была принята резолюция протеста против созыва Думы с требованием Учредительного Собрания.

В августе работа группы по вербовке членов настолько усилилась, что актив организации [1] попытался 28-го числа организовать в городе первую демонстрацию. Для этого использовали с'езд народных учителей, заседавших в здании земства. На заседание с'езда явилось до 100 организованных рабочих. Вне очереди получил слово представитель группы Сойфер, М. С. и произнес политическую речь с призывом к учителям присоединиться к борьбе рабочего класса с самодержавием. После речи раздался единодушный крик: — «Долой царя-кровопийцу!», и толпа с пением «Варшавянки» вышла на улицу, прошла три квартала и под натиском конной полиции разбежалась. Демонстрация, хотя и немноголюдная, но смелая, произвела большое впечатление и подняла авторитет организации [2].

---

[1] В актив тогда входили: братья Семиловы, Гуров, Холин, Мержиевский, Хабаров, Зобков, Руттер, Сойфер, Ильин, Никуш, Гринбаум и др. (Воспоминания т. Шварцберга. «Летопись Рев.» № 4, 1925 г.).

[2] Архив Екат. Истпарта, дело № 349; «Социал-Демократ», № 15, 1905 г.

Таганрогская организация, после большого провала в 1903 г. и частых арестов в течение всего 1904 года, была совершенно уничтожена к началу 1905 года. Не осталось даже маленьких групп; уцелели только отдельные лица на некоторых предприятиях. Так, на Котельном заводе остались—Гапонов, Буненко, Лопатин, Меринов; на металлургическом—Муштаренко и Голицын; на винном складе — Волошина Лиза и Муштаренко Маруся; у печатников—Гордиенко, Глушко Антон и Дмитрий, Петров, Мещеряков и другие [1].

Только в апреле, с прибытием в Таганрог шести работников-профессионалов, организация начала возрождаться. Из восьми рабочих старых кружков был организован центральный кружок, через который восстанавливались связи с рабочими заводов и мастерских, с солдатами и казаками. К августу уже было организовано 30 рабочих, 9 интеллигентов и около 30 учащихся. Организация делилась на два коллектива: заводского района и городского. С ростом и укреплением группы был создан Таганрогский Комитет РС-ДРП в составе: Старцева, Оловягина, Флейшера, Волошиной, Коробьина, Курковой, Новикова и Миронова. Для организованных устраивались почти каждую неделю летучки. Для широкого круга сочувствующих созывалось в течение трех месяцев около 10 массовок, на которых присутствовало от 50 до 150 человек. («Пролетарий» № 17).

В июле (23-го) возникла стачка железнодорожных мастерских. «Организация, по сообщению корреспондента, отнеслась к забастовке отрицательно, так как время было неподходящее» («Пролетарий», № 16). Несмотря на это, забастовку мастерских поддержали работницы казенного винного склада. Тогда организация воспользовалась забастовкой для открытого выступления на митингах, что значительно укрепило положение группы в рабочих массах.

Петровская группа возникла в сентебре 1904 года. В течение этого года семь раз распространялись группой прокламации, но никакой организационной работы не велось, так как руководители не обладали достаточным практическим опытом, не могли создать прочного кружка, посредством которого можно было бы связаться с рабочими в цехах завода. «С начала же 1905 года—сообщается в отчете группы,—положение вещей стало изменяться к лучшему. Приехали несколько товарищей, которые скоро разбили рабочих по кружкам, и стали вести устную агитацию пока исключительно среди заводских рабочих». («Искра» № 101, приложение).

Во второй половине января группа уже настолько окрепла, что решила организовать забастовку на заводе. Выделила подпольный стачком, выработавший для рабочих требования, и выпустила 22 января гектографированную прокламацию с призывом к стачке. Двухнедельная забастовка была проведена в Донбассе на редкость организованно, с сравнительно большими достижениями.

---

[1] «Красное Знамя», № 134, 1925 г. См. материалы Таганр. Истпарта—«История революционного движения в Таганроге».

Молодая организация выдержала экзамен в первой боевой схватке рабочих с капиталом, несмотря на то, что у группы «в момент поднятия стачки не оказалось даже конспиративных квартир и листки пришлось выпускать какого-то „угольного" сорта, да вдобавок с ошибками и пропусками»... («Искра», № 96).

После стачки рабочие с большей охотой посещали сходки, читали нелегальную литературу и с полным доверием отчисляли взносы в рабочую кассу. Ряды организации росли. К маю имелись 35 человек, организованных в трех кружках. [1] Группа связалась в Енакиево с ремесленниками, на Веровском и Софиевском рудниках с шахтерами и в Дебальцево с железнодорожниками. В соседних селах вела агитацию среди крестьян. Так, 15 августа на большом сходе в селе Еленовке выступали Ткаченко-Петренко и Щербаков с речами о 9 января с призывом захватывать помещичью землю [2]. Группой распространялись листки, по преимуществу получаемые от Донецкого комитета и Юзовской группы. Свои издавались редко и только на гектографе. Группа энергично готовилась к первому мая и отпраздновала его массовкой в 30 человек.

Алмазно-Юрьевская группа, об'единявшая кружки нескольких рудников (Кадиевского, Орлово-Еленовского, Брянского, Максимовского, Голубовского, Жиловского) и Юрьевского завода, в начале 1905 года была настолько сильной (особенно на шахтах), что уже в первой половине февраля провела почти на всех рудниках своего района хорошо организованные экономические забастовки. Движением руководил подпольный стачечный комитет из 7 лиц [3]. В актив организации тогда входили: Моисеенко П. А. (морозовец), Кравченко, Бродский, Шайтлендер, Машицкая, Борисов, Пахуцкий, Карначев, Пряничников. Группа своей техники не имела. Получала литературу от Донецкого комитета и Луганской организации, с которой была в постоянной связи.

В мае—июне группа провела несколько больших политических массовок среди шахтеров и организовала в конце июня и начале июля крупные политические стачки на Жиловском, Кадиевском и Максимовском рудниках. Стачками руководили и произносили речи на митингах приезжие социал-демократы: Ефремов, Пилькевич Иван, Кожанчиков, Комаров и Вульфсон (Архив Екат. Истпарта, дело № 72).

После этих стачек организация быстро расширила свои ряды новыми членами и развернула энергичную работу по организации самообороны и боевых дружин.

Горловская группа возникла по инициативе петровских работников после январской стачки на машиностроительном заводе. Стачкой же руководила Петровская группа. Вот почему требования Горловских рабочих буквально списаны с петровских. На это косвенно

---

[1] В актив организации тогда входили: Ткаченко-Петренко, братья Мазановы, Щербаков А. Ф., Петров, Белокур и Бутенко.

[2] Архив Екат. Испарта, дело № 225.

[3] Воспоминания П. А. Моисеенко, изд. Истпарта, стр. 154, 1924 г.

указывает и горловский корреспондент: «Постороннему, конечно, покажется, что забастовка прошла у нас без влияния социал-демократии. И да и нет. Нет—постольку, поскольку многие представляют себе влияние социал-демократии только как кружка организованных социал-демократов. Да—постольку, поскольку наши стремления проникают в головы рабочих и, рассеянные по разным местам, они по мере сил стараются приложить их на деле». («Социал-Демократ», № 8).

К июлю горловский кружок превратился в небольшую, но крепкую группу, взявшую на себя, при поддержке петровцев, руководство большой июльской стачкой на заводе и рудниках. «Значение этой стачки,—отмечает тот же корреспондент,—громадное. Она выдвинула многих хороших и активных деятелей из самих рабочих и сблизила нас со всеми рабочими». Стачка дала возможность широко развернуть массовую и политическую агитацию на митингах. Небольшая группа быстро завоевала десятки сочувствующих, будущих членов организации и распространяла свое влияние на самые отсталые круги шахтеров.

Авдеевская группа начала организовываться еще летом под руководством машиниста Сеферовского и студента Смирнова. Но вскоре произошел провал, и организация восстановилась только в октябре [1].

В беглом обзоре отмечены только самые крупные организации районного масштаба, работавшие в первой половине 1905 года. К июню во всех группах Донецкого союза насчитывалось около 300 организованных, не считая сотен сочувствующих рабочих, часто посещавших массовки.

После июльских стачек, и особенно в период бурного октябрьского революционного под‘ема, кружки и группы возникают, как грибы после дождя, на всех крупных и средних заводах и рудниках. Быстро растет количество организованных рабочих, пред‘являющих партийным организациям большие требования на руководство и снабжение литературой. Партийному аппарату союза необходимо было перестроиться, чтобы удовлетворить новые запросы нарождающегося массового социал-демократического движения. В связи с этим Донецкий союз на своей осенней конференции решает ряд организационных вопросов. Но все решения оказывались полумерами, т. к. отсутствовало основное—сколько-нибудь твердое партийное районирование Донбасса. Поэтому возникавшие на рудниках и заводах новые с.-д. группы и группки не находили необходимых прочных связей, централизованного партийного руководства и систематического обслуживания работниками и литературой. Только к лету 1906 г., после IV с‘езда партии, положение изменилось с организационным закреплением деления Донбасса на районные комитеты (вместо прежних бесформенных групп): Юзово-Петровский (с Макеевкой), Луганский, Константино-Горловский, Бахмутский, Мариупольский, Алмазно-Юрьевский и Таганрогский.

---

[1] Архив Екат. Испарта дело № 173, ч. № 177.

IV.

Борьба за III с‘езд и позиция Донецкого союза.

После II с‘езда партии, разногласия по организационным вопросам между большинством и меньшинством все больше и больше разрастались и через год вышли из рамок старых споров о § 1 устава. Сущность этих разногласий чрезвычайно ярко и глубоко вскрывалась в статьях Ленина: «Мы боремся во имя интересов русского рабочего движения, против заграничной дрязги. Мы боремся во имя революционно-пролетарских тенденций нашего движения, против интеллигентски-оппортунистических. Мы боремся за выдержанное направление революционной социал-демократии, против шатаний, зигзагов и возвратов, к давно отжившему прошлому. Мы боремся за сплоченную партийную организацию нашего рабочего авангарда, против интеллигентской распущенности, дезорганизации и анархии. Мы боремся за уважение к партийным с‘ездам, против дряблой переметчивости, против слов, расходящихся с делами, против издевательства над договорами и решениями, сообща принятыми. Мы боремся за партийную гласность, против тактики новой «Искры» и нового Совета партии затыкать рот большинству и прятать под спудом свои протоколы». (Собр. соч. В. И. Ленина, т. V, стр. 494).

К лету 1904 года, крайне обострившаяся внутрипартийная борьба привела партию к полной дезорганизации и затяжному кризису. «Тяжелый кризис партийной жизни,—заявляет в своем обращении июльское (1904 г.) совещание 22-х большевиков—все затягивается, ему не видно конца. Смута растет, создавая все новые и новые конфликты, положительная работа партии по всей линии стеснена до крайности. Силы партии, молодой еще и неуспевшей окрепнуть, бесплодно тратятся в угрожающих размерах... Единство партии подорвано глубоко, ее внутренняя борьба вышла из рамок всякой партийности. Организационная дисциплина расшатана до самых основ, способность партии к стройному об‘единенному действию превращается в мечту» [1].

Дальнейшее обострение и затягивание такого невыносимо тяжелого положения угрожало существованию партии. Необходимо было принять самые решительные меры к прекращению разложения партии. «Обращение» 22-х большевиков, намечало единственный выход

---

[1] «К партии», Женева, 1904 год.

в немедленном созыве III с'езда партии, который только и мог выяснить положение, разрешить конфликты и ввести в рамки внутрипартийную борьбу.

Призыв брошен. Измученные раздорами местные организации подхватили его. В ноябре собралась конференция 13 комитетов Севера, Юга и Кавказа, приняла предложение «22-х» и избрала Бюро Комитетов Большинства, которому поручила отстаивать перед центрами партии созыв III с'езда. Совет партии, в котором меньшевистское большинство составляли Плеханов, Мартов и Аксельрод и ЦК (к тому времени полуменьшевистский, полупримиренческий) категорически высказались против с'езда. БКБ (этот зародыш ЦК большевистской партии) приступает к изданию своего органа «Вперед», и внутрипартийная борьба с новой силой и ожесточением разгорается вокруг с'езда—сначала за границей, а затем быстро захватила и местные комитеты и группы.

Но пока развивалась кампания мобилизации общественного мнения партии вокруг III с'езда, в стране произошли новые события. Под влиянием поражения на войне и промышленного кризиса, возникло широкое движение либеральной буржуазии, требовавшей у царя конституции. Русская буржуазия впервые заговорила с самодержавием политическим языком, хотя бы в форме банкетов, петиций и адресов.

К этой политической активности русского либерализма, так называемой «земской кампании», являвшейся предвестником бурно нараставшего рабоче-крестьянского революционного движения, партия должна была четко и ясно определить свое отношение. Здесь-то и разошлись коренным образом и навсегда пути большевиков и меньшевиков по одному из основных вопросов социал-демократической тактики—по вопросу о роли рабочего класса в предстоящей буржуазной революции в России.

Меньшевики, оценивая будущую революцию как буржуазную, считали главным двигателем и руководителем революции буржуазию, отводя пролетариату роль крайней левой оппозиции, толкающей, к тому же осторожно, чтобы не запугать, буржуазию вперед.

Большевики же считали, что трусливая русская буржуазия неспособна до конца довести буржуазную революцию—расправиться с самодержавием и покончить с остатками феодализма и крепостничества. Только пролетариат, единственный до конца революционный класс, может в союзе с революционным крестьянством завершить буржуазную революцию и расчистить путь для социалистического переворота.

Еще не окончилась дискуссия по вопросу об отношению к либералам, как в России 9 января развернулись «величайшие исторические события... Пролетариат восстал против царизма»... «Русское рабочее движение,—писал Ленин,—за несколько дней поднялось на высшую ступень. На наших глазах оно вырастает в общенародное восстание... Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед

так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни». (Собр. соч., т. VI, стр. 59).

Движение 9 января, поддержанное по всей стране мощным ураганом всеобщих стачек, поставило перед социал-демократией ряд новых, основных тактических вопросов: о вооруженном восстании, об участии во временном революционном правительстве, об отношении к крестьянству. Предварительным обсуждением этих вопросов в печати наметились, так же как и по вопросу о либералах, коренные разногласия между большевиками и меньшевиками.

Внутрипартийная борьба углублялась и обострялась. Нарастали новые внутрипартийные конфликты, парализующие руководство рабочим движением. Создавалась опасность, что стачечное движение, так же как и события 9 января, пойдет мимо социал-демократии. Эту опасность лучше понимали и чувствовали местные работники. Поэтому из их среды неслись за границу все чаще и чаще грозные предостережения. «Пора очнуться! Последние события,—пишут из Питера после 9 января в редакцию „Вперед",—прозвучали для русской социал-демократии как напоминание о смерти. Важнейшая задача, поставленная на первую очередь перед нашей партией последними событиями, это—немедленно покончить с внутрипартийным кризисом, укрепить себя и завоевать влияние среди пролетариата—влияние настолько прочное, чтобы никакие авантюристы из лагеря буржуазной демократии не оказались в силах украсть или перехватить руководство восставшим пролетариатом у социал-демократии. Необходимо немедленно созвать с'езд для того, чтобы обсудить новый вопрос о вооруженном восстании, чтобы установить ясные и точные отношения к „Бунду", польской, литовской, латышской и финляндской социал-демократии, чтобы выработать конкретные условия совместных действий с буржуазно-демократическими партиями, чтобы вырешить ряд новых и важных вопросов, поставленных на очередь надвигающейся революцией. С'езд должен быть созван немедленно. Иначе будет поздно. Напоминание о смерти грозно прозвучало; если партия его не поймет и не услышит, то она неминуемо будет раздавлена тяжелой колесницей истории, возницей которой она не сумела во-время стать»[1].

Необходимость созыва III с'езда стала очевидной для большинства местных организаций. Не хотела этого понять только меньшевистская верхушка, боявшаяся потерять большинство в партийных центрах.

В феврале БКБ, вопреки запрету Совету партии, издает и широко распространяет обращение к партии о созыве III партийного с'езда. В марте, колебавшийся ЦК, наконец, согласился на с'езд и образовал вместе с БКБ Организационный Комитет по его созыву.

Обращение БКБ встретило активную поддержку большинства правомочных организаций. Из 31 комитета 21 командировали своих

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 5, часть I, л. А. 1905 г. Приложение к письму «Нации», от 20 января 1905 года.

делегатов на с'езд, собравшийся 25 апреля в Лондоне. Кроме того, 9 организаций, высказавшихся против с'езда, послали своих делегатов, но последние, вместо Лондона, попали в Женеву, где под руководством меньшевистской редакции «Искры» организовали «общерусскую конференцию меньшинства».

Какую же позицию занимал Донецкий союз по вопросу о созыве III с'езда и каково его отношение было к постановлениям III с'езда? Вопросы эти решались на двух конференциях союза. На апрельской конференции после обсуждения доклада бюро о положении в партии и о созыве III с'езда «конференция выразила протест: а) против созыва с'езда в такую горячую революционную пору, б) против ненормальной подготовки к с'езду: комитеты и группы, а также и их периферийные организации не успели обсудить вопросы, подлежащие рассмотрению с'езда; некоторые организации лишены права решающего голоса и т. д. Таким образом, на с'езде не может быть полного представительства партий». (См. приложение III).

В этом постановлении Донецкий союз выразил, под диктовку агентов меньшевистской «Искры», свое принципиальное отношение к созыву III с'езда. Но так как конференции было уже известно, что «за с'езд высказались $^3/_4$ организаций и с'езд по уставу может быть об'явлен общепартийным», то она решила, во избежание раскола партии, послать своего делегата, вручив ему следующий наказ: «а) внести предложение о превращении „с'езда" в конференцию, для выработки условий заключения мира в партии, б) приложить все усилия к полному об'единению сил партии, в) отстаивать позиции меньшинства во всех вопросах, подлежащих решению „с'езда", если таковой все же состоится, г) регулярно сообщать Донецкому комитету о работах с'езда».

Нечего и говорить, что подобными императивными мандатами нельзя создать единства партии. Но делегат использовал этот странный, насквозь противоречивый наказ по-своему. Он вместо Лондона направился в Женеву «приложить все усилия к полному об'единению», только не «сил партии», а сил меньшевистской фракции.

Таково было отношение Донецкого союза к созыву III с'езда, повидимому поддержанное всеми местными организациями, за исключением Луганской.

Луганская организация в первой половине апреля на собрании центра и двух отделов (заводского и городского), после обсуждения вопроса о с'езде, приняла весьма определенную большевистскую резолюцию, в которой заявлялось: «Принимая во внимание то ужасное положение, в котором находится партия тогда, когда сознательный авангард РС-ДРП в виду надвигающихся событий должен был находиться во всеоружии на своем посту, Луганская организация РС-ДРП считает единственным достойным и честным выходом для партии из положения дел, созданного в ней дезорганизаторской работой меньшинства, III с'езд, который сможет положить конец разброду

и шатанию, так вредно отражающимся на деле пролетариата». (См. приложение VI.).

Кроме того, Луганская организация заявила свой отвод делегату Донецкого союза, посланному на с‘езд. Она обратилась с письмом (см. приложение VII) к III с‘езду, в котором в весьма обоснованной форме заявлялось: «Нам думается, что поехавший представитель не имеет ничего общего с Донецким союзом, и поэтому мы опротестовываем его мандат».

Таким образом, в решительный момент внутрипартийной борьбы Луганская организация первая и единственная в Донецком бассейне определилась без всяких оговорок, четко и ясно, как большевистская.

После с‘езда, потерпевшие поражение меньшевики, продолжали бешеную кампанию против его решений: руководители Донецкого союза в этой борьбе не были последними. Уже в начале июня на Донецкой конференции союз заявляет в своей резолюции: «II с‘езд и гибельные его последствия в достаточной степени показали, как не должны организовываться с‘езды. В виду того, что III с‘езд, по существу своей организации, не отличался от II, именно—не представляет мнения партии, он не считается партийным с‘ездом по существу, он не партийный с формальной стороны, ибо нарушил устав II с‘езда партии». (См. приложение IV).

В этой резолюции лидеры Донецкого союза говорят загробным голосом покойных рабочедельцев. Они даже II с‘езд об‘являют, как когда-то Мартынов и Акимов, подтасованным и непартийным. Конференция союза признала партийной с формальной стороны и по существу только Женевскую «общерусскую» конференцию меньшевиков и постановила принять к руководству все решения последней.

Постановления союзной конференции обсуждались и принимались местными группами союза. «Группы в Юзовке, Бахмуте, Енакиево и Мариуполе,—сообщает донецкий корресподент,—одобрили действия делегатов „меньшинства“ по отношению к „с‘езду“ так же, как и организационный устав, выработанный общерусской конференцией. Резолюции тактические также приняты почти всеми: только в Бахмуте два члена группы высказались за участие во временном правительстве. В Бахмуте доклад о с‘езде и конференции читался на двух собраниях периферийных работников (30 чел.). В Енакиево на периферийном собрании участвовало 13 человек и в Мариуполе—30 человек. В общем, устав одобрен всеми собраниями» («Искра» № 104). Юзовская группа в резолюции от 1 июня «всецело одобряет поведение всех тех делегатов, в том числе и делегата Донецкого комитета,—хотя в посылке его Юзовская группа лишена была возможности принять участие—которые отказались принимать участие в таком с‘езде и устроили отдельную конференцию. Юзовская группа присоединяется к заявлению с‘езду, созванному организационным комитетом“, и считает этот с‘езд только совещанием лиц, примыкающих лишь к одной части партии». (См. приложение V).

Только две организации Донецкого союза—Луганская и несколько позже, Таганрогская безоговорочно признали III с'езд партийным и его решения для себя обязательными. В Луганске 10 мая собрание агитаторов и организаторов заводского и городского районов в количестве 22 человек постановило: «Мы выражаем свое полное согласие с принципами большинства II партийного с'езда и прибавляем следующее: если меньшинство откажется пойти на III с'езд партии, созываемый БКБ и ЦК, этим самым оно покажет свою истинную физиономию, этим самым оно покажет, что интересы своего кружка ставит выше интересов партии, и злой иронией будут звучать его слова о самодеятельности и т. п.; с другой стороны, фактом неучастия на III с'езде и непризнанием его решений оно отказывается от РС-ДРП. Тем товарищам, которые пойдут на с'езд—наш привет, их решения станут решениями партии и им мы подчинимся». (См. приложение VIII.).

В Таганроге 14 августа принята такая же, достаточно определенная, резолюция: «Общее собрание всех организованных работников Таганрогской группы РС-ДРП единогласно постановило: признавая III с'езд партийным, выражая солидарность с ним по тактическим вопросам и принимая партийный Устав, предложить ЦК включить Таганрогскую группу в состав партии». («Пролетарий», № 17).

Все резолюции и постановления Донецкого союза и его организаций, за исключением Луганской и Таганрогской; с очевидной ясностью говорят о том, что их руководящие верхушки, по преимуществу интеллигентские, были на сто процентов меньшевистскими— не признали III с'езда и приняли к руководству все организационные и тактические постановления меньшевистской конференции. Насколько глубоко было меньшевистское влияние среди организованных рабочих и в массах, еще слабо разбиравшихся в тонкостях внутрипартийных разногласий, скажет декабрь. В этот месяц «бури и натиски» ряд крупных местных с.-д. групп под влиянием повстанческого настроения рабочих масс, вопреки куцой тактике руководителей Донецкого комитета возглавили вооруженное восстание в Донецком бассейне.

V.

Большевизация Донбасса.

Весной 1905 года меньшевики укрепились на юге, особенно с тех пор, как им удалось завоевать Екатеринославский и Харьковский комитет. Поэтому перед новым ЦК, избранным на III с‘езде партии, стала задача восстановить большевистские организации в таких крупных рабочих центрах, как Екатеринослав, Харьков, Ростов и попытаться взорвать меньшевистскую крепость—Донбасс.

Подготовительная работа началась еще в марте, когда БКБ послало две группы работников в Екатеринослав и Харьков. Им удалось очень быстро, по старым следам, восстановить большевистские связи с рабочими на предприятиях и организовать комитеты, которые уже в июне были санкционированы ЦК. Екатеринославская группа большевиков, кроме того, уже в апреле вышла за пределы Екатеринослава и 11 апреля писала в Одессу: «Затем нам нужны люди (очень), у нас расширяются связи в округе, мы проникли в район горнозаводского (т.-е. Донецкого) союза: Луганск уже вполне большевистский; требуются люди для посылки в Мариуполь, в шахтах у нас уже есть человек. Присылайте людей, и возможно скорее. Наборщика! Наборщика!» [1].

Но это была, повидимому, разведка, после которой в мае, по инициативе Екатеринославского комитета большевиков, было создано организационное Бюро «Рудничного союза РС-ДРП». Бюро ставило своей задачей организацию на рудниках и заводах параллельно Донецкому союзу большевистских групп, об‘единяемых Рудничным союзом. Тогда же, в мае, Бюро рудничного союза отпечатало в типографии Екатеринославского комитета большинства и распространило листок (500 экз.) следующего содержания: «Принимая во внимание: 1) особенности условий труда рудничных рабочих и рабочих заводов, особенность состава этих рабочих и их несравненно более низкий духовный уровень; 2) многочисленность шахт, разбросанность их на территории Донецкого бассейна, равной, приблизительно, площади Бельгии; 3) малое знакомство соц.-дем. организаций с бытом шахтеров и невозможность, благодаря этому, быть руководителем их во время всякого рода стихийных движений, кото-

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 5, ч. 6, 1905 год, Химическое письмо, адресованное в Одессу И. Л. Соколовскому. Вх. № 101, 16/IV—1905 год.

рые, однако, весьма нередки; 4) крайнюю слабость так называемого Донецкого союза, который опять же является чисто-заводской организацией,—принимая это во внимание, является настоятельно необходимым создание особой организации, посвящающей себя, главным образом, работе на рудниках, а на заводах лишь постольку, поскольку это требуется общностью территории и отсутствием работы на них со стороны других соц.-дем. групп.

Цели и средства «Рудничного союза» таковы:

1) Организация местных кружков сознательных рабочих для пропаганды соц-дем. программы и руководства местным движением. 2) Издание и распространение литературы РС-ДРП. 3) Издание непериодических листков, освещающих и выясняющих требования шахтеров и ход работы на рудниках, знакомящих рабочих с главнейшими русскими и мировыми событиями и ознакомление их с деятельностью партии. 4) Пропаганда и агитация соц.-дем. идей среди инженеров и мастеров, как лиц, непосредственно соприкасающихся с рабочей массой.

Организационное бюро рудничного союза РС-ДРП («Пролетарий» № 4, 1905 г.)

Как широко развернул организационную работу Рудничный союз вслед за изданием извещения—неизвестно. Но уже в июне, повидимому, он был настолько заметной организацией, что Донецкому союзу пришлось на своей II конференции решать вопрос об отношении к организованному большевиками Рудничному союзу. Конференция постановила: «Основой соглашения организаций Донецкого союза с организациями „большинства“ вообще и с „Рудничным Союзом“ в частности должно служить признание товарищами из „большинства“ организационного устава, выработанного на общерусской конференции. Тактические же разногласия не могут служить препятствием для совместной работы „большинства“ и «меньшинства». («Искра» № 108).

Как реагировал Донецкий союз на эти замечательные условия соглашения или прошел мимо них—неизвестно.

Из всей деятельности Рудничного союза известно только, что на Карповском руднике было организовано «Бюро шахтеров». «У нас в Донецком районе,—сообщает карповский корреспондент,— существует в настоящее время „Рудничный союз“, но он состоит из „большинства“. Как известно всем, тактика большевиков гласит так: что знания, которых жаждет рабочий, для него недостижимы. Например, у нас на Карповских рудниках мы, рабочие, очень даже стоим далеко от всех организационных решений. Это для нас—более передовых работников,—довольно обидно; раз на нас, передовых работников, возлагается какая-либо задача от комитета, то мы должны ясно знать, кто эти задачи возлагает на нас, работающих среди рабочего класса. У нас этого нет. Мы отрезаны от участия в работе; у нас заседают паны и решают они, а мы исполняем: но от этого получается очень мало дела, потому что мы мало воспитаны, а интеллигенция массы не знает» («Искра» № 106).

Дальше тот же корреспондент обвиняет большевиков в том, что они сорвали июньскую забастовку на Карповском руднике, якобы призывая рабочих не бастовать, пока «мы не захватим весь Рудничный бассейн, тогда мы подымем не 3.000, а 200.000, тогда будет смысл бороться...» Из этого сообщения одно совершенно достоверно, что организация Рудничного союза существовала на Карповском руднике и вела партийную работу. Все остальные критические рассуждения, под стиль рабочего, особенно о большевистской тактике, являются, несомненно, в значительной степени продуктом злостной меньшевистской полемики.

Вот все, что известно о попытках Екатеринославского комитета большевизировать Донбасс. Как долго просуществовал Рудничный союз, как много организовал местных большевистских групп, — ничего этого неизвестно. Вероятнее всего, что в октябре—ноябре, когда началась об'единительная кампания, Рудничный союз слился с Донецким союзом и перестал существовать.

VI.

Первое мая в Донбассе.

Подготовка первомайского празднования по всей стране развернулась в массовую подпольную агитацию. Рабочий класс призывался в этот международный день всеобщей стачкой и политической демонстрацией показать своим классовым врагам силу и мощь пролетарской солидарности и организованности. Ожидались в рабочих центрах внушительные выступления.

Но сверх ожидания даже в крупных промышленных городах, и в том числе в Петербурге, за исключением Польши, откликнулись на призыв только группы организованных рабочих. В Варшаве же, Лодзи и Калише первомайские всеобщие стачки сопровождались многотысячными демонстрациями, закончившимися массовыми расстрелами и избиениями.

Донецкие соц.-демократические организации после январской стачки все свои небольшие силы бросили на подготовку первомайских выступлений. Разбрасывались тысячи всяких общеполитических прокламаций, собирались частые массовки. В апреле Донецкий комитет выпустил листовку (12.000 экз.)—«Первое мая 1905 года». В ней указывалось на международное значение рабочего праздника и его общепролетарских лозунгов. В заключение листовка в горячем призыве обращает внимание рабочих на исключительное значение празднования 1-го мая в 1905 году. «Товарищи! И мы российские рабочие давно уже празднуем 1-ое мая. Но никогда еще этот праздник не проходил у нас при таких тяжелых условиях! Никогда еще не лилось столько крови на полях Манчжурии и в городах России! Никогда еще не было столько безработных, как в этом году! Но зато никогда еще крик: долой самодержавие!, не вырывался из стольких уст, как в день этого 1-го мая! Но зато требование Учредительного Собрания никогда не имело столько защитников, как теперь! Но зато никогда в России не бывало раньше 9-го января! И в этом наша победа, победа рабочего класса!». Затем листовка призывает к всеобщей стачке и вооруженной демонстрации. «Товарищи! Собирайтесь в этот день с оружием в руках на площадях и улицах, обсуждайте, как бороться с самодержавием и капиталистами, выставляйте на знаменах общепролетарские требования, требуйте немедленного прекращения войны и созыва Учредительного Собрания» [1].

---

[1] Ист.-рев. Архив, дело № 5, ч. 6, 1905 г., вх. № 14177.

Луганская организация выпустила свою гектографированную листовку «Первое мая», в которой заявлялось: К оружию призывает русский народ рабочая партия и указывает ему путь, по которому он должен итти к свободе и свету. С оружием в руках он должен поддержать те требования, которые она написала на своем знамени: прекращение войны, гражданская свобода, народное правительство 8-ми-часовой рабочий день. Вооруженным восстанием должен завоевать рабочий народ свое право...» (См. приложение IX).

Обе прокламации, особенно Донецкого комитета, получили широкое распространение. «В Юзовке,—сообщает полиция,—в ночь на 3 мая и на Петровских заводах в ночь на 5 мая были разбросаны печатные прокламации Донецкого комитета „Первое мая 1905 г.".

Во время разброски двое арестованы. В Луганске в ночь на 1 мая подобрано полицией 300 экз. гектографированной прокламации Горного комитета «Первое мая». 2 мая, около 12 час. дня в толпу рабочих, выходивших из Гартманского завода, было выброшено около 200 экз. той же листовки[1]. И дальше полиция доносит о сотнях и тысячах первомайских листков, обнаруженных в г. Бахмуте, Щербиновке, Дебальцево, Константиновке и др. рудниках и заводах. Одновременно настолько же широко распространялись и такие общеполитические листки: «Ко всем рабочим и работницам Донецкого бассейна», «Ко всему народу», «Уроки войны», «Смерть тиранам, свободу народу» и др.

Несмотря на такую активную политическую подготовку первомайское празднование на шахтах и заводах дальше массовок не пошло[2].

В Юзовке 18 апреля состоялась сходка организованных рабочих и работниц до ста человек. Произносились речи о 1-м мае, о подготовке к всероссийскому восстанию и вооружении рабочих, о политической борьбе. Речи заканчивались бурными и восторженными возгласами и пением революционных песень. Собрание продолжалось около пяти часов. Произведен первый сбор денег на вооружение. После речей сходка приняла резолюцию, в которой посылался пролетариям всех стран первомайский братский привет и заявлялось: «Мы готовимся с оружием в руках вступить в последнюю схватку с самодержавием и всеми теми, кто будет стоять на пути к осуществлению наших требований». («Искра», № 101).

В Бахмуте, Мариуполе и Луганске состоялись также только массовки организованных рабочих. На Петровском заводе,—сообщается в отчете группы,—«18 апреля встречали майский праздник. Было человек 30 рабочих. Пели песни, говорили о войне, о вооружении, о петербургских событиях. Майский листок за отсутствием средств запоздал и распространялся в начале мая». («Искра», № 101, приложение).

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 6, ч. 6, 1905 г.

[2] (Сообщение т. Терехова в своих воспоминаниях («Лет. Рев.» № 5, 1923 г.) о стачках и массовых митингах 1 и 2 мая на Берестовском, Григорьевском и Пастуховском рудниках не соответствует действительности. Эти стачки и митинги были позже—1 мая 1906 г, или 1 мая 1908 года.

Праздновали 1-ое мая только передовые сознательные рабочие и не на площадях и улицах, а в подполье. Рабочие массы в Донбассе, политически более отсталые, чем в городах, еще молчали, не понимали и боялись лозунгов свержения самодержавия и вооруженной демонстрации. Они еще только проходили приготовительный класс политграмоты—после неудачных зимних готовились к летним экономическим стачкам. Донецкие рабочие еще надеялись «без политики» добиться улучшения своего экономического положения.

———

VII.

Летняя волна экономических стачек.

Торгово-промышленный кризис в стране обострялся с каждым новым военным поражением на Дальнем Востоке. Падение Ляояна и Мукдена, разгром русской эскадры у Цусимы, предрешавшие позорный исход ненавистной войны, отмечались на биржевом барометре каждый раз новым сильным понижением ценностей, сжатием кредитов, угнетением товарного рынка.

Кризис быстро захватывал даже такие отрасли промышленности, как горно-заводская, расцветавшие в 1904 году на спекулятивных военных заказах. Рыночная кон'юнктура на продукты донецкой тяжелой индустрии была крайне невыгодной, а «ненасытный» военный рынок дышал на ладан. Запасы металла и угля быстро росли. К лету 1905 г. запасы угля возросли на 33,9%, а антрацита даже на 90,4%. Сбыт угля и металла застопорился. Предприятия испытывали большие финансовые затруднения. Горнозаводчики, не желая растрачивать громадных прибылей, нажитых на военных заказах, предпочитали сокращать производство и выбрасывать на улицу десятки тысяч рабочих.

В такой исключительно тяжелой обстановке донецкие рабочие продолжали летом экономическую борьбу, в результате чего только на двух-трех предприятиях стачечники добились некоторого повышения заработной платы. Большинство же стачек закончилось или полным поражением или ничтожными уступками. К тому же, промышленники не только не исполняли своих обещаний, но все больше норовили, как бы сорвать с рабочих—путем ли штрафа, понижения расценок или неуплаты за увечья. Поэтому положение рабочих, особенно шахтеров, после зимних стачек даже ухудшилось.

К весне стачечные настроения быстро нарастали, и уже в конце апреля началась вторая летняя (большинство стачек падает на июнь—июль) волна экономических стачек.

В Горловке 27 апреля на шахте № 8 забастовали 200 забойщиков, потребовав прибавки заработной платы. На другой день дирекция рудников согласилась на прибавку по 10 коп., и забойщики пошли на работу [1]. Стачка прошла спокойно. Администрация действовала весьма осторожно. «Интересы действия властей,—сообщает

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 17, т. II, 1905 г., № 931.

горловский корреспондент,—теперь и три года назад во время забастовок. Три года назад здесь забастовали шахтеры на первом номере, сейчас же появилось начальство с казаками, и когда приказание стать на работу не помогло, полиция стала об‘езжать домики рабочих, вытаскивать даже с постелей и гнать на работу. Теперь недавно была забастовка на восьмом номере, и начальство поехало само, оставив казаков в 4—5 верстах от рудников. Все время держат казаков подальше от рудников, так как против них страшное озлобление». («Социал-Демократ», № 8, 1908 год).

В Сантуриновке вспыхнула 9 мая дружная стачка 1200 рабочих на Бутылочном заводе. Около 2-х часов дня прекратили работу сначала все мастера, за ними их помощники, а затем и все остальные рабочие. Забастовавшие собрались и, под руководством 14 избранных по цехам делегатов, выработали требования и передали их администрации. Директор категорически отказался даже рассматривать требования рабочих.

Тогда рабочие снова собрались и постановили бастовать, пока дирекция не удовлетворит требования. 12 мая администрация рассмотрела требования рабочих и согласилась на ничтожные уступки, предупредив рабочих, если они и после этого не явятся на работу, то 16 мая будет об‘явлен расчет. Рабочих уступки не удовлетворили, а угроза не запугала. Предпочли получить расчет, чем соглашаться работать на старых условиях. Тогда дирекция 17 мая, торгуясь за каждый грош, об‘явила рабочим в присутствии прибывшего губернатора дополнительные столь же ничтожные уступки с новой угрозой о закрытии завода. Рабочие твердо продолжали настаивать на своих требованиях. Директор Гомон решил одним ударом сломить упорство забастовщиков—об‘явил локаут, закрыл завод.

Рабочие пред‘явили иск к заводу, требуя возврата денег за неоплаченные неполные пятки бутылок за все время службы каждого, а также доплаты за бутылки, оплаченные рабочим по второму сорту, а проданные заводом по цене первого сорта. Началась неравная тяжба. Завод соглашался добровольно уплатить иск только за один год. Рабочие не сдавались. Тогда трусливая дирекция завода, несмотря на совершенно мирное поведение стачечников, как отмечает в своем донесении даже губернатор, вызвала казаков, чтобы силой принудить рабочих отказаться от своих последних претензий.

Рабочих это возмутило. Но они, вместо того, чтобы призвать к себе на помощь рабочих соседних заводов, решили просить защиты от казаков у царя-батюшки. 18 мая бутылочники послали телеграмму министру, в которой просили «его превосходительство повергнуть к стопам нашему царю-батюшке верноподданнические чувства с ходатайством ниспослать на нас монаршую милость... Мастеровые до 1.200 человек просят удовлетворить скромную просьбу вернуть отнятое от нас заводом... Администрация относится неблагосклонно, делает почти вызов... Уездный исправник угрожал каза-

ками заставить работать насильно и об'явил депутатам: если они не уйдут с завода, будет рубить их шашкой» [1]...

Сантуриновские бутылочники еще и после расстрела царем сотен питерских рабочих надеялись на «монаршую милость», пока не почувствовали на собственной спине казацких нагаек и шашек.

В мае бастовали еще шахтеры Орлово-Еленовского рудника. Стачка закончилась ничтожными уступками со стороны либерального, даже когда-то социал-демократически настроенного, управляющего Прядкина.

Майские одиночные стачки были первыми брызгами летнего стачечного прибоя. В июне—июле поднимаются на борьбу шахтеры крупных предприятий Горловского и Юзовского районов. Донецкий комитет в июне выпустил листовку (8.000 экз.) «К шахтерам», в которой призывал рабочих во время забастовок пред'являть, кроме экономических, и политические требования. «Рабочий класс не доверит,—заканчивалась листовка,—свою судьбу царю-самодержцу и его министрам. Он сбросит их со своих плеч и с плеч всего российского народа и установит народное правительство. Долой самодержавие! Да здравствует народное правительство! Да здравствует борьба рабочих за лучшую жизнь—за социализм!». (См. приложение X).

11 июня, в 4 часа дня по сигналу тревожного гудка забастовали шахтеры 21 номера Вознесенского рудника. Рабочие в количестве 500 человек собрались около шахты. С речами выступали два слесаря Королев и Иванов. Они призывали рабочих об'явить общую стачку всего рудника, пред'явить через делегатов письменные требования с предупреждением: если они не будут удовлетворены в течение трех дней, то будут сняты кочегары, остановлены насосы и шахты будут затоплены. Затем рабочие толпой направились к шахтам №№ 16, 18 и 20. Везде тревожными гудками созывались рабочие, открывался митинг и постановляли бастовать.

12 июня в 10 час. утра рабочие всех шахт собрались на сходку около 16 номера, выработали требования из 25 исключительно экономических пунктов и пред'явили через делегатов управляющему Штедингу с заявлением, чтобы ответ был дан не позже 14 июня. После этого открылся митинг, на котором выступавший Королев призывал шахтеров твердо держаться своих требований, не верить обещаниям и не соглашаться на частичные уступки администрации.

Утром 14 июня управляющий об'явил свои ответы. Рабочие обсудили их на сходке и решили продолжать забастовку, сняв кочегаров и машинистов. Тотчас управляющий отдал распоряжение поднять наверх лошадей, после чего котлы потушили и остановили камероны.

На затопление шахт Штединг ответил локаутом, закрыл рудники и об'явил рабочим расчет. А тем временем полиция наводнила рудники казаками, которые под арестом приводили и принуждали кочегаров разводить пары, загоняли нагайками забойщиков в шахты.

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 17, т. II, 1905 г., № 154—75.

и только такими зверскими насилиями 18 июня сломили геройскую забастовку вознесенских шахтеров [1].

Стачкой руководила местная организация [2]. По ее инициативе Юзовская группа выпустила гектографированный листок «К карповским рабочим» с изложением раз'яснений экономических требований. Отсталость шахтеров помешала Карповской группе связать с экономической борьбой политические требования.

Под влиянием карповской стачки пытались забастовать шахтеры Трудовского рудника. Но управляющему Файнштейну удалось обещаниями и угрозами натравить семейных рабочих на молодежь и сорвать забастовку [3].

Забастовали, наконец, впервые 8 июня и соляные шахтеры на руднике «Петр Великий» Голландского общества. Они пред'явили увеличение заработной платы на 10 коп. в день и полкопейки с вагонетки. Администрация наотрез отказалась прибавить и нежелающим явиться на работу об'явила расчет [4].

С 26 июня по 4 июля бастовали все шахты Жиловского рудника. Шахтеры пред'явили экономические требования, но стачка проходила под большим влиянием политической агитации. Каждый день собирались громадные митинги, на которых приезжие социал-демократы Пилькевич, Ефремов и Кожанчиков в политических речах громили полицию, правительство и самодержавие. Но не всех шахтеров одинаково захватывала политическая агитация. Наиболее отсталые под руководством полиции и черносотенцев возмутились оскорблением царской особы, избили ораторов и доставили их в полицию [5]. Так печально закончилась первая открытая политическая кампания среди донецких шахтеров.

На мариупольских заводах, особенно на «Провидансе», в конце июня с понижением расценок началось брожение. «Мы сделали, что можно,—сообщает в своем отчете группа,—чтобы оформить и поддержать настроение. Устраивались летучки, намечались листки, обсуждали вопрос о забастовке с представителями цехов» («Искра», № 106). Были попытки со стороны организованных рабочих остановить «Провиданс», но окончились неудачей. Тогда 26 июня организация выпустила листок «К рабочим трубопрокатного и мартеновского цехов завода „Никополь"», поднявший стачечное настроение. Решено было 1 июля об'явить забастовку. Накануне, 30 июня, был распространен листок с требованиями никопольцев и «Провиданса», а в ночь на 1 июля организованные рабочие «Провиданса» пользуясь отсутствием воды в мелкосортном отделении прокатного цеха, подняли

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 17, т. 3, 1905 г., вх. № 19.705.

[2] В Карповскую группу тогда входили, по агентурным сведениям, кроме приезжих нелегальных Королева и Иванова, поступивших слесарями накануне стачки, и местные рабочие: машинист Костылев, слесарь Павленко, монтер Дебелый, котельщик Диденко, Бобров и штейгер Николай Николаевич. (Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 17, т. III, 1905 г. № 2.005.

[3] Архив Екат. Истпарта, дело № 349.

[4] Там же, дело № 352.

[5] Там же, дело № 72.

его и об‘явили забастовку. Утром все цеха «Провиданса» прекратили работу. Рабочие собрались до 1.000 человек у ворот завода, и оратор от группы в кратком слове призвал их к солидарной и стойкой борьбе. После обеда, по приглашению администрации, рабочие собрались в школе. Присутствовал полицмейстер. Оратор группы заговорил о роли полиции в борьбе рабочих с капиталистами. Толпа потребовала удаления полиции. Были выбраны депутаты от каждого цеха для выработки требований.

Затем вызвали директора Пелерена на собрание, и депутаты пред‘явили ему требования рабочих. После долгих разглагольствований на тему о том, что 8-ми-часовой рабочий день является несбыточной мечтой для рабочих, директор обещал удовлетворить мелкие требования.

2 июля забастовали никопольцы и пред‘явили те же требования, что и на «Провидансе». Вечером состоялся громадный об‘единенный митинг двух заводов. Выступали два оратора от группы. Один раз‘яснял рабочим смысл натравливания правительством темных масс против евреев и указывал на действительных врагов рабочих — капиталистов и самодержавие. Другой оратор рассказал о питерских событиях 9 января и так закончил свою речь: «У нас нет царя! Долой существующее правительство!». Масса живо подхватила этот клич. «Искра», № 106).

На другой день положение изменилось к худшему. Политические митинги вызвали полицейскую черносотенную контрагитацию, особенно повлиявшую на отсталых рабочих «Провиданса». Начался разлад между рабочими двух заводов. Дирекция «Провиданса» этим воспользовалась и 4 июля утром призвала рабочих гудком на работу и вместо уступок вывесила следующее, типичное для того времени, об‘явление: «1) Все рабочие будут рассчитаны. Расчет будет выдаваться в полиции, начиная со вторника 5 июля. 2) Прием новых рабочих будет производиться попрежнему в приемной конторе с понедельника, 4 июля. 3) В виду того, что многие рабочие были вынуждены к забастовке силой, то они будут приняты обратно, при чем безопасность их как в колонии, так и в заводе будет охраняться чинами полиции при содействии войск [1]...»

Большинство рабочих явилось, но их сначала пропустили через приемную контору, где сидел полицейский крокодил, пристав Сцепуро, знавший всех рабочих, и подсказывал, кого надо уволить как подстрекателей к забастовке. Уволили 104 наиболее передовых рабочих, при чем в трехдневный срок их выкинул с заводских квартир все тот же гнусный цербер—Сцепуро.

На другой день таким же полицейским путем была сломлена стачка никопольцев. С большим под‘емом и весьма организованно начавшаяся забастовка двух заводов закончилась полным поражением. Это для мариупольцев—уже второй урок безнадежной экономической борьбы.

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 17, т. III, 1905 г., № 893.

Под влиянием заводских стачек забастовали в г. Мариуполе рабочие завода Сойфера. Пред'явили 38 экономических требований, из которых 37, в том числе и постоянная выборная комиссия от рабочих, было удовлетворено на второй день. Только в 8-ми-часовом рабочем дне отказали. Все дни стачки Мариупольская группа использовала собрания рабочих для политической агитации («Соц.-Демократ», № 12, 1905 г.).

В начале июля возникла почти всеобщая стачка Горловского района. Бастовали рабочие машиностроительного завода, Горловских, Никитовских, Шербиновских, Нелеповских рудников. Стачка принимала угрожающие размеры. Власти забили тревогу. Исправник телеграфирует губернатору: «Настроение в Горловке тревожное. Необходимо скорейшее прибытие казаков. Предполагается забастовка на соседнем Никитовском руднике». Не успел губернатор получить первой, как ей вдогонку посылается вторая телеграмма: «Сегодня забастовала тысяча рабочих Горловского рудника. Завод продолжает забастовку. Нужна сотня казаков. С Петровского завода брать нельзя—там готовится забастовка». На другой день директор рудников Кнотте тоже просит у губернатора казаков: «Положение ухудшается. Рабочие хотят насильно затушить котлы. Казаки из Бахмута не выступают, о других ничего неизвестно» [1].

В Горловке первыми забастовали рабочие машиностроительного завода. Еще 25 июня рабочие завода, недовольные распоряжениями нового директора Лоэста, отменявшими завоевания январской забастовки, пред'явили администрации требование из 13 пунктов. Ответ рабочие требовали к 28 июня. Но директор его затягивал до приезда фабричного инспектора. Не дожидаясь ответов, рабочие завода собрались в ночь на 4 июля за поселком в лесу на сходку. Выработали новые требования из 30 пунктов и решили об'явить забастовку. На следующий день, через выбранных на сходке депутатов они пред'явили требования дирекции завода. Новые требования включали: 1) 8-ми-часовой рабочий день и 36-ти-часовой еженедельный отдых, 2) постоянную выборную комиссию от рабочих, 3) повышение заработка на 50, 25 и 10% соответственно получаемой ставке, 4) уничтожение штрафов, 5) удаление полиции с завода, 6) выдача заработной платы еженедельно, 7) выдача платы за все время забастовки, 8) прием рабочих без различия наций, 9) никто из рабочих не должен быть рассчитан за забастовку, при чем удаление рабочего в течение 3-х месяцев после забастовки будет считаться удалением за забастовку и таким уплатить за 3 месяца вперед, 10) отмена сверхурочных сдельных работ и другие требования.

7-го июля администрация об'явила свои ответы. Рабочие обсудили их на сходке в лесу, куда пригласили фабричного инспектора и пристава, признали уступки неудовлетворительными и решили продолжать забастовку.

---

[1] Архив Екат. Истпарта, дело № 352.

Под влиянием дружной заводской стачки, 8 июля забастовали шахтеры Горловского рудника и пред'явили такие же требования, как и заводские рабочие.

Горловская стачка проходила под руководством местной соц.-демократической группы [1]. «Нашей группой,—сообщает корреспондент,— был выпущен листок, в котором раз'яснялась уловка директора, думающего постепенно свести на-нет уже раз завоеванное. Рабочие встретили этот листок радушно и решили не уступать, а готовиться к забастовке» («Соц.-Демократ», № 11, 1905 г.). Тогда же было решено выработать ряд требований, послать директору, чтобы оттянуть забастовку, пока группа лучше организует массы и об'единиться с Петровской группой, чтобы поднять всеобщую стачку района. Состоялась об'единенная массовка горловцев и петровцев в количестве 100 человек, на которой был выработан ряд общих экономических требований и решено было провести во время забастовки на собраниях рабочих политическую агитацию.

На сходке заводских рабочих, состоявшейся после об'явления стачки, выступали ораторы группы и говорили о политических партиях, о 9-ом января, о необходимости завоевать политическую свободу для успешной борьбы с капиталистами, и в заключение сходка приняла следующую резолюцию: «Мы, горловские рабочие, в количестве 300 человек, присутствующие на собрании рабочих во вторник 5 июля 1905 года, выслушав по нашей просьбе речь товарища о современном положении дел России и о той геройской борьбе, которую ведут в городах наши товарищи-рабочие, вполне присоединяемся к их борьбе и шлем им свой горячий привет и пожелания скорейшей победы над нашим общим врагом—царским правительством» («Соц.-Демократ», № 11, 1905 г.). Резолюция весьма умеренная, но добиться даже такого скромного политического решения стоило громадных усилий агитаторам. А если это предлагалось на собрании шахтеров, то нередко с риском быть избитым. Так слаб был еще тогда уровень политической сознательности рабочих в Донбассе. Да и только ли в Донбассе!..

«Во время стачки утром и вечером,—сообщает корреспондент,— устраивались собрания заводских и рудничных рабочих, и приезжие товарищи из Петровской группы руководили ими. Беседы велись на экономические темы: улучшение быта рабочего класса, классовая борьба, и постепенно товарищи Петровской группы начали переходить на политическую почву: говорили о попах, чиновниках, событиях 9-го января и т. д.» («Соц.-Демократ», № 11, 1905 г.).

Когда политическая агитация появилась на широких собраниях рабочих, полиция перешла немедленно в решительное наступление против стачки. Начались аресты и высылки агитаторов, рабочих

---

[1] По агентурным данным, в актив группы тогда входили: врач Финкельштейн, акушерка Евтушенко, Свербилов, кузнецы Евтушенко и Власенко, штейгерские ученики Рабинович, Славутинский и Павелецкий, рабочие Лысенко, Куликов и Новиков. (Архив Екат. Истпарта, дело № 352).

депутатов и так называемых подстрекателей. Дирекция завода и рудников заговорила весьма решительным языком: никаких уступок; нежелающие являться на работу об‘являются рассчитанными.

Таким образом, полицейскими репрессиями и угрозами закрыть заводы и рудники, администрация принудила рабочих 12—13 июля приступить к работе почти на старых условиях.

На Нелеповском руднике забастовка началась вечером 3 июля. По заявлению окружного инженера, «забастовавшие не пред‘явили ни одного требования общего характера, а все их претензии были мелочного характера, не замечалось никакой организации...»[1]. Действительность была несколько другая. Рабочие пред‘явили основное требование—убрать управляющего рудником Шавдина за то, что он своим эксплуататорским скопидомством, понижением расценок и грубым обращением создал для рабочих невыносимые условия работы. Ненависть к этому усердному хозяйскому агенту была настолько велика, что когда он явился к забастовавшим рабочим вести переговоры, они его без всяких предварительных разговоров сгребли и чуть было не умолотили обушками на-смерть. Городовые вырвали из рук рабочих еле живого управляющего.

Кроме этого «буйства», стачка протекала совершенно спокойно и организованно. На третий день заявились усмирители: сотня казаков во главе с исправником и окружным инженером. Последний в роли главноуговаривающего повел переговоры с депутатами от рабочих, но никаких результатов не добился. Шахтеры стояли на своем—«убрать угнетателя Шавдина». Тогда приступил к своей «работе» исправник с казаками. А 7 июля храбрый усмиритель уже победоносно телеграфировал губернатору: «Рудник возобновил работу полностью. Зачинщики беспорядков арестованы и отправлены в Бахмут»[2].

В Луганске, на Гартманском заводе, 8 июля забастовали рабочие, после того как администрация отказалась удовлетворить их требования об увольнении 7 шпионов-рабочих. При этом надо заметить, что шпионаж на заводе принял чрезвычайно широкие размеры. «Большинство мастеров,—сообщает луганский корреспондент,—занимается шпионством и выслеживает более развитых и „подозрительных“ рабочих: в этом им усердно помогают шпионы из рабочих и заводская полиция, которая в составе пристава и 60 городовых содержится на счет завода, живет внутри его и постоянно расхаживает по мастерским». («Пролетарий», № 14, 1905 г.).

Забастовали первыми в 3 часа дня рабочие механического цеха. Затем толпой направились в паровозную кузницу, электрическую и котельную мастерские, призывая рабочих к стачке. Одновременно раздался тревожный гудок, и рабочие толпами повалили из цехов во двор завода. Городовые, ошеломленные неожиданной стачкой, бросились загонять рабочих в мастерские. В них градом полетели

---

[1] Архив Екат. Истпарта, дело № 352.

[2] Там же.

камни, болты, гайки. Тогда пристав Розальон-Сошальский отдал приказ стрелять по толпе. Рабочие, отбиваясь камнями, бросились врассыпную, и завод быстро опустел [1].

Утром 9 июля большинство рабочих приступило к работе. В результате этой неудачной стачки по списку заводских шпионов было представлено к расчету около 100 «подстрекателей» и 10 организованных рабочих арестовано. «Вспыхнувшая,—замечает корреспондент,—совершенно неожиданно, стихийно, эта никем не сорганизованная забастовка, имела, таким образом, печальный конец».

Последняя в летнем цикле стачка была на Голубовско-Марьевском руднике 17 августа. Прекратили работы около 700 шахтеров. Собрались у рудничной конторы и потребовали уплаты 50.000 рублей задолженности рудника рабочим по счету заработной платы. Затем часть рабочих, по полицейским сведениям, не дожидаясь ответа администрации, отправилась в деревню Самойлово, перепилась водкой и пошла громить и грабить магазины [2]. Приехала полусотня казаков, прекратила беспорядки и загнала нагайками рабочих в шахты. Следует отметить, что из всех летних стачек, эта единственная забастовка была с отрыжкой буйной шахтерской старины.

В итоге, почти все летние стачки потерпели полное поражение даже в сравнении с зимними. Летнее движение по количеству стачечников и забастовочных дней в четыре раза меньше зимнего. Но все же достижения летних стачек весьма значительны. Прежде всего рабочие теперь, больше чем зимой, убедились в безуспешности мирной экономической борьбы, пока на страже интересов горнопромышленников стоят до зубов вооруженные казаки и полиция. Локауты, расчеты, аресты и казацкие нагайки мощными ударами проламывали брешь в политическом невежестве и отсталости донецких рабочих. Они вышибали последние надежды, как то было с сантуриновскими бутылочниками, избавиться от насилия казаков припаданием к стопам царя-батюшки.

Во время летних стачек впервые в Донбассе на открытых собраниях рабочих произносились политические речи. Ничего подобного в январе—феврале не было, кроме весьма осторожных выступлений в Луганске. Теперь политическая агитация более смело и успешно велась на Горловском и Мариупольском заводах и осторожная проба сделана на Жиловском и Горловском рудниках. «Судя по последовательности забастовок,—доносит екатеринославский губернатор министру,—и по однородности требований рабочих, нельзя не вывести заключения, что возникновение их следует в значительной степени об'яснить агитацией лиц неблагонадежных и притом агитацией политического характера, так как, на-ряду с требованиями, относящимися к улучшению экономического быта, зачастую пред'явля-

---

[1] Архив Екат. Истпарта, дело № 342.

[2] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 17, т. IV, 1905 г. № 7.594.

ются такие, как, например, свобода слова, печати, собраний, союзов и т. п.» [1].

На-ряду с политической агитацией социал-демократов поднималась особенно среди шахтеров контр-агитация черносотенцев. По этому поводу губернатор доносит, ссылаясь на пример Жиловского рудника: «...Среди рудничных рабочих уже образовался раскол, и более благоразумные весьма несочувственно относятся к забастовкам...». Из этих-то «благоразумных» уже летом начали организовываться, под руководством полиции, банды погромщиков.

В общем, итоги летних стачек в Донбассе, конечно, бледнеют перед черноморским вооруженным восстанием на броненосце «Потемкин», перед всеобщими политическими стачками в Западном крае и Польше, перед рабочими демонстрациями в некоторых городах, но, в пределах громадной политической отсталости рабочих Донбасса, достигнутые результаты были значительным шагом вперед по пути раскачивания 100-тысячной армии шахтеров для дальнейших политических вооруженных боев с царским самодержавием.

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 17, т. III, 1905 г. № 6.343.

VIII.

Борьба против булыгинской Думы.

Под напором мощного движения революционного народа царь струсил и 18 февраля «повелеть соизволил» назначить комиссию по выработке проекта о «привлечении достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Но как по законосовещательному заголовку проекта, так и по тому, что председателем комиссии назначался злейший враг народа—шеф жандармов, министр Булыгин,—видно было, каким фальшивым парламентом собирается царь осчастливить свой народ.

Социал-демократической партии, только - что разделавшейся с одной царской ловушкой—комиссией сенатора Шидловского,—необходимо было выявить свое отношение, разоблачить перед рабочим классом новую царскую затею всенародного обмана. В партии оказались две точки зрения. Большевики за байкот Думы, а меньшевистский центр, редакция «Искры», высказался сначала против бойкота, но, не будучи поддержан местными меньшевистскими организациями, и в том числе Донецким союзом, отказался от своей точки зрения.

На местах обе фракции единодушно высказались за бойкот. А ЦК партии еще до опубликования манифеста о булыгинской Думе постановил: «Предложить всем партийным организациям начать широкую агитацию с целью дискредитировать эту затею правительства и стараться не допустить этой политической комедии, энергично настаивая перед избирателями, чтобы они отказались принять участие в выборах, противопоставляя правительственной затее народного представительства требование созыва Учредительного Собрания на основах всеобщего, прямого, тайного и равноправного избирательства при наличии гарантии гражданской свободы и личной неприкосновенности, а также при условии предварительной всеобщей амнистии. Вместе с тем предложить организациям приступить к организации городского и сельского пролетариата для открытых выступлений во время выборов в форме митингов, вооруженных демонстраций и политических забастовок» [1].

По этой линии и развертывалась с марта по сентябрь широкая кампания против булыгинской Думы по всей России и в Донбассе.

[1] Ист.-рев. Архив, дело № 5, ч. 4, лист А, 1905 г. вход. № 26.210.

Донецкий комитет и его группы выпустили несколько листков, разоблачающих царские конституционные махинации. Уже в марте Юзовская группа выпускает листок «Ко всем рабочим и работницам», в котором заявляет: «Да, товарищи, этот призыв зрелых людей „к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений“,—как говорит рескрипт,—направлен только к тому, чтобы призвать к себе на помощь сотню-другую дворян, попов и фабрикантов—и тогда еще с большей жестокостью обрушиться на рабочее движение» [1].

В апреле и мае Донецкий комитет выпускает листок (8.000 экз.) «Смерть тиранам, свободу народу» и два издания (по 8.000 экз.) листка ЦК «Ко всем рабочим и работницам». Во втором листке на опыте комиссии Шидловского весьма ярко вскрывается очередное политическое шулерство царского правительства. «Мы должны разбить,—призывает ЦК и ДК,—и сорвать комиссию Булыгина. Нам, рабочим, ни Булыгин, ни царский указ не дает ничего... Будем требовать созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Долой комиссию Булыгина! Долой всех тех, кто откликнется на царский призыв и подаст царю руку помощи!» [2].

Местные группы союза, кроме печатной, вели широкую массовочную агитацию. Юзовская группа в своем отчете уже на 1 июня сообщает: «Теперь пытаемся провести агитационную кампанию по поводу проекта Булыгина. Выработана схема агитации, будет выпущен листок и предложена на голоса резолюция в конце кампании». («Искра», № 102).

В Мариуполе в начале августа социал-демократическая группа на ряде массовок вынесла резолюцию протеста против Думы и сорвала намечавшееся торжественное заседание земцев по поводу манифеста 6 августа. Группа выпустила листовку «Ко всем лишенным прав» и распустила слух, что социал-демократы собираются превратить земское торжество в политический митинг. Земцы сдрейфили и ограничились молебном в соборе под усиленной охраной казаков («Социал-демократ», №15, 1905 г.). Бахмутская группа выпустила листовку «Новая царская милость» (см. приложение XI) и провела несколько массовок протеста против булыгинской Думы.

6 августа появился царский манифест о созыве Государственной Думы на основании положения, выработанного булыгинской комиссией. Дума по своим правам предполагалась только законосовещательная, а по составу представительства—буржуазно-помещичья и кулацкая. Рабочие и неимущая интеллигенция городов лишались избирательных прав.

Появление такой куцой царской конституции полностью подтверждало предыдущую кампанию социал-демократической партии

[1] Ист.-Рев. Архив, дело О. О. № 529, 1905 г.

[2] «Материалы к истории Екат. соц.-дем. организации, 1904—1905—1906 г. г., 1924 г., стр. 188.

против булыгинской комиссии. Рабочий класс был уже достаточно подготовлен, чтобы нанести еще один крепкий удар и смести булыгинскую Думу в архив на с'едение мышам.

В августе, когда либералы пытались сторговаться с царем на булыгинском проекте против рабочих, социал-демократическая партия еще с большим напряжением и под'емом повела рабочие массы против Думы и предательской сделки либералов. Выпускались десятки тысяч листовок, собирались многолюдные массовки и демонстрации во всех концах страны. Этот под'ем движения завершился октябрьской всеобщей стачкой, угробившей булыгинскую Думу и выдвинувшей первый в мировой истории рабочий «парламент» — Совет Рабочих Депутатов.

IX.

Октябрьские стачки и погромы.

Октябрьская волна революционного движения, насквозь пропитанная ярким политическим содержанием, подготовлялась летними стачками и сентябрьскими митингами. Августовский манифест, «даровавший» булыгинскую Думу, не только никого не удовлетворил, но вызвал бурю негодования против царской конституционной стряпни, рассчитанной на «успокоение брожения». Рабочие массы уже начали разбираться в этой хитрой механике монарших рескриптов и манифестов. Поэтому лозунги Учредительного Собрания и Временного революционного правительства становились с каждым днем популярнее в широких рабочих массах.

Решительная борьба за эти лозунги началась в сентябре грандиозной митинговой кампанией. В столицах и крупных городах автономные университеты широко раскрыли двери для рабочих собраний. Революционные партии, и главным образом социал-демократия, сделали все, чтобы тихие профессорские кафедры превратить в трибуны революционных митингов, с которых впервые в истории России открыто раздавались горячие призывы к свержению самодержавия путем всеобщей стачки и вооруженного восстания.

Во второй половине сентября московские рабочие перешли от слов к делу. Печатники об'явили всеобщую стачку, поддержанную питерскими печатниками трехдневной забастовкой солидарности. Царское правительство струсило и попыталось задушить московскую забастовку расстрелом собраний стачечников и разгоном митингов в университетах.

Но было уже поздно. Кровавые репрессии правительства только подливали масла в революционный пожар и вызывали бурю всенародного протеста во всех рабочих уголках страны. Московские события давали новый толчок революционному под'ему на местах.

В Донбассе наступившая после летних стачек передышка была прервана. В конце сентября Донецкий комитет выпустил листовку (12.000 экз.) о московских событиях, начинавшуюся словами: «Шумит народное море...» «И в Москву—говорилось в листовке—перебрасывается огонь народного возмущения. И улицы „белокаменной Москвы оглашаются на этот раз уже не перезвоном ее „сорока-сороков“ церквей, а выстрелами борцов за свободу... На Тверском бульваре расстреливают народ, стреляют по домам, дают залпы по

толпам рабочих... И народ уже знает, что этого только и можно ждать от царского правительства: рабочие с оружием в руках встречают своих врагов. Раздаются одиночные револьверные выстрелы в ответ казакам. Падают убитые казаки, околоточные, городовые, тяжело ранен жандармский ротмистр. И кипит бой на улицах столицы...» Листовка заканчивается призывом к оружию: «Волна революции поднимается! За оружие, товарищи! Каждый день может начаться восстание, и не ждать мы должны, что кто-то за нас все сделает, а каждый должен стремиться достать оружие, готовиться к окончательной битве с самодержавием. Не ждать должны мы, что восстание кто-то назначит, а смело и уверенно развивать революционное возмущение, призывать народ к борьбе по всякому поводу».

На заводах и шахтах стали чаще и многолюднее собираться массовки, готовились к стачкам и демонстрациям. А бахмутский исправник уже спешил донести губернатору: «В последнее время среди рабочих горной и заводской промышленности наблюдается брожение, направленное к устройству политических демонстраций и забастовок» [1].

В Донбассе не было университетов, где бы под охраной студенческой «конституции» можно было устраивать открытые рабочие митинги. Но зато была широкая степь, изрезанная глубокими балками, песочными карьерами, покрытая «дремучими» железнодорожными посадками. Эти-то степные убежища по темным ночам кишмя-кишели рабочими массовками, сначала тайно, а потом полулегально. Полиция и казаки боялись ночью подступиться к такому сборищу, опасаясь вооруженного отпора,

Такие массовки по 600 человек собирались в конце сентября в окрестностях константиновских заводов 3—4 раза в неделю. На них проводилась агитационная подготовка масс к всеобщей стачке и вооруженному восстанию. Собирались деньги на вооружение и широко распространялись десятки тысяч прокламаций [2].

Массовки рабочих Вознесенского рудника собирались в балке, находящейся в двух верстах от шахты № 21. На этих сходках, по донесению провокатора-крепельщика Казуса, В. И., ораторы говорили, что «нужно сделать восстание, а для этого необходимо всем вооружиться револьверами и кинжалами, убивать должностных лиц и начать всеобщую забастовку» [3].

В Енакиево массовки подкреплялись демонстрациями. 28 сентября у ворот Петровского завода состоялась открытая сходка не-

---

[1] Архив Екат. Истпарта, дело № 340.

[2] По донесению провокатора, рабочего стекольного завода Жихарского, А. В., константиновскими массовками руководили: Белоусов, Григорий, Тимченко, К. Т. и др., при чем Жихарский исправно доставлял в полицию сотни прокламаций, которые он получал для распространения на стекольном заводе. (Архив Екат. Истпарта, дело № 189).

[3] Тот же провокатор доносил, что массовками руководили: Костыря, И. А., Прудников, А. П., Михайличенко, М. И., Трубников, Исаченко, Бачурин и Сальников. Кроме того, в качестве сочувствующего социал-демократам назывался инженер Кондратьев, А. П. (Архив Екат. Истпарта, дело № 340).

скольких тысяч рабочих, на которой говорились речи о московских событиях.

В Луганске 1 октября поздно вечером собрался многолюдный политический митинг на Александровской улице, у мельницы Шаховича. После митинга началась демонстрация, на которую налетели конные городовые. «Участники сходки,—сообщает околоточный,—завидев полицию, вооружились палками и камнями, бросали ими в наряд полиции. В темноте со стороны сходки было произведено несколько выстрелов». Городовые шашками и нагайками рассеяли демонстрантов и арестовали 18 участников[1].

На Максимовском руднике, по инициативе либеральных инженеров, 4 октября состоялось многолюдное собрание, на котором «писатель Тан,—по сообщению полиции,—говорил речь о необходимости соединения крестьян с инженерами для борьбы за наделение крестьян землей путем выкупа таковой у помещиков». Местная группа использовала это либеральное собрание для открытой политической агитации, поручив выступление т. Морозову[2].

В Юзовке 7 октября вечером, после концерта, в театре разбрасывались прокламации, а затем многочисленная толпа рабочих и городской молодежи, выбросив красный флаг, с криками: «Долой Государственную Думу» и «Долой самодержавие!», направилась по второй линии. Постовые городовые попытались разогнать демонстрацию, но в ответ загремели выстрелы. Городовые отступили, и вскоре их сменил казацкий раз'езд, разогнавший нагайками демонстрантов. При этом несколько участников было арестовано[3].

На заводах и рудниках, где имелись хотя бы небольшие социал-демократические группы, массовочная политическая кампания быстро перерастала в вооруженные демонстрации, в которых принимали участие, главным образом, организованные рабочие и сочувствующие, прокладывавшие дорогу своей жизнью для массовых октябрьских выступлений.

Под влиянием массовок и общего осеннего стачечного под'ема в стране в Донбассе, на-ряду с всеобщей железнодорожной стачкой, прокатился ряд крупных экономических забастовок на рудниках и заводах. Бастовали, главным образом, или до сих ни разу не бастовавшие или потерпевшие в прежних стачках полное поражение.

1 октября забастовали около 4.000 шахтеров Рутченковского и Лидиевского рудников в ответ на предупреждение администрации, что с 1 октября будет понижена заработная плата на 10—15%. Рабочие потребовали оставления прежней заработной платы и выдачи для забойщиков конторского инструмента. Стачка проходила спо-

[1] Среди арестованных: Модиевский, Ладный, Поваркова, Павлов, Монос ореновский и др. (Архив Екат. Истпарта, дело № 340).
[2] Архив Екат. Истпарта, дело № 261.
[3] Среди арестованных: Цигунок, Годос, Попойцева, Хлястик, Тузиков, Лапин и Ридник. (Архив Екат, Истпарта, дело № 206).

койно и организованно. На пятый день забастовки дирекция рудников сдалась, и рабочие приступили 5 октября к работе [1].

10 октября была об'явлена всеобщая стачка Екатерининской железной дороги. Движение остановилось по всей линии. В пределах Донбасса бастовали дружно, с большим революционным под'емом все железнодорожники от Гришино до Миллерово, Зверево, Таганрога и Мариуполя. По всем узловым станциям во время стачки проводились многолюдные митинговые кампании.

В знак солидарности с железнодорожниками, 13 октября забастовали рабочие механического завода в Дебальцево, а 15 октября началась политическая стачка на Никополь-Мариупольском заводе. «16-го в Мариуполе,—доносит губернатор министру,—толпа забастовавших рабочих завода „Никополь“ направилась на соседний завод „Провиданс“, но была рассеяна конной полицией. Часть все-таки проникла на завод, откуда немедленно была изгнана. В городовых толпа бросала камни, куски железа и произвела несколько выстрелов. Ушиблено двое городовых» [2]. Никопольцы уже не первый раз сражаются с полицией за политическое руководство более отсталыми рабочими завода «Провиданс». В этот же день 16 октября никопольцы направились в город на общую сходку с бастовавшими городскими рабочими. После сходки состоялась демонстрация, закончившаяся вооруженным столкновением с полицией.

Подавляющее большинство заводов, даже таких, как Юзовский, Гартманский, Петровский, Юрьевский и рудников не бастовали, хотя сочувствие и поддержка стотысячной армии шахтеров и металлистов были всецело на стороне всеобщей стачки железнодорожников. Это настроение выражалось в резолюциях рабочих на многочисленных массовках и собраниях. Забастовок же не было, главным образом, потому, что этого хотели не только рабочие, но и с нетерпением ждали промышленники, угрожавшие локаутом разложить организованные ряды рабочего движения.

Всероссийская железнодорожная политическая стачка, поддержанная всем революционным народом, принудила царское правительство 17 октября «даровать» свободы, амнистию и законодательную Думу. Рабочие всей страны встретили царский манифест грандиозными политическими демонстрациями протеста, с требованием Учредительного Собрания и Временного революционного правительства.

В Донбассе о манифесте узнали в городах 19 октября, а на рудниках еще позже. Немедленно же социал-демократические группы организовали митинги и демонстрации в Луганске, Юзовке, Енакиево, Бахмуте, Мариуполе, Таганроге и на крупных рудниках. На митингах впервые открыто заговорили ораторы социалистических партий. Первым требованием свободных собраний была амнистия. В Луганске, после угрозы разбить тюрьму, власти поспешили освободить арестованных.

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 17, т. IV, 1905 г. вход. № 31.830.
[2] Там же.

Но свободные митинги и демонстрации продолжались недолго. Уже в первые дни появились весьма погромно настроенные патриотические манифестации, организованные черносотенцами и полицией.

В Таганроге 18 октября на улицах происходило избиение демонстрации революционной молодежи патриотической манифестацией железнодорожников. На следующий день черносотенцы вовлекли большинство рабочих металлургического завода в трехтысячную патриотическую манифестацию. Навстречу ей показалась в городе революционная демонстрация рабочих. Патриоты, превосходящие численностью, напали на демонстрантов и многих избили до полусмерти [1].

В Юзовке 19 октября вечером революционная демонстрация прошла спокойно. 20 октября возобновившаяся демонстрация направилась к заводу, чтобы призвать рабочих в свои ряды. Но у самого завода на демонстрацию напала банда черносотенцев, организованная полицией из босяцких элементов, которыми издавна славилась юзовская «обжорка», избила демонстрантов и отправилась громить еврейские магазины. До поздней ночи продолжался бешеный погром. «С утра 21-го числа,—сообщает полиция,—к грабителям присоединились прибывшие с ближайших шахт горнорабочие. Кроме магазинов. в этот день разбито и разграблено было много частных еврейских домов во всех частях города». На третий день, после того как погромщики перестали разбирать национальную принадлежность магазинов и богатых квартир, а громили все под-ряд, войска, бывшие два дня немыми свидетелями разбоя, получили приказ палить по громилам. К вечеру 22 октября погром был прекращен. В результате, по скромным подсчетам полиции, было разбито и разграблено 84 магазина и рундука на базаре, более 100 частных квартир и убито 10 и ранено 38 евреев. Убытки исчислялись в сумме 933.000 руб. [2].

Полиция в своих рапортах с наглостью громил всю вину за погром сваливала на еврейскую молодежь, которая якобы стреляла по мирному русскому населению. Ту же клевету повторяет директор Юзовского завода Андерсон в своем обращении к Трепову за военной помощью. «Несколько сотен вооруженных евреев,—пишет Андерсон,—с революционными флагами ворвались в завод для понуждения к забастовке. Рабочие сопротивлялись, поранив и убив многих евреев. После полудня толпа расхищала еврейские лавки на базаре...» В заключение Андерсон просит у Трепова распоряжения «о немедленном усилении недостаточного количества войск в Юзовке в виду начавшихся вчера, 20 октября, беспорядков и *вооруженного восстания* еврейского населения» [3]. Вот до какой лжи договорился под диктовку полиции черносотенный директор завода.

В Бахмуте, по сообщению корреспондента газеты, 20 октября начался еврейский погром. «Все магазины разбиты и разграблены.

---

[1] «Красное Знамя», № 160, 1925 г.
[2] Ист.-Рев. Архив, дело № 1.350, ч. 3, 1905 г., вход. № 35.370.
[3] Там же, ч. 17, том IV, 1905 г. № 1.576.

Сегодня начались усиленные поджоги и разгромы частных квартир. Полиция и войска бездействуют. Сегодня командование принял местный воинский начальник Селиванов, который, отказав в энергичных мерах, увел войска, предоставив толпе свободу действий. Есть убитые и раненые». («Сын Отечества», № 210, 1905 г.).

Из Мариуполя телеграфируют: «В течение трех дней—20-го, 21-го и 22-го—разбивали жилые еврейские дома и лавки. Есть жертвы. Тысячи семейств остались без крова и хлеба. Необходима скорая помощь» («Сын Отечества», № 213, 1905 г.). Организованные заводские рабочие пытались оказать вооруженное сопротивление громилам, но были рассеяны полицией.

В Луганске 21 октября утром появились на улицах черносотенные манифестации, а к вечеру уже начали громить магазины. Вооруженная самооборона безуспешно пыталась разогнать погромщиков. На следующий день с утра продолжался, под охраной полиции, опустошительный погром, длившийся два дня. Громилами сожжено несколько зданий, в том числе женская гимназия.

С ликвидацией погромов в городах, черносотенное движение быстро перебросилось на рудники и заводы. «Полиция и администрация,—сообщает донецкий корреспондент,—чувствуя, что из-под ног уплывает почва власти, быстро принялись за организацию черных сотен из босяцких элементов, которыми был всегда богат Донецкий бассейн. С прекращением железнодорожной забастовки черносотенные банды открыто перебрасывались с завода на завод. Грабежи и разгромы происходили при деятельном участии казацких отрядов и полиции, предварительно до погрома собиравшей усиленную дань с местного торгового населения». («Новая Жизнь», № 18, 1905 г.).

Черносотенцы на рудниках не только громили лавки. Они избивали революционных рабочих, разбивали и грабили квартиры инженеров, сочувствующих революции. На Ирминском руднике,—жалуется губернатору группа инженеров,—«местная полиция вместо успокоения рабочего населения употребила все усилия для создания волнений среди рабочих на патриотической почве... Прибывший исправник не только не помешал движению, но его усилил, допустив группу пьяных рабочих требовать настойчиво удаления управляющего [1] под угрозой разбить весь рудник. Подобное черносотенное движение, руководимое полицией, с аналогичными результатами разрастается на других рудниках уезда, что грозит крупнейшими осложнениями, с риском остановить промышленность совершенно» [2].

В Харцызске 19 октября рабочие механического завода в количестве 200 человек вышли из завода с красными и черными флагами

[1] Требовали удаления весьма либерального тогда управляющего, инженера Миронова.

[2] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 17, т. IV, 1905 г., № 3.021. Подписали это послание: управляющий Петро-Марьевского рудника Буковский, директор Кадиевского рудника Дворжанчик, управляющий Ирминского рудника Миронов, управляющий Голубовского рудника Никитин, директор Криворожского рудника Прядкин и др.

и продемонстрировали по улицам поселка. Демонстрация закончилась политическим митингом, на котором выступали ораторы местной социал-демократической группы. На другой день харцызские черносотенцы отслужили молебен и отправились на заводский поселок избивать организаторов вчерашней демонстрации. На квартире избили рабочего Бойко и двух знаменосцев [1].

Но не везде на рудниках и заводах черносотенным бандитам так легко доставалась победа, как в Луганске, Бахмуте, Юзовке. «В Енакиево,—сообщает корреспондент,—на Петровском заводе погром был предупрежден местной группой РС-ДРП, противопоставившей во-время свою революционную агитацию черносотенному подстрекательству» («Новая Жизнь», № 18, 1905 г.). Начавшиеся погромы на Юрьевском заводе, Щербиновском руднике и в Дебальцево были прекращены вооруженными рабочими дружинами. («Сын Отечества», №№ 216 и 220).

В общем, погромное движение на заводах, и особенно на шахтах, в самых разнообразных формах, видах и целях приняло угрожающие размеры, и горнопромышленники забили тревогу. Погромы им были на руку — был повод наводнить Донбасс казаками для усмирения не черносотенцев, а революционных рабочих. Поэтому вторая половина октября занята телеграфной перекличкой горнопромышленников с всесильным тогда диктатором Треповым.

«В Юзовке—центре горной промышленности,—телеграфирует председатель Совета С'ездов горнопромышленников Авдаков премьеру Витте и Трепову,—соседних каменноугольных копях—центре десятков тысяч рабочих, происходят грабежи и насилия; рудники и завод в отчаянном положении; войска мало; необходима сильная защита каменноугольных копей и завода, сосредоточением войск в Юзовке и Рутченково» [2]. Из Сартаны телеграфирует Витте дирекция мариупольских заводов: «Для предотвращения грозных кровавых столкновений между партиями рабочих и для безопасности заводов просим экстренно командировать на заводы в Сартану роту пехоты».

Трепов, как приказчик, без промедления исполняет просьбы господ промышленников. Дает, соответствующее распоряжение военному министру Редигеру и телеграфирует командующему одесским военным округом: «В виду необходимости безотлагательного подавления происходящих в Донецком бассейне беспорядков, которые в противном случае угрожают распространиться на обширный район, прошу командировать в Екатеринославскую губернию достаточные для этого силы». Одновременно Трепов предупреждает екатеринославского губернатора: ...«Примите самые решительные меры к охране шахт и заводов. Особое внимание обратите на центры: Горловский, Алмазный и Юзовский».

Командующий, генерал Каульбарс, спешит успокоить Трепова: Войска, предназначенные специально для охраны горной промышлен-

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 5, 1905 г. № 1.148.
[2] Там же, ч. 17, т. IV. 1905 г.

ности, в числе трех батальонов, восьми сотен и двух эскадронов, еще до начала общих беспорядков, были поставлены во всех главных пунктах Донецкого района: Бахмуте, Юзовке, Макеевке, Луганске, Горловке, Ртутном руднике, Петровском заводе, Ясиноватой, Рутченкове, Мушкетове, Ханжонкове и Алчевской с резервом в Мариуполе. Ныне в Донецкий район вновь послано усиление из Екатеринослава» [1].

Итак, погромы помогли промышленникам и правительству под весьма благовидным предлогом оккупировать войсками шахты и заводы. Революционное движение и даже мирные экономические стачки ставились под угрозу нагаечной порки и расстрелов озверелыми казаками и драгунами. Вот что подготовило правительство для шахтеров в придачу к октябрьскому манифесту!

Но что бы ни замышляли власти в союзе с черносотенными громилами, им не удалось задержать гигантского размаха революционного движения. Выступления погромщиков еще больше сплачивали и дисциплинировали ряды организованных рабочих. Они разрушали последние надежды на возможность одной мирной стачкой завоевать политическую свободу. Все более широкие круги рабочих убеждались в том, что в порядок дня необходимо поставить вооруженное восстание не как лозунг, а как боевую техническую задачу. И в этом направлении в октябре и ноябре была проделана местными социалдемократическими группами большая подготовительная работа, особенно в Енакиеве, Юрьевке, Дебальцеве, Горловке и Гришине.

Только наиболее отсталая часть шахтеров и заводских рабочих, не испытавшая еще разочарования в мирных средствах борьбы, продолжала после 17 октября экономические стачки.

19 и 20 октября впервые в 1905 году забастовали рабочие таганрогских заводов. Первыми бросили работу рабочие котельного и кожевенных заводов. На следующий день забастовавшие толпой ворвались в металлургический завод, рассыпались по цехам и сняли всех рабочих. На собраниях по заводам были избраны советы старост, которым поручалось руководство забастовкой и ведение переговоров с администрацией. На пятый день котельщики и кожевники добились значительных уступок и приступили к работе. Дирекция же металлургического завода только после упорной борьбы согласилась набавить 10 коп. некоторым категориям рабочих. Большинство же требований отказалась удовлетворить и угрожала, в случае дальнейшего затягивания забастовки, закрыть завод. Рабочим пришлось согласиться на ничтожные уступки [2].

19 октября рабочие металлургического завода Генерального общества в Макеевке, пред'явили дирекции 14 пунктов требований, не прекращая работ. Администрация затягивала свои ответы на требования. Тогда рабочие 25 октября избрали делегатов [3] от цехов и поручили им дальнейшие переговоры с дирекцией. 26 октября

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 17, т. IV, 1905 г. № 22.035.

[2] «Красное Знамя» №№ 161 и 164, 1905 г.

[3] Руководителем делегации был, по сведениям полиции, рабочий Хидченко, И. В. (он же Потапов).

администрация расклеила по заводу свои ответы на требования рабочих. Уступки были настолько ничтожны, что рабочие, как бы по сговору, одновременно во всех цехах бросили работу в количестве 2.350 человек. На другой день забастовавшие пытались безуспешно остановить труболитейный завод.

Дирекция категорически отказывалась удовлетворить главное требование рабочих—повышение заработной платы. Парижские заправилы Генерального общества предложили директору об'явить локаут. И 31 октября уже было вывешено об'явление, в котором директор заявлял, что в виду явной убыточности производства и полной невозможности удовлетворить пред'явленные рабочими требования, завод закрывается, а рабочим предлагается явиться 2 и 3 ноября за расчетом. В назначенные дни никто из рабочих за расчетом не явился. Рабочие снова собрались и пред'явили еще два требования: уплатить заработную плату за две недели вперед и разделить между рабочими накопившийся в заводе штрафной капитал.

Ответом на последние требования было об'явление окружного горного инженера Хованского, в котором еще раз предлагалось явиться за расчетом и предупреждалось, что деньги нежелающих получать расчета будут внесены в депозит Таганрогского окружного суда, а паспорта их будут отправлены через полицию по месту прописки. И после этого угрожающего об'явления рабочие неохотно брали расчет [1].

В ноябре появилось сообщение в газетах: «Металлургический завод генерального общества закрыт на неопределенное время. 2.500 рабочих и несколько сот служащих рассчитаны. Заводская администрация выехала за границу. Такая неожиданная развязка неурядиц на заводе создала безвыходное положение для оставшихся без работы» («Сын Отечества», № 228, 1905 г.). Таким громадным поражением закончилась дружная забастовка макеевских металлистов.

Непосредственно под влиянием заводской забастовки началось в конце октября брожение на соседних рудниках Екатериновского горнопромышленного общества. Поводом к стачке послужило увольнение 31 октября, по распоряжению директора Буроза, слесаря Мяусова за призыв шахтеров к забастовке. Стачка вспыхнула быстро и дружно в 2 часа был уволен Мяусов, а в 4 часа уже на шахтах «Капитальный» и «Шмидт» подземные бросили работу и поднимались «на верха». Всего забастовало 3.500 рабочих. «1 ноября,—сообщает полиция,—забастовавшие рабочие собрались в степи за шахтами для обсуждения своих нужд, и 2 ноября выбранные делегаты от рабочих пред'явили администрации рудников 34 пункта требований».

Дирекция рудников поспешила 3 ноября вывесить свои ответы с предупреждением, что, если 4 ноября рабочие не станут на работу, то будет всем об'явлен расчет. Угроза расчета расколола

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4 ч. 5 1905 г. № 1.166.

рабочих. Несмотря на то, что мизерные уступки никого не удовлетворяли, большинство рабочих согласились приступить к работе.

В конце октября прокатилась забастовка, закончившаяся погромом на рудниках Боково-Хрустальского района. Здесь в прошлом бастовали редко, а в 1905 году первый раз. Забастовка подготовлялась и началась организованно. Предварительно были разбросаны листки «Ко всем рабочим Боковских, Хрустальских и Нагольчанских рудников» за подписью: «Организация крестьянского союза РС-ДРП». Повидимому под этой крестьянской вывеской скрывалась местная социал-демократическая группа. В листовке, написанной в несколько либеральном стиле, заявлялось: «Долго рабочие боролись, пока, наконец, с высоты престола не полетела конституция, но этим борьба еще не исчерпывается, а, наоборот, в свободном государстве она будет более удобной, а потому и плодотворной». В заключение листовка призывает рабочих подняться «на всеобщую борьбу за права человека» и предлагает пред'явить хозяевам 20 пунктов требований. Кроме распространения прокламаций, группа организаторов забастовки (штейгер Огарков, конторщик Дадыка, десятник Левицкий и управляющий рудником Кольберга—Нетребецкий), созывали летучки из рабочих рудников Эрдели и Кольберга.

31 октября забастовали шахтеры рудника Кольберга, а 2 ноября прекратились работы на рудниках Эрдели, Чечи, Красильщикова, Краевского и Шепилова. Всего забастовало около 3.000 человек. К вечеру все рабочие собрались на руднике Эрдели, обсудили требования, выставленные в листовке, и поручили избранным делегатам от всех шахт отстаивать эти требования перед администрацией.

На другой день, пока делегаты вели переговоры с администрацией, на шахтах черносотенцы, под руководством штейгеров Клебанова и Королева, обрабатывали наиболее отсталых шахтеров, призывая их постоять за царя-батюшку и избить руководителей забастовки. Распропагандированная толпа рабочих пришла на рудник Эрдели, где велись переговоры, захватила Огаркова, Дадыку, Левицкого и владельца рудника Эрдели, избила их и передала для ареста заседателю Кузнецову. Таким же путем толпа доставила Кузнецову управляющего Нетребецкого, штейгера Герасимова и машиниста Смирнова. Кузнецов всех задержанных освободил. Тогда толпа набросилась на Кузнецова и Нетребецкого и долго избивала палками и топтала ногами. По этому поводу таганрогский ротмистр доносил департаменту полиции: «На Боковских рудниках администрация разбежалась. Заседатель рабочими избит и лежит в больнице. Туда послано 3 взвода казаков» [1].

Еще до прибытия казаков беспорядки прекратились и 6—7 ноября, после об'явления на всех рудниках о прибавке 10%, рабочие приступили к работе [2].

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, часть 17, том IV, 1905 г. вход. № 35.793.
[2] Там же, ч. 5, 1905 г. № 1.170.

Еще более бурными беспорядками закончилась забастовка шахтеров в Алесандро-Грушевском районе. «25 октября шахтеры рудника Русского Общества,—сообщает корреспондент,—пред'явили требования и забастовали. Затем направились толпой к руднику Шушпанова известить здешних рабочих о забастовке. Управляющий Шушпановского рудника созвал своих рабочих и предложил им дать отпор пришедшим бунтовщикам. Возмущенные таким предложением, обе массы рабочих бросились громить контору. Погром быстро принял общий характер, как только присоединились остальные рудники. Громили, главным образом, рудничные лавки, являвшиеся средством эксплуатации и закабаления. Черная сотня пыталась натравить рабочих на разгром лавок в городе, но безуспешно». («Новая Жизнь», № 18, 1905 г.).

Последняя забастовка в осеннем цикле стачек была на Ясиновских рудниках. 8 ноября прекратили работу 1.200 человек на всех шахтах рудника. В тот же день вечером толпа шахтеров около 300 человек, под влиянием черносотенной агитации, принялась громить рудничные магазины. На другой день рабочие неорганизованно, на словах, пред'явили администрации 9 требований, из которых в последнем заявлялось: «Не считать рабочих, вследствие происшедшего беспорядка, бунтовщиками» [1].

Дирекция воспользовалась погромом, чтобы вызвать сотню казаков для усмирения и принуждения всех рабочих силою и угрозою расчета приступить к работе.

В итоге, октябрьские экономические стачки далеко уступают зимним и летним по размаху, выдержанности и организованности. Почти все стачки под давлением промышленного кризиса потерпели поражение. Экономическая борьба, под угрозой локаутов, явно шла на убыль. Для самых отсталых рабочих давались наглядные уроки безнадежности мирной экономической стачки, пока промышленники опираются на казаков, на черносотенные банды и локауты.

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 5, 1905 год, № 1.177.

X.

Советы Рабочих Депутатов и боевые дружины.

Октябрьская всеобщая стачка, первая в истории мирового рабочего движения по мощности, организованности и широте революционных задач, выдвинула стихийно в ряде городов, начиная со столиц, органы руководства борьбой рабочего класса—Советы Рабочих Депутатов. Возникшие в первый момент «на правах» общегородских стачечных комитетов, Советы быстро вырастали из этих прав и, увлекаемые вихрем революционного под'ема рабочих масс, Советы превращались в органы борьбы рабочего класса за политическую власть. Такими были Петербургский и Московский Советы Рабочих Депутатов—не даром же называли Петербургский Совет вторым правительством.

В октябрьские дни и затем в период декабрьской всеобщей забастовки Советы Рабочих Депутатов возникали во многих губернских и даже уездных городах. Одни из этих Советов стремились к захвату власти и тогда они приближались к типу Петербургского и Московского Советов, а другие, выполнив роль стачкомов, ограничивались защитой профессиональных интересов рабочих перед предпринимателями, и тогда они заменяли профсоюзы там, где их не было.

Основное же революционное назначение Советов в том, чтобы возглавить вооруженную борьбу рабочего класса с самодержавием. «Советы Рабочих Депутатов — *органы массовой непосредственной борьбы.* Они возникли как органы борьбы *стачечной.* Они стали очень быстро, под давлением необходимости, органами *обще-революционной* борьбы с правительством. Они превратились *неудержимо,* в силу развития событий и перехода от стачки к восстанию, — *в органы восстания»* (Ленин, VII т., 2 ч., стр. 18).

В Донецком бассейне Советы Рабочих Депутатов организовались в Луганске, Мариуполе, Юзовке и Таганроге. Кроме того, весьма недолго существовали Советы на некоторых рудниках Юзовского района.

Луганский Совет Рабочих Депутатов возник, по всей вероятности, в дни революционных демонстраций после об'явления манифеста 17 октября. Приходится писать «по всей вероятности» потому, что даты возникновения Совета указываются самые разноречивые в воспоминаниях участников и статьях историков революционного

движения в Луганске. Прежде всего, начнем с историков. Тов. Каменский пишет: «В начале 1905 года из цеховых старост организуется первый Совет Рабочих Депутатов гор. Луганска, который сразу завоевывает симпатии рабочих масс» [1]. Другой историк Гамбаров, уделяя Совету всего несколько строк, отмечает: «Усилившееся к этому времени (т.-е. к 1-му мая 1906 года) влияние первого Совета Рабочих Депутатов г. Луганска, возникшего на заводе Гартмана из цеховых старост, дошло до того, что С. Р. Д. стал играть довольно значительную роль в жизни луганского пролетариата» [2].

Не меньше разноголосицы и в воспоминаниях участников. Тов. Ляпин, переходя к 1906 году, пишет: «1906 год замечателен тем, что под руководством гартманской ячейки был создан первый Совет Рабочих Депутатов в г. Луганске» [3]. Другие товарищи, Серебряков Л. и Локотош, в своих воспоминаниях относят возникновение Совета к первым дням октябрьских демонстраций и связывают его с фактом освобождения из тюрьмы активных работников организации—Ворошилова, Бондарева и др.

Последнюю, октябрьскую дату возникновения Луганского Совета необходимо признать наиболее вероятной, так как в октябре был наиболее высокий под'ем революционного движения в Луганске.

По имеющимся сведениям, Совет возник под руководством луганской с.-д. организации, как общегородской, с представительством рабочих всех заводов, фабрик и мастерских [4]. Но большинство депутатов составляли гартманцы. Это было и хорошо и плохо. Первое—потому, что наиболее революционные и организованные рабочие Гартманского завода составляли самое активное ядро Совета. Второе—потому, что значительное преобладание гартманцев привело вскоре к тому, что Совет не только заседал на Гартманском заводе, но и превратился в Совет Рабочих Депутатов только одного завода.

Совет существовал общегородским недолго. Уже в декабре в нем заседали почти исключительно только гартманцы. Совет сузил свои функции до заводских пределов. А в 1906 году Совет превратился из боевого органа, по существу своей деятельности, в Совет старост или делегатское собрание профессионального союза.

Что делал Луганский Совет, какова его роль в борьбе за власть рабочего класса на луганском участке большого всероссийского фронта? Об этом никаких документов не осталось, или, вернее, пока они не раскопаны. Участники же в своих воспоминаниях [5] весьма скупо говорят о деятельности Совета, его решениях и его печатных обраще-

---

[1] «Коммунист» № 55, 1923 г., см. ст. «Гордость всероссийской кочегарки»
[2] «Летопись Революции», № 4, 1923 г., стр. 70.
[3] «Луганская Правда», № 251, 1922 г., см. ст. «Часовой пролетарской революции».
[4] Председателем Совета, по некоторым воспоминаниям луганских т.т., был т. Ворошилов (Володя).
[5] А т. Шмырев в своих воспоминаниях даже ни одним словом не обмолвился о Совете, как будто он не оставил никаких следов в его памяти. («Летопись Революции», № 3, 1924 г.).

ниях к рабочим и населению. По воспоминаниям т. Ляпина, рабочие считали Совет своим родным детищем и «шли туда и за личным советом, и с жалобой на свое житье-бытье, и за защитой от нанесенных им обид всяким начальством, от большого до малого» («Луг. Правда», № 251, 1922 г.). Тов. Каменский в своем очерке заявляет, что в Совете «можно было наблюдать и разрешение конфликтов между рабочим и мастером или администрацией; отсюда выносились решения бойкотировать того или иного торговца за спекуляцию, разбирались чисто-семейные дела, и все решения Совета были святы для обеих сторон». («Коммунист», № 56, 1923 г.).

Эти краткие замечания о деятельности Совета вероятно, относятся к последнему периоду его существования, когда Совет занимался по преимуществу внутри-заводскими профсоюзными делами.

Насколько же вообще в момент возникновения Луганский Совет был органом борьбы за власть—сказать трудно, так как документально неизвестно, какие решения и постановления он принимал, какие требования пред'являл властям города.

По воспоминаниям же т. Локотоша, Совет пред'явил первое требование дирекции Гартманского завода о 8-ми-часовом рабочем дне (договорились на 9-часовом дне!), о приеме уволенных за июльскую стачку, об уплате за дни болезни среднего заработка, об отмене обысков на проходных воротах и т. п. К властям были пред'явлены два требования: вывод казаков из города и организация профессионального союза. Оба требования были категорически отклонены, причем казаков еще прибавили.

Как же реагировал Совет на действия властей? Повидимому, примирился с отказом, так как в ответ не последовало ни политических демонстраций протеста, ни явочной организации профессионального союза. Последний возникает только в 1906 году с разрешения властей.

Совет держал себя, вероятно, чрезвычайно лойяльно. Иначе трудно было бы понять, почему реакция пощадила Луганский Совет в то время, как после поражения декабрьского восстания, все Советы расстреливались и отправлялись на каторгу. Или, может быть, Совет был настолько мощной организацией, что власти его боялись. Или же, что вероятнее всего, потому он существовал, что в октябре—декабре открыто не боролся за власть, а в 1906 году сохранил только боевую вывеску на мирном профессиональном обществе (так выговаривался тогда союз!) металлистов Гартманского завода.

Мариупольский Совет Рабочих Депутатов был организован 15—16 октября во время всеобщей стачки в Мариуполе. Советом руководила Мариупольская группа РС-ДРП. Заседания Совета происходили в старом народном доме на заводе «Никополь». По представительству, Совет был общегородским, но преобладали в нем депутаты «Никополя» и «Провиданса». Поэтому и в своей деятельности Совет был больше занят заводскими, чем городскими делами. На крупные политические события Совет откликался резолюциями, широко публиковавшимися в форме обращений к рабочим и населению.

По поводу подготовки полицией после октябрьского манифеста еврейского погрома, Совет заслушал сообщение и принял весьма решительную резолюцию (см. приложение XII). Из нее следует отметить три пункта, замечательные по резкости и твердости тона: «1. Обратиться к судебным властям с требованием ареста тех лиц, чье участие в подготовке погрома доказывается данными, имеющимися в распоряжении С.Р.Д. 2. Сообщить немедленно по всем заводам, по цехам о том, что готовится, и в случае начала погрома, немедленно забастовать решительно всем рабочим и двинуться на защиту мирного населения. 3. Оповестить повсюду, что все, кто примет участие в погроме, будут отвечать перед С.Р.Д.,—выборными представителями всего трудящегося населения города и завода, который уже найдет меры наказать преступников перед всеми гражданами».

В этой резолюции замечательно то, что Совет от пред'явления требований судебным властям в первом пункте, переходит в последнем пункте к об'явлению себя единственной властью.

По поводу декабрьской всеобщей стачки железнодорожников Совет принял две резолюции, в которых «горячо протестует против зверств правительства, считает своей священной обязанностью оказывать всяческую поддержку товарищам железнодорожникам и, посылая свой братский привет борцам за свободу народа, призывает всех честных рабочих и граждан прийти на помощь восставшим за права народа товарищам». (См. приложение XII).

Совет просуществовал до конца декабря, когда был разгромлен карательным отрядом, ликвидировавшим железнодорожную стачку.

Юзовский Совет Рабочих Депутатов возникает в первые дни декабрьской политической забастовки. Совет организовался не в результате всеобщей забастовки заводов и рудников, а только под влиянием всероссийской стачки. Основной причиной возникновения Совета был тягчайший кризис горнозаводской промышленности Юзовского района, сопровождавшийся многотысячной безработицей. Уже в ноябре был закрыт Макеевский металлургический завод. В декабре «Новороссийское Общество,—сообщает исправник департаменту полиции,—по причине забастовок, приостановило бессемер, вальцовку и сократило работы по шахтам, рассчитав 2.782 рабочих. С 23 декабря по 7 января по случаю ремонта работ не будет на заводе. Часть рабочих выехала, часть остается в Юзовке. Состояние угнетенное. Соседние рудники тоже частью приостанавливают и частью сокращают работу, увеличивая безработный контингент Юзовского района»[1]. В газетах 17 декабря сообщалось: «Положение продолжает оставаться неопределенным. Многие каменноугольные рудники принуждены сократить и даже приостановить работу, ибо запасы угля достигли максимальной нормы» («Южный Край», № 8.648, 1905 года). Образовавшиеся громадные запасы угля горели под эстакадами; добыча угля сокращалась, шахтеров рассчитывали. Безработица с каждым днем росла. К началу железнодорожной стачки в районе накопилось более

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 4, ч. 17, т. IV, 1905 г., вх. № 401.152.

10.000 безработных. Промышленники и директоры заводов и рудников, опасаясь крупных беспорядков, бежали. Власти растерялись и бездействовали.

Создавалась угроза невиданного еще разгрома рудников и заводов голодными массами безработных. Атмосфера недовольства накалялась с каждым днем, готовая разразиться вторым «холерным бунтом».

В такой чрезвычайно тяжелой обстановке, по инициативе Юзовской с.-д. группы, организовался районный Совет Рабочих Депутатов, с представительством от шахт и заводов Юзовского и Макеевского горных округов. Совет в первый же день возникновения, 11 декабря, оказался единственной властью в громадном промышленном районе, перед которым стояла ответственнейшая задача спасти рабочее движение от разложения, а рудники и заводы от — разрушения.

На первом заседании 11 декабря Совет, в составе 80 депутатов, решал два вопроса: об отношении к всероссийской политической забастовке и об организации помощи безработным. По первому вопросу принято обращение к гражданам, в котором Совет заявляет: «Рабочие и прочий наемный люд, вынесшие на своих плечах освободительную борьбу, ринулся в решительный бой за свободу для себя и всех граждан России... Забастовало все: фабрики, заводы, рудники, мелкие мастерские, местами крестьяне, даже правительственные учреждения, а во главе всего грандиозная всероссийская железнодорожная забастовка. Голодом и смертью они добиваются освобождения России» (см. приложение XIII). Заканчивается обращение призывом к гражданам оказывать всемерную помощь Совету в его деятельности. По вопросу о помощи безработным Совет постановил: «1) организовать широкую помощь голодающему населению, для чего С.Р.Д. приступает к справедливому денежному обложению населения Юзовского района; 2) предпринять меры против вздорожания с'естных припасов и 3) вступить в переговоры с распорядительным комитетом забастовавших дорог о перевозке рассчитанных рабочих, желающих вернуться на родину, а также муки и других припасов». (См. приложение XIV).

Второе заседание Совета в составе 146 депутатов состоялось 14 декабря. На повестке дня вопросы: доклад исполнительного комитета о сборе пожертвований, доклад делегата станции Мушкетово о железнодорожной забастовке и дополнительные выборы в Исполнительный Комитет, По первому докладу выяснилось, что пожертвований поступило всего 222 руб. 35 коп. Поэтому Совет поручил Исполнительному Комитету приступить к немедленному сбору денег и организации комитетов для выяснения нужд и оказания помощи на местах. Второй докладчик говорил о причинах и целях железнодорожной забастовки и в заключение передал решение распорядительного комитета, который «обязуется перевозить рабочих на родину, а оставшимся доставлять муку и хлеб, дабы предотвратить возможность острой нужды. Уезжающим будут выдаваться бесплатные билеты для проезда по удостоверениям Исполнительного Коми-

тета о бедности». По докладу принята Советом резолюция, выражающая сочувствие железнодорожной забастовке. Дополнительными выборами в Исполнительный Комитет избраны четыре члена к имевшимся пяти. (См. приложение XV).

Совет выпускал свои «Известия», печатавшиеся в «типографии ИК СРД ЮР» и широко распространявшиеся по заводам и шахтам района.

Кроме районного совета, по некоторым данным, существовали непродолжительное время и местные заводские и рудничные советы в Макеевке и на Вознесенском руднике.

Таганрогский Совет Рабочих Депутатов организовался во время декабрьской железнодорожной стачки[1]. Первое заседание Совета состоялось 10-го декабря в 11 час. утра в здании железнодорожного театра. Первым решением Совета было об'явление всеобщей политической стачки всех предприятий города. Забастовка об'являлась трехдневной, начиная с 12 декабря, при чем первые два дня полная остановка работ, а на третий могут производиться работы при условии сдачи заработка в стачечный фонд.

На этом же заседании Совет постановил: 1) закрыть все казенные винные лавки, а если акцизное ведомство воспротивится этому, то поставить возле каждой лавки рабочих, которые бы не допускали публику; 2) закрыть все правительственные учреждения, магазины (кроме бакалейных лавок, булочных, пекарен, хлебных контор и некоторых торговых заведений), частные банки, окружной суд и проч. В исключение этого постановления решено было не закрывать отделение государственного банка и сберегательных касс, чтобы граждане могли в любой день взять оттуда свои вклады; 3) закрыть почтово-телеграфную контору. («Таганрогский Вестник», № 306, 1905 г.).

Приведение в исполнение своих постановлений Совет поручил немедленно выделенным для этого двадцати депутатам. Последние, оставив заседание, разошлись по предприятиям и учреждениям об'явить постановления Совета. При этом замечательно то, что достаточно было только об'явить, как все немедленно закрывалось. Только в окружном суде была попытка не исполнить постановление Совета. Но после вторичного, более решительного, предупреждения, закрылся и суд, отложив дела до следующей сессии.

В городе быстро останавливалась еще утром шумная торговая жизнь. «К 4 часам дня сообщает газета,—вся Петровская улица как бы вымерла. Торговали только гостиницы, но лишь чаем и кушаньем. Спиртные напитки, даже пиво, никому не отпускались... В то время как частные банки бездействовали, отделение государственного банка с утра было переполнено публикой, вынимавшей свои деньги», (Таганрогск. Вестник», № 306, 1905 г.).

---

[1] Председателем Совета был некий Треков, столь же случайно выплывший на гребень революционной волны как и Хрусталев-Носарь в Питере. («Красное Знамя», № 182, 1925 г.).

Работники почтово-телеграфной конторы просили Совет отменить постановление о закрытии, так как они сами только-что прекратили всероссийскую продолжительную забастовку. Совет согласился удовлетворить их просьбу.

Второе заседание Совета состоялось 12 декабря в 8 час. вечера, на котором обсуждались события дня. Постановлено было усилить милицию, организованную Советом для охраны порядка в городе; об‘явить бойкот рыбному базару, где несколько лавочников не подчинились распоряжению Совета о закрытии; предложить рабочим газового завода присоединиться к стачке и немедленно приступить захватным порядком к печатанию «Известий Совета Рабочих Депутатов». (См. приложение XVI).

«Известия» печатались по-питерски. Утром 12 декабря Совет отрядил несколько депутатов к редактору «Таганрогского Вестника» об‘явить ему постановление, а тем временем 50 вооружённых рабочих заняли типографию газеты и напечатали «Известия» и ряд воззваний (к извозчикам, кузнецам, приказчикам, прислуге). «На следующий день,—сообщает газета—„Известия“ таким же порядком печатались в типографиях Тараховского, затем у Каменева, Рази и опять у Тараховского. План Совета Депутатов удался как нельзя лучше: никто из толпы нигде не нарвался ни на полицию, ни на казачьи патрули». («Таганр. Вестник», № 308, 1905 г.).

Трудно было «нарваться» в эти дни на полицию или казаков. Власти были огорошены грандиозностью событий и попрятались. В эти дни власть в городе полностью была в руках Совета Рабочих Депутатов.

Совет собирался почти ежедневно. Вокруг Совета создавалась атмосфера сочувствия и поддержки широчайших масс трудящегося населения. Этого не могла скрыть даже правительственная газетка «Таганрогский Вестник»: «Публики, начиная с 13 декабря, на каждом митинге присутствовало не менее 8—10 тысяч человек. Здание железнодорожного театра, где заседал Совет, не могло вместить желающих послушать речи ораторов; потому возле здания под открытым небом устраивался обыкновенно митинг № 2. Те же ораторы, поговорив сначала в театре, выходили на улицу и там повторяли в общих чертах то же самое. На вечерних заседаниях Совета Рабочих Депутатов также постоянно было много посторонней публики и рабочих».

Из всех донецких Советов только Таганрогский, руководимый большевистской организацией, с первого же дня, не взирая на полицию и казаков, вел энергичную борьбу за власть, закрывая городскую думу, окружной суд и все правительственные учреждения. Уже 13 декабря Совет был единственной властью в городе, охранявшемся советской милицией. Только его распоряжения исполнялись населением города и администрацией железной дороги. И за это дерзновение свалить старую власть Таганрогский Совет, после поражения декабрьского восстания, поплатился многими годами тюрь

Кроме Советов Рабочих Депутатов, в Донецком бассейне на заводах, рудниках и на узловых станциях железной дороги существовали с октября или же возникли в декабре такие организации рабочего представительства, как «Исполнительная Комиссия» на Петровском заводе, «Делегатское Собрание» на Юрьевском заводе или распорядительные и боевые стачечные комитеты на железнодорожных станциях. Они, так же как и Советы, были представительством широких масс, избирались общими собраниями рабочих и служащих, перед ними же отчитывались почти ежедневно за каждый шаг своей деятельности и получали от общих собраний директивы для дальнейшей работы. В момент декабрьского революционного под‘ема эти организации, так же как и Советы, свергали старую власть и об‘являли себя единственной властью. Так действовали распорядительные и боевые стачечные комитеты на линии железных дорог, так захватывали власть в декабре Петровская Исполнительная Комиссия и Юрьевское Делегатское Собрание рабочих. Это были такие же революционные органы борьбы за политическую власть, как и Советы, только под другим названием.

На-ряду с Советами и боевыми стачечными комитетами и под их непосредственным руководством организовывались вооруженные самообороны и боевые дружины. Еще раньше, до октябрьских и декабрьских событий, социал-демократические организации поставили в порядок дня своей работы вооружение рабочих. Для этой цели Донецкий комитет еще в июне выделил специальную техническую группу под названием социал-демократический союз «Арсенал», которая должна была собирать деньги, закупать оружие и распределять его по местным группам. Юзовская и Бахмутская группы уже в июньских и июльских отчетах сообщают, что деньги собираются, оружие приобретается и организуются дружины.

Но, несмотря на все решительные «вооруженные» резолюции и отчеты, работа по закупке оружия и созданию дружин двигалась слабо вперед во всех организациях. Только осенью, когда началось погромное движение, местные группы принялись на скорую руку сколачивать, при поддержке еврейского населения, самооборону. Нечего и говорить, что эти на-спех организованные дружины, особенно в городах, не оказали никакого сопротивления погромщикам в октябрьские дни. Даже в таком городе, как Луганск, где была сильная местная организация, самооборона бездействовала—якобы потому, что погром происходил в праздничные дни.

До погромов организация боевых дружин, пока в форме самообороны, находилась в первоначальной, младенческой, стадии развития. Много о дружинах говорили и постановляли, но мало делали. Необходим был, повидимому, хороший предметный урок, чтобы по вопросам вооружения и вооруженной борьбы перейти от слов к делу.

Перелом был создан октябрьским черносотенным движением. Банды вооруженных погромщиков, избивавшие революционные демонстрации, грабившие и убивавшие мирное население, лучшим образом

доказывали рабочим, что революционное движение вступает в полосу вооруженной борьбы с агентами и войсками царского правительства. Организованные рабочие запасались оружием, обучались им владеть и группировались в боевые дружины, чтобы дать отпор безнаказанно хулиганствующим черносотенцам.

Наступил декабрь. Началась всеобщая забастовка. В порядок дня было поставлено вооруженное восстание. Призыв к оружию открыто раздавался на всех рабочих собраниях. И только теперь, в эти повстанческие декабрьские дни, под обстрелом врага, по-настоящему закипела работа по организации боевых дружин уже не столько для самообороны от громил, сколько для открытой борьбы с полицией и войсками.

Большая организационная работа в несколько дней была проделана боевыми стачечными комитетами узловых станций: Гришино, Авдеевка, Ясиноватая, Дебальцево, Горловка и социал-демократическими группами Петровского, Юрьевского, Кадиевского заводов, Горловского и Жиловского рудников. В этих промышленных и железнодорожных пунктах рабочие наиболее горячо откликнулись на призыв к вооруженному восстанию; здесь организовались первые настоящие рабочие боевые дружины, получившие боевое крещение в горловском сражении с регулярными царскими войсками.

XI.

Декабрьские стачки и восстания.

Октябрьская волна черносотенной контр-революции, руководимой департаментом полиции, раскрыла карты двойственной внутренней политики царского правительства Витте—Трепова. Всем стало ясно, что вынужденные уступки правительство без боя не сдаст, что за пользование «дарованными» свободами, необходимо долго и упорно бороться.

Рабочий класс, под руководством Советов и РС-ДРП, развернул в октябре—ноябре широким фронтом осуществление завоеванных свобод. Явочным порядком вводилась свобода печати, слова, собраний, организации союзов и 8-ми-часовой рабочий день на предприятиях.

На подмогу рабочему классу вспыхивали по всей стране крестьянские волнения, брожения в войсках: в Польше, Кронштадте, Киеве, Пятигорске, Екатеринодаре и вооруженное восстание в Черноморском флоте, под руководством лейтананта Шмидта.

Правительство на это движение ответило военным положением в Польше и приговором к смертной казни кронштадтцев. Реакция с каждым днем усиливалась. Петербургские рабочие 2 ноября всеобщей политической забастовкой принудили правительство снять военное положение и отменить казнь матросов. Но правительство не прекратило своего наступления на рабочие организации путем многочисленных арестов и обысков.

В конце ноября правительство перешло в контр-атаку на Петербургский Совет, арестовав его председателя Хрусталева-Носаря. Тучи реакции сгущались. Каждый день надо было ожидать разгрома и ареста Совета. Необходим был решительный ответ на контр-революционные действия правительства.

Петербургский Совет вместе с Главным Комитетом Крестьянского Союза и ЦК социалистических партий 2 декабря опубликовал свой знаменитый «финансовый манифест», в котором предлагалось населению: «...отказаться от взносов выкупных и всех других казенных платежей; требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалования, уплаты золотом, а при суммах меньше 5 рублей—полновесной звонкой монетой; брать вклады из ссудо-сберегательных касс и из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом...»

Как и следовало ожидать, правительство ответило на манифест бешеными репрессиями: закрыло опубликовавшие манифест социалистические газеты и арестовало Петербургский Совет Рабочих Депутатов. Реакция торжествовала. Наступил решительный момент борьбы. Или пролетариат вооруженным восстанием сметет самодержавие, или правительство лишит его всех завоеваний целого года тяжелой борьбы.

Петербургский и Московский Советы, в согласии с Всероссийским Железнодорожным Союзом, единогласно приняли решение об‘явить с 7 декабря всеобщую забастовку. Стачка захватила, кроме 40 городов, 29 железных дорог. Слабо бастовал Петербург и совсем не бастовал его железнодорожный узел. Это обстоятельство, развязавшее руки правительству, и было одной из основных причин поражения декабрьского движения.

Рабочие организации и РС-ДРП, об‘являя декабрьскую стачку, решили соединить ее с вооруженным восстанием, чтобы дать последний решительный бой самодержавию. Настал момент, когда лозунг «смерть или свобода» овладел широкими массами. Правительственная реакция сделала все, чтобы у самых отсталых слоев трудящихся рассеять последние надежды на «мирную стачку».

На второй день забастовки, 9 декабря, в Москве правительственные войска начали расстреливать рабочие митинги. 10 декабря в разных концах Москвы, и особенно на Пресне, быстро сооружаются баррикады, и к вечеру весь город охвачен пожаром рабочего восстания с артиллерийской канонадой и трескотней пулеметов.

Одновременно с Москвой восставшие стачечники захватывают Новороссийск, Николаев, Екатеринослав, Читу, Красноярск и некоторые другие города. Всюду боевые дружины разоружают полицию и сражаются с войсками.

Что же в это время происходит в крупнейшем пролетарском районе—Донецком бассейне? Декабрь здесь начался рядом стачек на рудниках. С 1 по 4 декабря бастовали рабочие всех соляных рудников. Благодаря единству требований рабочие добились некоторых уступок («Северный Голос», № 1, 1905 г.). 3 декабря забастовали шахтеры Варваропольских и Петро-Марьевских копей пред‘явив администрации экономические требования. 4 декабря закончилась 23-х-дневная забастовка на Голубовских рудниках. Требования рабочих удовлетворены только в незначительной части. («Борьба», № 8, 1905 г.).

Это были, пожалуй, последние в этом году экономические стачки. Теперь только в самом крайнем случае рабочие рисковали ввязываться в драку, так как промыщленники, вследствие кризиса, широко применяли локаут и тысячи рабочих выбрасывали на улицу.

После октябрьских событий, всеобщей стачки и погромов, внимание рабочих масс все шире и глубже сосредоточивалось на вопросах политической борьбы. Все выдающиеся события октября и ноября: волнения в войсках, всеобщая стачка работников почты и телеграфа, реакционные шаги правительства и арест Петербургского

Совета Рабочих Депутатов—находили живейший отклик в Донбассе. По поводу каждого события местными социал-демократическими организациями выпускались, теперь уже полулегально, десятки тысяч листков и организовывались широчайшие митинговые кампании. Особенно активно развертывалась массовая политическая агитация с широким привлечением крестьян в районах: Енакиевском, Горловском, Алмазно-Юрьевском и Гришинском. Здесь же еще до декабря наиболее серьезное внимание было обращено на организацию и вооружение боевых дружин.

Общий вид Петровского завода.

На Петровском заводе после 17 октября рабочие пред'явили администрации ряд экономических требований. Для ведения переговоров избрали делегатов от цехов: от литейного — Ткаченко-Петренко, от рельсопрокатного—Мазанова, от рельсоотделочного — Петрова, от рельсового парка — Белокура, от электрического— Волошина и др. Когда делегаты успешно закончили переговоры, рабочие уполномочили их образовать постоянную комиссию для отстаивания интересов рабочих перед администрацией. Делегаты собрались и организовали «Исполнительную Комиссию», которой дирекция предоставила помещение в доме холостых, № 31.

Исполнительная Комиссия, добившись от администрации значительных экономических уступок, быстро приобрела в рабочих массах большой авторитет и широкую популярность. Но вместе с тем

комиссия не зарывалась в будничную заводскую работу, а стремилась, под руководством местной социал-демократической группы, наладить массовую политическую агитацию. «С тех пор (т.-е. со времени возникновения Исполнительной Комиссии) на заводе,—сообщается в обвинительном акте [1],—стали регулярно происходить собрания рабочих. Сначала на них обсуждались экономические нужды рабочих, но скоро характер их совершенно изменился. Собрания обратились в политические митинги, на которых Ткаченко-Петренко, Мазанов, Бутенко, Щербаков и др. приезжие агитаторы из Одессы и из Петербурга и какая-то еврейка стали произносить горячие речи о том, что необходимо вести отчаянную борьбу с правительством, даровавшим 17 октября свободу, а затем и отобравшим ее, что необходимо, прежде всего, низвергнуть существующее правительство и заменить его выборными от народа, что надо отобрать землю, рудники и заводы у собственников и капиталистов»...

В зале собраний стояли красные и черные знамена с революционными лозунгами. После закрытия собраний всегда пели «Вставай, подымайся, рабочий народ», «Отречемся от старого мира», «От Варшавы до Алтая нет дурнее Николая», «Николай вином торгует» и другие. «При чем под „Николаем“,—замечает с прискорбием обвинительный акт,—разумели священную особу государя императора».

Не лишне отметить, какую характеристику дает ораторам обвинительный акт по свидетельским показаниям: «Речи Ткаченко-Петренко и Бутенко были в высшей степени грубы и носили разбойничий характер. Мазанов же, хотя и говорил то же, что Ткаченко-Петренко и Бутенко, но был вообще несколько мягче. Эти три лица были заправилами всех собраний. Делегаты Волошин и Андрей Щербаков, главным образом, посвятили себя пропаганде развивавшихся на собраниях идей в цехах завода, а Щербаков, кроме того, и среди крестьян».

Исполнительная Комиссия еще до декабрьской стачки энергично работала над организацией боевой дружины. Уже в ноябре Ткаченко-Петренко доставил первый транспорт оружия в количестве 18 револьверов и роздал дружинникам.

На Веровском руднике, по примеру петровцев, была выбрана комиссия делегатов от шахт, в которой руководящую роль играл токарь Торопов, бывший членом Петровской социал-демократической группы. На руднике петровцы также непрерывно проводили политические митинги и организовали из шахтеров боевую дружину.

На Донецко-Юрьевском заводе в конце октября рабочие избрали для всяких переговоров с администрацией цеховых делегатов, которые организовались в постоянно действующий орган «Делегатское Собрание». В него входили от цехов: Паранич (председатель Делегатского Собрания), Кротько, Мирошниченко, Молчанов и др. В ноябре

[1] Обвинительный акт по восстаниям на Екатерининской ж. д. Хранится в Центр. Архиве Революции. Харьков. Ист.-Рев. Архив. дело деп. пол. 7-е делопр-во № 890, 1906 г.

Делегатское Собрание часто созывало громадные политические митинги рабочих завода, станции Алчевской, шахтеров Жиловского рудника и крестьян соседних сел. Постоянным и лучшим оратором был Плахов, Петр, профессионал, несколько раз арестовывавшийся и сидевший в Екатеринославе и Юзовке[1]. Кроме него выступали и местные ораторы: врач Эзергин, Харченко, Паранич. Агитаторы открыто призывали рабочих к вооруженному восстанию и производили сборы денег на оружие для боевой дружины.

Не менее энергично проводилась политическая митинговая кампания на крупных железнодорожных станциях. Здесь октябрьская стачка сильно встряхнула до этого политически серую, нейтральную железнодорожную армию труда. Железнодорожники весьма живо откликались на политические призывы к борьбе за укрепление октябрьских завоеваний.

На станции Гришино после октябрьской стачки продолжали часто собираться собрания. «Сначала собрания обсуждали,—по сведениям обвинительного акта,—лишь свои экономические нужды, а также резолюции „делегатских собраний" служащих, собиравшихся с ведома и разрешения управления Екатерининской железной дороги, но затем, под влиянием революционной пропаганды, перешли к обсуждению вопросов политических... Главными ораторами на собраниях были Дейнега, Ефимов и Сергей Морозов, которые в своих речах призывали бороться с правительством путем открытого всеобщего вооруженного восстания, неплатежом налогов и податей, отобранием земли, рудников и фабрик у помещиков и капиталистов...»

В Гришине занимались и пропагандой. Для этого систематически устраивались собрания на квартире дантистки Веры Вечер, где читались лекции и рефераты на политические темы. Эти собрания назывались вечерним университетом.

К концу ноября политическая агитация настолько широко захватила массы, что местным организациям достаточно было об'явить телеграмму о необхсдимости забастовки-протеста против смертного приговора инженеру Соколову на ст. Кушка, чтобы все рабочие и служащие немедленно прекратили работу. Это была блестящая репетиция перед декабрьской забастовкой.

Гришинская боевая дружина еще до декабря создавалась под прикрытием самообороны. Ядро самообороны составляла боевая дружина из организованных рабочих. Все щедрые обывательские пожертвования обращались на вооружение этой дружины. Еще в ноябре, при существовании полиции, самооборона возглавлялась выборным комитетом, по распоряжению которого члены самообороны, на-ряду с полицией, несли дежурства по охране порядка.

Всей политической и боевой работой в Гришино руководили на коалиционных началах две небольшие, но весьма активные группы социал-демократов и эс-эров, при чем первую возглавлял т. Сергей (Морозов), а вторую—Дейнега и Ефимов.

---

[1] Архив Екат. Истпарта, дела №№ 62 и 236.

Авдеевка, крупная узловая станция, политически не отставала от Гришина. «После октябрьской забастовки на ст. Авдеевка,—по данным обвинительного акта,—в общественном собрании служащих почти чуть ли не каждый день служащие обсуждали свои экономические нужды. Сборищами руководили делегаты, избранные в октябре, каковыми были: от службы пути—Новиков, от телеграфа—Логоткин, от службы движения—Волошинов, Токарев и другие». Особенно большой популярностью пользовался Новиков, часто выступавший с политическими речами, при чем он же энергичнее других вел агитацию за создание боевой дружины, которая здесь, так же как и в Гришине, маскировалась самообороной. 27 ноября Новикову удалось убедить собрание рабочих и служащих принять решение об организации самообороны и сборе денег на вооружение. Спешно закупались в Павлограде старые берданки, распродававшиеся военным ведомством, и вооружалась сформированная Новиковым дружина.

На других узловых станциях еще до об'явления декабрьской стачки шла такая же лихорадочная политическая и военно-организационная работа. Все понимали, что на бешеный разгул реакции необходимо ответить сокрушительным ударом. После ареста Петербургского Совета в воздухе запахло порохом. Организации подготовляли рабочие массы к решительным боям. Все ждали об'явления всеобщей стачки.

7 и 8 декабря была получена в Екатеринославе и по всей линии Екатерининской железной дороги телеграмма: «Конференция 29 железных дорог, Центральное Бюро Всероссийского Железнодорожного Союза, Петербургский и Московский Советы Рабочих Депутатов об'явили с 7 декабря всеобщую политическую стачку». Немедленно всюду собирались собрания, заслушивали и кое-где обсуждали телеграмму, постановляли об'явить забастовку и избирали стачечные комитеты.

В Екатеринославе «рано утром 8 декабря было собрание Делегатского Собрания рабочих и служащих Екатерининской железной дороги, где 51 голосом против 3 было решено примкнуть к всеобщей политической забастовке. Одновременно с этим происходило Депутатское Собрание рабочих г. Екатеринослава, где единогласно была решена всеобщая забастовка» [1].

После этих заседаний, по соглашению местных организаций, был образован для руководства всеобщей забастовкой коалиционный Боевой Стачечный Комитет из представителей (по одному) Депутатского Собрания рабочих г. Екатеринослава, Забастовочно-Распорядительной комиссии Екат. ж. д., Об'единенного Комитета РС-ДРП, Екат. с.-д. организации «Бунда», Екатеринославской Ком. П. С.-Р., Бюро провинциальных организаций РС-ДРП и Стачечного Комитета Почтово-Телеграфного Союза.

[1] Бюллетень Боевого Стачечного Комитета, № 1, 11 декабря, г. Екатеринослав.

В тот же день, 8 декабря, в городе и на железной дороге все рабочие забастовали, а «в 12 часов дня на Брянской площади состоялся общий митинг. Развевались красные знамена. Настроение все время было приподнятое»[1].

8 декабря Боевой Стачечный Комитет телеграфировал по всей линии Екатерининской железной дороги об об'явлении всеобщей стачки. 9 декабря БСК опубликовал обращение к гражданам, в котором заявлял: «Во имя блага всего народа, во имя гибели общего врага, во имя Всенародного Учредительного Собрания, во имя самодержавия народа,—рабочий класс в России об'явил всеобщую забастовку, и в Екатеринославе он руководство ею дал в руки Боевого Стачечного Комитета... Только распоряжения БСК являются обязательными для всех граждан, общественных учреждений, заводов, фабрик и других промышленных и торговых заведений»... (См. приложение XVII).

Кроме этого декрета об об'явлении единственной властью в Екатеринославе Боевого Стачечного Комитета, были еще изданы в первые два дня обращения к солдатам, пекарям и гражданам. В дальнейшем с 11 по 22 декабря БСК издавал «Бюллетень» (7 номеров), печатавшийся на разноцветной афишной бумаге и широко распространявшийся по городу и всем станциям железной дороги.

8 и 9 декабря на всех участках Екатерининской железной дороги, от Пятихаток до Зверево и Таганрога, движение прекратилось; за исключением делегатских, воинских и продовольственных поездов. Об'явление забастовки было встречено почти на всех станциях с громадным единодушием и революционным под'емом.

На станциях Донбасса: Гришино, Авдеевка, Ясиноватая, Горловка, Никитовка, Дебальцево, Алчевская, Алмазная, Мариуполь, Юзово об'явление забастовки сопровождалось принятием на многолюдных митингах революционных резолюций с лозунгом «смерть или свобода». Вот одна из многих таких резолюций, адресованная «Российским железным дорогам, фабрикам, рудникам, заводам, всем станциям» из Горловки: «Сегодня, 9 декабря, в 9 часов вечера, по общему соглашению станционных служащих, заводских, рудничных рабочих, мастеров, всех крестьян Горловского района в числе более 5.000 человек, решили осуществить всеобщую забастовку, дабы поддержать наших передовых борцов за свободу всего народа, дав клятву пасть костьми или выйти победителями. Просим товарищей ж. д., заводских, рудничных и всех районных подняться всем единодушно и сплотиться с нами, стать вместе для борьбы с правительством. Да здравствует полная гражданская свобода! Да здравствует народное представительство! Долой правительство произвола и насилия!

«Служащие всех служб ст. Горловки, рабочие и крестьяне Горловского района». (Бюллетень БСК № 2, 12 декабря).

---

[1] Бюллетень Боевого Стач. Комитета № 1, 11 декабря, г. Екатеринослав.

С первых же дней забастовки черносотенцы и полиция пытались среди железнодорожников подорвать этот стихийный революционный под‘ем. Они распространяли слухи о том, что со всех сторон движутся толпы недовольных забастовкой шахтеров и крестьян, чтобы разгромить станции. Но провокационные слухи были быстро разоблачены и опровергнуты многочисленными сообщениями с рудников, заводов и сел с выражением горячего сочувствия забастовке. В самом опасном, Юзовском районе Совет Рабочих Депутатов принял резолюцию, приветствующую забастовку, и провел соответствующую широкую кампанию на рудниках и заводах. В Горловке, Енакиевском и Алмазно-Юрьевском районах, несмотря на чрезвычайно тяжелое положение промышленности, рабочие заводов (Горловского, Петровского, Юрьевского и Кадиевского) и рудников (Горловского—шахты №№ 1, 5 и 8, Веровского, Жиловского и Кадиевского) об‘явили трехдневную стачку. В Таганроге и Мариуполе также забастовали все заводы и мастерские.

Настроение крестьян тоже не внушало никаких подозрений. Сельскими сходами выносились постановления о присоединении к забастовке и оказании помощи стачечникам. Из Юзова сообщают: «Село Александровка в количестве 400 человек присоединилось к юзовцам. Выражают готовность участвовать в борьбе за свободу, жертвуя своей жизнью... Крестьяне деревни Красногоровки и Софиевки в числе 200 человек присоединяются к крестьянскому союзу и высказывают свою солидарность с требованиями железнодорожных служащих» (Бюллетень БСК, № 6 и № 7). Из Дебальцево телеграфируют: «Настроение превосходное. Выборные от местных рабочих и крестьян ближайших деревень поклялись вести забастовку до „последней крайности“». Из Авдеевки телеграф разносил такие же бодрые вести: «Ежедневные митинги привлекают не только рабочих, но массу шахтеров и крестьян из соседних шахт и деревень. На всех митингах принимаются резолюции в пользу забастовки» (Бюллетень БСК, № 5). Кроме того, во всех газетах от 16 декабря сообщалось: «Крестьяне четырех прилегающих к Дебальцево деревень: Чернухина, Ильинки, Васильевки и Георгиевки—примкнули к стачечному комитету и охраняют станцию Дебальцево». («Наш Голос» № 1, 1905 г.).

Все факты говорят о том, что декабрьское движение в Донбассе захватило широкие массы рабочих и крестьян и отличалось большим напряжением, выдержкой и организованностью.

При всеобщем революционном под‘еме и сочувствии рабочих распорядительные и стачечные комитеты по дороге, на заводах и рудниках в первый же день стачки, 8 декабря, проявили себя как власть. Везде вывешивались об‘явления, что только распоряжения стачечного комитета обязательны для населения и никакие другие. На железной дороге все службы немедленно были подчинены распорядительным комитетам. Везде полицейские власти разоружались и устранялись или арестовывались.

В Гришине 8 декабря, после получения телеграммы БСК из Екатеринослава об об'явлении стачки, был созван громадный митинг, на котором без долгих прений решили бастовать, и для руководства забастовкой избрали распорядительный комитет. В него вошли: Поляков (председатель), Дейнего, Горяинов, Игнатьев, Гаевский, Бондаренко и другие. Комитет немедленно явился на вокзал и отправил по линии следующую депешу: «С 10 часов вечера 8 декабря Гришинский распорядительный комитет открыл свои действия; просит открыть телеграфное сообщение и установить правильное обслуживание телеграфа, без чего работать невозможно». «Таким образом, с 8 декабря станция Гришино,—сообщает обвинительный акт,—всецело очутилась во власти забастовщиков с распорядительным комитетом во главе, который стал распоряжаться по своему усмотрению паровозами, подвижным составом и телеграфом»...

Гришинцы быстро овладели аппаратом управления, связались с соседними станциями и оказались настолько хорошо организованными, что Екат. БСК подчинил их ведению большой участок дороги. «Гришинский распорядительный комитет,—отмечает обвинительный акт,—пользовался огромным влиянием на линии железной дороги, именовался отделением Центрального комитета дороги и делал различные распоряжения не только на ст. Гришино, но и по линии, находился в сношениях с комитетами других станций»...

В распоряжении Гришинского комитета была хорошо организованная самооборона и боевая дружина. Первая, сформированная из обывателей, сочувствующих движению, по своему характеру была народной милицией и после устранения полиции занималась охраной порядка. Боевая дружина состояла из организованных рабочих и была по существу отрядом красной гвардии. Она разоружала полицию и солдат и готовилась к отражению нападения казаков.

12 декабря боевая дружина обнаружила в воинском поезде вооруженных солдат и немедленно их разоружила, завладев их винтовками и патронташами. Эти первые винтовки в руках дружины настолько ее приободрили, что она немедленно приступила к разоружению полиции на станции и в поселке. Покончив с гришинской полицией, дружина отправилась по соседним станциям (Чаплино, Демурино, Просяная, Раздоры) и селам разоружать жандармов и урядников.

Разоружение полиции и солдат не только прибавило бодрости, но, самое главное, значительно усилило вооружение и дало возможность расширить ряды боевой дружины. 13 декабря боевая дружина уже настолько окрепла, что отправилась под командой Дейнеги освобождать Ясиноватую от контр-революционного штабс-капитана Карамышева, об'явившего станцию на военном положении. По дороге в Ясиноватую к гришинцам присоединилась часть авдеевской боевой дружины. Предстояло разрешить весьма трудную боевую задачу—разоружить роту солдат в 60 человек и арестовать командира роты Карамышева.

Дружинники врасплох окружили роту на продовольственном пункте и предложили командиру без сопротивления сдать оружие. Он сначала согласился, но потом, выйдя на двор, не сдержал слова и крикнул роте: «в ружье!». За это на месте был расстрелян, а рота после непродолжительной перестрелки, сдалась. Дружинники получили самые драгоценные для них трофеи—54 винтовки с патронами. В этот же день победители телеграфировали в Екатеринослав: «Революционная дружина сняла солдат со ст. Ясиноватая. Офицер убит. Солдаты в количестве 54 человек, после непродолжительной бомбардировки казарм, сдались. Оружие у них отобрано и роздано дружинникам. Конфисковано 750 пудов патронов на станции Авдеевка для винтовок». («Бюллетень БСК« № 6).

Дружина возвратилась в Гришино с пленниками-солдатами. «Поезд, в котором ехала дружина, по воспоминаниям участника, имея в хвосте вагон с патронами, был украшен красными флагами. На всех промежуточных станциях собирались к его приходу толпы народа, делившего ту радость, которой были переполнены сердца дружинников».[1]

В Гришине вечером 13 декабря дружине была устроена торжественная встреча, а на другой день, 14 декабря, — сообщает обвинительный акт,—состоялось празднование победы, при чем толпы народа ходили по станции с красными и черными флагами с надписью „смерть или победа".

После этой блестящей военной операции надо было ожидать нападения казаков. Гришинцы предусматривали карательные последствия и деятельно к ним готовились. «Итак, решению подлежит две задачи, вспоминает участник, а именно: предусмотреть нападение и задержать его на некоторое время с наличием того оружия, которое имелось на станции. Для решения первого вопроса понадобилось вступить в связь путем телеграфа и телефонов с возможно большим количеством пунктов и увеличить количество патрулей, которые уже не ограничивались обходом поселка, а держали пикеты на расстоянии двух-трех, а иногда и более верст от станции... Оставалась другая задача, а именно—задержать нападение. Для этой цели начали строить баррикады. Баррикады были частью проволочные и, главным образом, из шпал и рельс,—материалов, всегда находившихся в изобилии в запасном хозяйстве железных дорог. И нужно отдать справедливость, что баррикады брали, главным образом, не качеством, а количеством—их было возведено несколько десятков. Укреплена была, впрочем, только одна сторона станции,—наиболее вероятная для нападения и менее укрепленная естественными условиями» («Былое» № 8, 1908 г.). Одновременно с сооружением баррикад организовывался под руководством учительницы Добровой и железнодорожного врача санитарный отряд, под который отводилась часть помещения вокзала на случай боевых действий.

[1] «Былое» № 8, 1908 г. Paris. См. статью «К истории революционного движения 1905 года в Екатеринославской губернии».

Слава о победах гришинской и авдеевской дружин, о их вооружении и баррикадах быстро облетела все станции. В бюллетенях БСК сообщалось: «Гришино и Авдеевка прекрасно вооружены. Кроме винтовок, в руках рабочих имеется пушка [1] и два пулемета, переданные им запасными из Юзовки. Запасные, сдав оружие рабочим, сами раз'ехались по домам... Гришино окружено со всех сторон баррикадами». (Бюллетень БСК. № 7).

Гришинский комитет не только первый стал разоружать солдат, но он также первый конфисковал железнодорожную кассу в распоряжение стачечного фонда и дал депешу другим станциям поступать так же. А через несколько дней в бюллетенях БСК сообщалось: «На всех станциях между Нижне-Днепровском и Гришино железнодорожные кассы конфискованы стачечными комитетами. Деньги эти будут розданы служащим и рабочим в том случае, если они за ноябрь не получат жалованья». (Бюллетень БСК № 7).

Расширял свое влияние Гришинский комитет и за пределы железной дороги. Он захватил с первых дней забастовки земскую телефонную станцию и лишил уездную власть связи на территории бахмутского уезда. По этому поводу газеты сообщали: «Гришинская центральная станция бахмутской телефонной сети находится в руках стачечного комитета, который не допускает местные власти передавать свои распоряжения по телефону, не допускает также переговоров на иностранных языках». («Наш Голос», № 1).

В Авдеевке забастовка началась с 8 декабря. О присоединении к всеобщей стачке была дана по всей линии депеша, в которой авдеевцы клялись или пасть костьми или добиться свободы путем свержения самодержавия. Для руководства забастовкой был избран на общем собрании рабочих и служащих Распорядительный комитет, позже переименованный в Боевой стачечный комитет, в состав которого вошли: Новиков (председатель), Ракитский, Митусов, Зарощенский и Егоров. «Делегаты захватили в свою власть станцию, подвижной состав, паровозы, телеграф и заставили начальника станции и других старших служащих подчиниться им беспрекословно». (Обвин. акт, стр. 10).

Большое внимание стачечный комитет уделял организации самообороны и боевой дружины. Тогда же на собрании 8 декабря было решено немедленно закупить оружие на пожертвованные и собранные деньги и отчислять ежемесячно в фонд вооружения от 5 до 10% заработка. Оружие закупалось в Ростове, Харькове, Екатеринославе. Первый транспорт оружия в количестве 50 берданок и ста разных систем револьверов был доставлен в ночь на 11 декабря. Кроме того, в железнодорожных мастерских день и ночь работали кузнецы над изготовлением пик.

---

[1] О пушке следует заметить, что это та самая, которая была сделана в депо из паровозной оси еще в 1896 году для стрельбы в высокоторжественные дни. Дружинники токаря Игнатьев и Чевычилов расширили диаметр дула, приспособили пушку к передвижению на салазках и произвели из нее удачную пробную стрельбу нарубленными кусками свинца в цель. ~~(Обвин. акт, стр. 38).~~

Уже 11 декабря, кроме самообороны, была сформирована под командой Новикова боевая дружина в 60 человек. Дружинники носили красные ленточки и были вооружены берданками и револьверами.

«С 12 декабря стали разоружать жандармов и воинских чинов. В этот день около 3 часов дня было взято оружие у проезжавших в Херсон 8-ми солдат 12-ой роты 280-го пехотного Балаклавского полка и у тридцати казаков. Затем было отнято у пяти проезжавших офицеров 4 шашки и 1 револьвер». (Обвин. акт, стр. 11).

После этого стачечным комитетом была послана в Горловку телеграмма с просьбой не пропускать ни одного поезда без осмотра и разоружения воинских чинов.

Анатолий Новиков. (Руководит. вооруж. восст. на ст. Авдеевка).

«Одновременно с вооружением,—сообщает обвинительный акт,—в общественном собрании один за другим происходили митинги, на которых Новиков, делегаты и приезжие ораторы открыто призывали к вооруженной борьбе с правительством»...

13 декабря, когда часть Авдеевской дружины принимала участие в разоружении роты штабс-капитана Карамышева, в окрестностях Авдеевки появились казаки и драгуны. Немедленно была дана тревога паровозными гудками, и дружина под командой Новикова приготовилась к обороне. Но войска, повидимому, занимались только разведкой и в бой не решились ввязываться. Столкновение ограничилось перестрелкой, о которой сообщалось в депеше по линии: «150 казаков и 75 драгун под предводительством станового пристава и двух офицеров напали на Авдеевку. При столкновении народа с войском ранен один офицер и обезоружены 4 драгуна. Раненый офицер соскочив с лошади, пустился бежать, при этом он упал и умер. Одного офицера судили народным судом. На суде он лишился чувств. Его освободили, ибо солдаты дали о нем хороший отзыв. В деревне появились драгуны и казаки. Но с появлением боевых дружин из Гришина и Авдеевки казаки и драгуны удалились. Из деревни выехал также пристав со своим семейством» (Бюллетень БСК № 7).

После перестрелки с войсками авдеевцы, опасаясь нового, уже более серьезного, нападения казаков, запросили телеграммой другие станции о присылке на помощь боевых дружин. На следующий день в Авдеевку с'ехались боевые дружины из Дебальцева, Юрьевского завода, Петровского завода и Юзова. Казаки не появлялись. Дружинники устроили оперативное совещание, на котором было решено держать покрепче связь и действовать единым фронтом в случае нападения войск.

Одновременно с Авдеевкой и Гришиным и в значительной степени под их руководством, забастовали Ясиноватая и Юзово. Образован-

ные на этих станциях стачечные комитеты захватили в свои руки руководство движением, организовали боевые дружины и разоружили полицию. Из Ясиноватой сообщалось: «Рабочими арестован жандарм, возбуждавший толпу „повесить делегатов", раз'езжающих по станциям. Жандарм содержится в одиночном заключении». Юзовский стачком телеграфировал: «Настроение боевое. Дружина дежурит беспрерывно. Против нашествия казаков приняты все необходимые меры». (Бюллетень БСК № 5).

Юзовская дружина состояла из 40 человек, под командой председателя стачечного комитета Макарова. Вооружена была револьверами и пиками, изготовленными в депо кузнецами Цуркановым и Пивоваровым.

Когда на станции черносотенцы распространили слух о том, что шахтеры собираются громить железнодорожников, стачком немедленно связался с Юзовским Советом. Прибыли делегаты Юзовского завода и соседних рудников и на митинге заверили железнодорожников в том, что слухи распространяются провокаторами, что шахтеры не только не собираются их громить, но, наоборот, солидарны с ними и если не присоединяются к ним, то только потому, что находятся перед угрозой закрытия промышленниками шахт и заводов.

Вся линия до Мариуполя также находилась в распоряжении боевых стачечных комитетов. Об этом мариупольский ротмистр 14 декабря доносил губернатору: «С 8 декабря началась забастовка мариупольского отделения от Ясиноватой до Мариуполя. Сначала бастовали исключительно слесаря и рабочие депо Мариуполь, затем невольно присоединились и остальные службы. Меры, и самые репрессивные, необходимо принять немедленно, так как все движение находится в руках забастовщиков. Воинский начальник не может предоставить воинской части для охраны вокзала и восстановления движения. Необходима немедленная помощь войсками, так как иначе всякие принятые меры будут недействительны и приведут только к большим осложнениям» [1].

Но, вероятно, в Мариуполе положение властей с каждым днем становилось все более критическим, потому что на следующий день, 15 декабря, воинский начальник послал губернатору уже совсем паническую телеграмму: «Полицию вооружил берданками. Бунтовщики разгромили Ясиноватую и убили ротного командира. Незначительная воинская команда осаждена. Бунтовщики в большом числе подвигаются к Мариуполю. Положение безвыходное» [2].

В западной части Донецкого бассейна, от Гришина через Авдеевку до Мариуполя, всеобщая стачка ограничивалась железной дорогой. Рабочие рудников и заводов поддерживали забастовку только сочувственными резолюциями. Совсем иную картину стачечного и повстанческого движения представлял центр Донбасса: Енакиевский, Горловский и Алмазно-Юрьевский районы. Здесь,

---

1) Архив Екат. Истпарта, дело № 270.
2) Там же.

наоборот, инициатива движения принадлежала заводским и рудничным рабочим. Под их руководством проходила всеобщая забастовка в двух крупнейших железнодорожных узлах—Горловке и Дебальцеве.

В Енакиевском районе весьма активно примкнули к всеобщей стачке рабочие Петровского завода и Веровского рудника. Завод, рудник и поселок с 8—9 декабря были заняты боевой дружиной под руководством Исполнительной комиссии, заседавшей в гостинице «Гранд-Отель» в составе: Ткаченко-Петренко, Мазанова, Бутенко, Андрея Щербакова, Волошина, Торопова и Гуреева. Полиция попряталась, но потом через два дня была разоружена и частью арестована.

А. Щербаков.

С 13 декабря, после безуспешных попыток убедить служащих ст. Енакиево примкнуть к стачке, Исполнительная комиссия через своих уполномоченных захватила вокзал и распоряжалась движением поездов. «С этого времени,—сообщает обв. акт,—до поражения боевых дружин войсками в Горловке, ст. Енакиево находилась во власти вооруженной толпы рабочих завода и жителей поселка. Вокзал сделался сборным пунктом для всех участников беспорядков, которые толпились там по целым дням, распевая революционные песни. Там же агитаторы один за другим произносили зажигательные речи, призывая слушателей нанести последний удар ненавистному правительству».

Боевая дружина после поездки в Авдеевку 14 декабря, приступила к новой мобилизации сил и вооружению. По распоряжению Исполнительной комиссии отбиралось у жителей оружие, разыскивались и разоружались по всей округе попрятавшиеся жандармы, урядники и пристава, разоружались проезжавшие поездами солдаты и казаки. На заводе и в мастерских Веровского рудника рабочие спешно ковали пики. Была организована продовольственная, комиссия которая собирала по соседним селам хлеб и сало для боевой дружины. С первой дружиной, отправившейся в Горловку, было погружено 50 пуд. хлеба, 8 пудов сала, 5 пуд. колбасы и 5 бочек сельдей. Организовался санитарный отряд, в котором работницы спешно проходили курс сестер милосердия.

Уже за три дня до горловских событий упорно носились слухи о готовящемся нападении казаков. Эти слухи заражали массы невиданным еще энтузиазмом борьбы. Сотни рабочих приходили записаться в боевую дружину, и когда им отказывали, за отсутствием роужия, они возвращались в мастерские, делали себе пики и кинжалы и самомобилизовались в боевые отряды. Боевая дружина быстро разрослась в несколько сот человек, сформированных по родам оружия: Первый отряд с винтовками и ружьями под командой

Мазанова, второй отряд с револьверами под командой Щербакова, А. Ф. и третий отряд с холодным оружием под командой Апостолова.

В Алмазно-Юрьевском районе к всеобщей стачке и восстанию чрезвычайно активно примкнули рабочие Юрьевского завода, Жиловского рудника, Кадиевского завода и рудника и Дебальцевского механического завода. Одновременно с об'явлением забастовки, 8—9 декабря, на станциях Дебальцево, Алчевская и Алмазная состоялись многотысячные митинги на заводах и рудниках, принимались резолюции о присоединении к стачке, избирались стачкомы или «делегатские собрания», производились сборы денег на вооружение боевых дружин.

На Юрьевском заводе стачкой и организацией боевой дружины руководило делегатское собрание, возглавляемое Параничем, Плаховым и Харченко. Юрьевцы быстро перешли в атаку на старую власть, согласуя свои выступления с боевыми стачечными комитетами соседних станций. События приняли крутой оборот для властей, и исправник Машевский доносил губернатору: «Рабочие Юрьевского завода, служащие Алчевской и Дебальцевской станций составили вооруженную милицию и забастовочный комитет под председательством инженера Харченко, поддерживают противоправительственную забастовку, всех проезжающих дешевыми поездами солдат и полицейских чинов обезоруживают. Юрьевскую полицию из завода не выпускают. Пробраться на завод без войска не могу...» [1]

Юрьевские дружинники разоружали полицию и поддерживали порядок не только на своем заводе, но и в районе. «Утром 13 декабря на ст. Алчевской рабочие обезоружили 10 казаков, ехавших в Луганск, и полицейского надзирателя Жиловского рудника Боровкова; на самом заводе толпа рабочих обезоружила двух городовых; в Васильевской экономии хотели обезоружить трех казаков, но их не нашли, а взяли только их лошадей» [2].

«В среду, 14 декабря,—сообщает обвинительный акт,—на станции была получена телеграмма с вызовом боевой дружины на ст. Авдеевка, которую будто бы громят казаки. Тревожными гудками паровоза и по телефону из завода и Жиловского рудника были собраны вооруженные рабочие, которые двумя поездами отправились в Авдеевку».

К 16 декабря Юрьевская дружина разрослась в несколько сот человек. Когда разнеслась весть о нападении казаков на горловских рабочих, то дружина в несколько часов увеличилась до 3-х тысяч. Боевое настроение охватило широкие массы рабочих. Но дружина была весьма слабо вооружена.

В Дебальцеве 8 декабря на большом митинге был избран Распорядительный комитет в составе председателя Квитницкого, и членов: Мартыненко, Дыбица, Поливина, Батыщенко, Свистунова,

[1] Материалы по истории Екатеринославской организации РС-ДРП 1904—5—6 тг., 1924 г., стр. 441.
[2] Архив Екат. Истпарта, дело № 236.

Ващеева и других. «9 декабря,—сообщает обвинительный акт,— Дебальцевский распорядительный комитет, захватив в свою власть станцию, железнодорожный телеграф и другие снаряды для передачи известий, а также подвижной состав и паровозы, полновластно распоряжался на станции, игнорируя законную администрацию». Вскоре после захвата станции из Дебальцева сообщали: «Рабочими конфискованы деньги из сберегательной кассы и вся станционная выручка всего в сумме 18.000 рублей. У денежного сундука поставлены нами часовые. У входа на станцию рабочие поставили две пушки с надлежащим количеством ядер» (Бюллетень БСК, № 5).

Дебальцевских железнодорожников весьма дружно поддерживали рабочие механического завода и крестьяне нескольких соседних сел. Политические кампании проводили здесь приезжие агитаторы, так как свои силы были слабы. «Из приезжих агитаторов,—по сведениям обвинительного акта,—особенно выделялись Зубарев-Кузнецов и Илья Снежко. По словам начальника станции Андрацкого, Зубарев-Кузнецов неоднократно произносил в Дебальцеве на митингах «замечательные политические речи», в которых доказывал необходимость ниспровержения существующего правительства путем вооруженного восстания и созыва Учредительного Собрания».

13 декабря началось разоружение жандармской полиции. «Вооруженная толпа обезоружила в 1-м классе вахмистра Хаустова и в своих квартирах других жандармских унтер-офицеров. Толпа пыталась отнять также шашку у отдельного корпуса жандармов подполковника Пасхаловича». (Обвин. акт, стр. 30).

Боевая дружина организовалась в первые же дни декабрьской стачки. Вооружилась по преимуществу бомбами, которые изготовлялись в количестве 70 по распоряжению стачечного комитета. В мастерских депо слесаря приготовили оболочки. начинявшиеся пиротехником Федосеевым захваченным в вагоне динамитом.

На ст. Алмазной стачкой руководил Распорядительный комитет в составе Думницкого, Бурдуна, Шульженко, Фоменко и Натопта. Но так как часть железнодорожных служащих саботировала стачку, то комитет немедленно связался с делегатами рабочих Кадиевского завода и Дебальцевским распорядительным комитетом. «Думницкий, Бурдун и другие служащие ст. Алмазной, по сведениям обвинительного акта,—вошли также в сношения с Дебальцевским забастовочным комитетом и ездили на митинги на ст. Дебальцево и возили туда с собой рабочих Кадиевского завода. Оттуда также приезжали ораторы в сопровождении вооруженных дружинников боевой дружины, при чем со ст. Алмазной они отправлялись на Кадиевский завод, где под председательством Думницкого происходили митинги».

Боевая дружина была организована почти исключительно из рабочих Кадиевского завода в количестве 60 человек, вооруженных ружьями и пиками. Дружиной руководил особый комитет, в который входил Бурдун от железнодорожников.

В Горловском районе всеобщая забастовка, захватившая, кроме железнодорожников, еще и рабочих механического завода и рудни-

ков, развернулась на десятый день в открытое сражение с правительственными войсками. Застрельщиками горловских событий были наиболее политически распропагандированные еще с июльской стачки металлисты механического завода.

На Горловском заводе еще за неделю до начала всеобщей стачки произошел конфликт у рабочих с дирекцией завода. Директор Лоэст об'явил рабочим, что с 1 декабря, в виду кризиса сбыта, сокращается производство завода и вводится шестичасовой рабочий день

Общий вид Горловского машиностроительного завода. Направо перед трубой улица, на которой произошел 16 декабря расстрел рабочих.

вместо десятичасового с соответствующим понижением заработка Это об'явление вызвало большое возмущение среди рабочих. Было созвано в заводской столовой общее собрание, на котором Марк Кузнецов (по паспорту Зубарев, Александр Михайлович) «призывал рабочих — по сведениям обвинительного акта,—не соглашаться на предложение директора Лоэста в виду того, что директор не имеет права сокращать работы на заводе в то время, когда в торговле наступил кризис, ибо собственники завода нажили на нем миллионы; если собственники не желают отказаться от части своего дохода для поддержания нормального хода работ в тяжелое время, то рабочие могут силой заставить их это сделать, ибо завод создан потом и кровью рабочих и должен составлять их неот'емлемое достояние». Обсуждение конфликта закончилось политическим митингом. Собра-

ние выработало требования и постановило подкрепить их забастовкой. В ответ на стачку директор об'явил, что все, нежелающие стать на работу до 17 декабря, будут рассчитаны.

После об'явления забастовки «настроение рабочих резко изменилось,—заявляет обвинительный акт, — на заводе начались сходки и пенье революционных песен». Брожение захватило не только заводских, но и рудничных рабочих. «Хотя шахтеры работ не прекратили, но нормальное течение их было нарушено. По вечерам в здании рудничного училища стали происходить собрания, где обсуждались не только экономические нужды рабочих и служащих, но и велись дебаты на политические темы». (Обв. акт, стр 14).

В такой момент начавшегося революционного под'ема в Горловке получили известие об об'явлении всеобщей политической стачки. Утром 9 декабря на станции собрался пятитысячный митинг железнодорожников, заводских и рудничных рабочих, принявший вышеприведенную резолюцию о присоединении к стачке. На митинге сделал заявление слесарь Смирнов от имени рудничных и заводских рабочих о том, что «они об'единяются с железнодорожниками и будут поддерживать их во время забастовки». На следующий день забастовали рудники Южно-Русского Общества, при чем стачка шахтеров была настолько дружной, что заразила даже конторских служащих. Последние на своей сходке единогласно решили присоединиться к забастовке и избрали делегатов в общий стачечный комитет—инженера Данчича, врача Клингенберга и Соколовского.

Вечером 9 декабря состоялся второй митинг под руководством Кузнецова-Зубарева и приехавшего с Петровского завода Ткаченко-Петренко. На этом митинге был избран распорядительный комитет в составе председателя Глушкова и членов: Снежко, Исиченко, Павленко, Залесного, Павловского и Петрова. Комитет немедленно приступил к захвату станции и движения поездов в свое распоряжение.

Станция превратилась в бурлящий котел. С утра до вечера непрерывно шли митинги. «10 и 11 декабря,—по данным обвинительного акта,—на станции у большого пакгауза, происходили грандиозные митинги, на которых присутствовало до 5.000 человек местных и окрестных заводских и рудничных рабочих, а также и крестьян. Они привозились на митинги и отправлялись по домам по рудничным веткам в особо снаряжавшихся для этого товарных поездах». На митингах выступали с горячими политическими речами Кузнецов-Зубарев, Ткаченко-Петренко, Смирнов, Гречнев и Соколовский.

Одновременно с митинговой кампанией подготовлялась организация боевых дружин. Когда было собрано Кузнецовым-Зубаревым около 1.000 руб., комитет командировал своих членов Павленко и Павловского в Таганрог за покупкой оружия. А тем временем пока закупалось оружие, дружинники вооружались самодельными пиками и полицейскими шашками.

Утром 12 декабря стачечный комитет постановил прекратить забастовку шахтеров, так как свою задачу она выполнила. Руднич-

ные рабочие при самом тяжелом положении промышленности дружно поддержали всеобщую политическую забастовку. Дальнейшее затягивание стачки, угрожавшее закрытием шахт, признавалось нецелесообразным.

В тот же день вечером бахмутские власти попытались занять войсками вокзал и «водворить порядок». Но появление на станции роты 136 пехотного Таганрогского полка вызвало возмущение и общий протест со стороны рабочих. Сторожа отказались топить и освещать помещение вокзала, занятое войсками. Распорядительный комитет телеграфировал генералу Сандецкому и бахмутскому исправнику: «Требуем немедленно убрать войска со станции Горловка во избежание кровавого столкновения». А с другой стороны железнодорожники принялись агитировать солдат и предлагали им отказаться от подавления рабочего восстания. Солдаты заколебались, и власти поспешили их снять с Горловки.

14 и 15 декабря горловские ораторы Кузнецов, Смирнов и члены комитета Снежко, Глушков и Залесный проводили митинги в Никитовке, Дебальцеве и Харцызске. Везде заключались с боевыми стачечными комитетами военные соглашения на случай нападения казаков. Всюду агитаторы призывали рабочие массы к активнейшей вооруженной обороне достигнутых завоеваний. Все митинги с громадным под'емом и единодушием провозглашали лозунг—«смерть или свобода».

Наступил день 16 декабря, когда растерявшиеся было власти перешли в контр-атаку. Слухи о готовящемся нападении казаков перестали быть только слухами. Первыми попали под расстрел наиболее революционные и беспокойные рабочие горловского механического завода.

Накануне 17 декабря, когда директор Лоэст собирался пред'явить к расчету всех нежелавших приступить к работе, рабочие завода собрались у конторы и послали делегатов на переговоры с директором. Делегацией руководили—Кузнецов-Зубарев, кузнец Евтушенко и слесарь Смирнов. На этот раз рабочие решили пред'явить самые минимальные требования: «Согласны приступить к работе по $10^1/_2$ час. в день с тем, чтобы рабочим выплачивалось только за время 6-часовой работы, а остальная причитающаяся сумма за остальные $4^1/_2$ часа докредитовывалась бы каждому из рабочих и должна была быть выданной, когда наступит время правильного функционирования завода» («Горно-Завод. Листок» № 1, 1906 г.).

Директор грубо категорически отказался вступать с «самозванными» делегатами в какие бы то ни было переговоры и вызвал себе на помощь полицию и войска. Но пока явились казаки и драгуны, рабочие в количестве 600 человек заняли контору завода и заставили перепуганного директора согласиться на их требование.

Прибывшие войска потребовали под угрозой обстрела освободить директора и очистить здание конторы. Рабочие не спешили с исполнением требования и выслали к войскам в сопровождении своих делегатов «бледного с перекошенным от испуга лицом директора

завода Лоэста, который об'явил капитану Угриновичу и приставу Немировскому, что он согласился на все требования рабочих и просит отпустить его в контору для окончания переговоров с рабочими, которым он дал слово вернуться». (Обв. акт, стр. 16).

Через 20 минут переговоры были закончены, и рабочие стали покидать контору, чтобы приступить к работе. В этот момент полиция, под руководством пристава Немировского, бросается с обнаженными шашками в толпу рабочих, чтобы арестовать Кузнецова-Зубарева. Рабочие сгрудились вокруг Кузнецова, отражая нападение городовых камнями, гайками и выстрелами из револьверов. Атака полиции была отбита.

Тогда на помощь городовым выступили казаки, и драгуны, под командой капитана Угриновича. Войска без предупреждения дали несколько залпов по толпе рабочих. Силы были неравные. Рабочие бросились врассыпную, оставляя убитых и унося с собой раненых и в том числе своего любимого оратора Марка Кузнецова [1]. В результате оказалось 9 убитых и 13 раненых.

Кровавая расправа началась. Впервые за время всеобщей стачки в Донбассе колебавшиеся правительственные войска перешли в наступление. Это не было случайным нападением на мирную стачку рабочих. Наступление войск подготовлялось уже в течение недели. После занятия ст. Екатеринослав войсками губернатор приказывал бахмутскому исправнику, по соглашению с казацким полковником Кульгановым, «безотлагательно занять станции Гришино и Авдеевку и не допускать движения делегатских поездов». Но беспомощный исправник 14 декабря отвечал на приказ губернатора донесением о победах восставших рабочих: «12-ая рота Балаклавского полка, охранявшая Ясиноватую, сегодня разбита железнодорожными стачечниками. Офицер убит, солдаты обезоружены. На Авдеевке сделано вооруженное нападение на взвод драгун, который ускакал. Все узловые станции. кассы, движение захвачены комитетами, и покушаются забрать деньги почтовых контор и казенных винных лавок. От запасных солдат, ехавших в поездах через Авдеевку, Гришино и Чаплино, отняты винтовки. В Дебальцеве разоружена полиция и захвачено конфискованное оружие. Заводы почти все в скором времени прекращают свою деятельность, рабочие повсеместно вооружаются»... [2].

В первые дни всеобщей забастовки самые надежные войска, казаки и драгуны, колебались, а пехота почти без сопротивления разоружалась. Власти и полиция растерялись и бессильны были остановить повстанческое движение.

С 15 декабря, когда властям удалось овладеть вслед, за Екатеринославом, станциями Нижне-Днепровск и Синельниково и перебросить через небастовавшую Лозовую и Славянск свежие войска в Дон-

---

[1] Кузнецов был тяжело ранен в руку. Но ему удалось при помощи рабочих скрыться, и в тот же день заводские врачи Шошников и Клингенберг доставили его в больницу, где Кузнецову ампутировали левую руку выше локтя.

[2] Материалы по ист. Екатеринославской организации РС-ДРП, 1904—05—06 г., 1924 г., стр. 440.

басс, наступил перелом. В это же время в Москве петербургские семеновцы спешно подготовляли артиллерийскую осаду Красной Пресни. Правительство переходило от обороны к нападению. В газетах уже 15 декабря появилось сообщение: «Для действий против железнодорожных станций заведующим военной охраной Донецкого бассейна вызвана артиллерия, а для охраны пути—конница. Все войска будут сосредоточены в трех пунктах: Бахмуте, Гришино и Горловке». А 16 декабря те же газеты уже сообщали: «Получено распоряжение немедленно взять военной силой станции Гришино, Авдеевку, Ясиноватую, Горловку, Константиновку и Краматорскую, захватить комитеты и арестовать делегатов» («Наш Голос» № 1, 1905 г.)

* * *

Расстрел безоружных рабочих Горловского машиностроительного завода вызвал всеобщее возмущение и негодование рабочих Донбасса. Боевой стачечный комитет ст. Горловка немедленно телеграфировал во все концы: «Мы все без оружия, требуем немедленной помощи со всех сторон». В Гришине получилась из Авдеевки телеграмма: «Горловка сообщает, что 300 казаков окружили станцию, дали по народу залпы, много убитых и раненых, просим немедленно помощи; из Харцызска и Дебальцева выехали дружины; просят вас сейчас же экстренно ехать в Горловку на выручку» [1].

Несмотря на то, что со дня на день ждали нападения казаков и готовились к вооруженному отпору, тревожные вести из Горловки казались маловероятными. «Вы можете себе представить,—пишет гришинский участник вооруженного восстания,—взрывы негодования, которые были вызваны этим сообщением. Более горячие из дружинников хотели было немедленно направиться туда для защиты рабочих. Но более хладнокровные уговорили всех не спешить с поездкой в Горловку, а узнать точнее, был ли такой случай, и если был—выяснить подробности. Факт казался уж слишком невероятным, а сбивчивые переговоры по телеграфу усугубляли сомнения... А Горловка все настойчивее и настойчивее умоляла о помощи». («Былое» № 8, 1908 г.).

К вечеру 16 декабря на призыв горловцев прибыли первыми боевые дружины Петровского завода и Харцызска. Они заняли вокзал и разоружили появившихся жандармов. Вскоре еще прибыли дружины с Ясиноватой, Дебальцева и Юрьевского завода. Не попали в Горловку кадиевские и веровские дружинники. Первые—потому, что только 17 декабря получили горловскую депешу, а вторые выехали 16 декабря позже петровцев и вернулись обратно, так как у ст. Криничной казаки разобрали путь.

Призыв на борьбу с казаками был подхвачен широкими массами. Поезда боевых дружин осаждались тысячами рабочих, вооруженных

[1] В некоторых органах печати («Накануне», № 3, 1906 г.) эти телеграммы об'являлись подложными. Их якобы рассылал не стачечный комитет, а черносотенцы и полиция, подготовившая для разгрома боевых дружин сильную военную засаду в Горловке. Это предположение не соответствует действительности.

чем попало. Массовый характер движения, при всем старании судебных властей скрыть его, выпирает с каждой страницы обвинительного акта. В Енакиеве на призыв тревожных гудков «рабочие бросили работу на заводе и громадными толпами устремились на станцию», где три поезда готовились к отправлению в Горловку. В Алчевской «на призыв откликнулось человек до 3.000 заводских рабочих, из которых 30 поехали с ружьями, а у остальных были лишь пики и револьверы». В Гришине «желающих ехать не только среди железнодорожников, но и среди крестьян было настолько много, что приходилось отказывать в виду недостатка оружия; брались только лица, вооруженные винтовками, штуцерами и дальнобойными револьверами».

В течение вечера 16 декабря на Горловку прибыло 8 поездов с боевыми дружинами и санитарными отрядами. Всего оказалось более 4.000 рабочих. Из них только около 150 были вооружены винтовками, около 500 охотничьими ружьями и револьверами, а остальные только холодным оружием. Тогда же поздно ночью командиры дружин собрались в здании вокзала и выбрали штаб, занявшийся выработкой плана наступления. Решено было подождать хорошо вооруженных гришинцев и авдеевцев, несмотря на то, что ночь была самым подходящим моментом для нападения на войска.

17 декабря около 7 час. утра прибыли поезда из Гришино и Авдеевки с боевыми дружинами под командой Дейнеги и Новикова. В зале II класса состоялось краткое совещание штаба. Решено немедленно наступать на казацкие казармы. Все дружины получили боевые задания и отправились на свои позиции.

Основные силы, вооруженные винтовками и ружьями, заняли надшахтное здание первого номера, эстакады и отвалы породы, находящиеся против казарм и представляющие удобные защищенные позиции для обстрела. Два отряда под командой Гуртового и Гречнева двинулись по Садовой улице и заняли дворы, прилегающие к казармам, разместившись за заборами. Отряд Гуртового, засевший в дворах Бабулина, Мацыгоры, Парфанды и Раковского, первым открыл огонь по казармам. За ним посыпались градом пули дружинников, стрелявших с эстакад и отвалов пород. Казармы очутились под перекрестным огнем.

Войска не ожидали такого частого и меткого огня. Поднялась паника. Драгуны бросали лошадей и группами прорывались через цепи дружинников, отступая в степь. «На выстрелы,—сообщает горловский корреспондент,—стали быстро выступать из казарм остальные воинские части, которые, рассыпавшись по всему поселку, вынуждены были в разных ее частях открыть перестрелку, так как рабочие со всех сторон осыпали их пулями» («Горно-Зав. Листок» № 1, 1906 г.). Отступавшие три роты пехоты и команда драгун преследовались усиленным огнем. Казармы и конный двор с драгунскими лошадьми были разгромлены дружинниками.

Но отступление продолжалось недолго и недалеко. Войска получили в 2—3 верстах от Горловки сильное подкрепление казаками

и ударили по самому слабому пункту—по вокзалу, где расположились санитарные отряды и толпами бродили слабо вооруженные дружинники. «Войска оцепили вокзал и после того, как оттуда последовали выстрелы, открыли огонь, а затем пошли в штыки» (там-же). Санитары и около 500 дружинников с холодным оружием выбросили белый флаг и сдались.

Дружины, занимавшие здание шахт и мост, продолжали перестрелку, подготовляя отступление к своим поездам. Было уже около 3-х часов дня, когда наиболее организованная и вооруженная часть

Шахта № 1 Горловского рудника (терриконика в то время не было). Вид на отвалы породы, с которых боевые дружины обстреливали казацкие казармы.

дружинников, захватив раненых и убитых, отстреливаясь, покидала Горловку.

Такова в общих чертах картина горловского сражения по данным обвинительного акта и скудным корреспонденциям периодической печати. К этому не мешает добавить более яркое живое описание этого замечательного эпизода гражданской войны 1905 года, как он сохранился в памяти участников.

Гришинский дружинник П., скрывшийся за границу, так писал в 1908 году о горловских событиях. «Начался горловский бой. С обеих сторон зарокотали сначала отдельные выстрелы, которые скоро перешли в горячую перестрелку. Со стороны дружинников терпели урон, главным образом, лица, вооруженные холодным оружием, сбившиеся в одну толпу, не знающую, что ей делать. Успех

клонился, однако, в сторону дружинников: войска дрогнули и готовы были отступить. Но в это время получилось ими значительное подкрепление, и бой закипел снова... Пришло известие, что драгуны отрезали здание вокзала, где был устроен временный перевязочный пункт, и обстреливают его... Станция была окружена вместе с перевязочным пунктом, ранеными и значительным количеством дружинников, побросавших холодное оружие. Дружины, вооруженные винтовками, отступили к поездам и уехали, не потеряв ни одной винтовки. Все находившиеся на станции были отпущены под условием не принимать более вооруженных нападений на войска». («Былое» № 8, 1908 г.).

Другой участник, каторжанин Славкин, сражавшийся в рядах Гришинской боевой дружины, дает более красочное, но, к сожалению, менее достоверное описание горловского боя. «Вспомнился последний 8-часовой беспрерывный бой, закончившийся полным нашим поражением. Враг был во много раз сильнее нас. В то время как в нашем распоряжении были только винтовки и револьверы, враг располагал всеми видами оружия вплоть до тяжелых орудий. Единственное преимущество наше состояло в том, что занимаемая нами позиция была выгоднее позиции врага, и не будь у него тяжелых орудий, победа осталась бы за нами. Учитывая превосходство врага, мы сразу же прибегнули к хитрости: мы стали завлекать неприятеля в такие места, где нам легко можно было бы разбить его. В боях с пехотой и кавалерией мы, действительно, оказались победителями, но когда враг подтянул тяжелую артиллерию и полк кубанских казаков, мы вынуждены были сдаться,—силы были уж слишком неравные. К тому же, помимо численного и материального превосходства, у неприятеля оказалось еще одно более важное обстоятельство: разбитая нами пехота и кавалерия, отступая, напала на наш красный крест и захватила его в плен вместе с тысячной толпой крестьян, вооруженных железными пиками и являвшейся нашим тылом. Вскоре вражеский парламентер доложил нам о случившемся, предложив сдаться под угрозой расстрела пленных. Мы решили, в свою очередь, послать парламентера для переговоров. Вскоре послышались и одиночные пушечные выстрелы. И снова все стихло. Взобравшийся на вышку товарищ сообщил нам, что враг идет в наступление; очевидно, он решил, что мы достаточно напуганы его огнем, и стоит только двинуться в атаку, как мы сразу сдадимся без боя. Он ошибся в своем расчете. Едва он показался, мы встретили его таким огнем, что, озадаченный, он в первый момент растерялся, затем спохватился и последовал нашему примеру. Полчаса длилась перестрелка. В разгаре боя раздался оглушительный взрыв, обративший врага в бегство. Это один из наших разведчиков удачно бросил бомбу. Наступила передышка. Для нас было ясно, что спустя короткое время бой возобновится и, в конце концов, придется уступить силе. Но пока надо было воспользоваться временным поражением врага. Решено было послать меня для переговоров в неприятельский лагерь. После непродолжительной беседы, враг согласился

на следующие условия: 1) освободить всех пленных, 2) разрешить нам забрать всех наших убитых и раненых, для чего предоставить в наше распоряжение один паровоз и 15 вагонов, и 3) гарантировать нам свободу. Переговоры наши не привели бы, пожалуй, к желанным результатам, если бы враг знал, как ничтожны наши силы. Когда пленные были освобождены, боевая наша дружина. захватив все оружие, за исключением испорченных винтовок, скрылась подземным ходом» [1].

Эти воспоминания дружинников яркими мазками дорисовывают картину геройской борьбы нескольких тысяч плохо вооруженных донецких рабочих с царскими войсками. В них вместе с тем вскрываются и сильные и слабые стороны организации наступления боевых дружин, оказавшегося финалом вооруженного восстания в Донбассе.

7-часовой открытый бой рабочих дружин с регулярными войсками закончился поражением рабочих. Контр-революционные правительственные агентства, захлебываясь от радости, сообщали о результатах сражения: «при усмирении мятежа в Горловке войсками убито 300 мятежников из 4.000. Солдат убито 3 и ранено 12. 500 мятежников сдались, приведены к присяге и отпущены. Отнято 7.000 патронов, 300 пик и много ружей, винтовок, револьверов, динамита и две бомбы» («Русское Слово» от 22 декабря). Все эти цифры весьма приблизительны, так как вряд ли тогда же после боя производились подсчеты. К тому же, что касается убитых и раненых, то многие из них уносились рабочими на соседние рудники и в полицейскую статистику не попали.

Несмотря на победные реляции правительственного телеграфа, местные власти чувствовали себя весьма неуверенно. Войска, сражавшиеся с боевыми дружинами, немедленно покинули Горловку, опасаясь нового нападения рабочих. Власти и полиция разбежались. Только на третий день после боя, вечером 19 декабря, появился в Горловке земский санитарный отряд, который «застал полную анархию». «Войска отсутствуют,—доносит предводитель дворянства Бантыш губернатору,—полиции и судебных властей нет. В казенной винной лавке тысячи ведер водки без охраны; начинается пьянство. В разных зданиях лежат 21 убитых и 30 раненых. Исправник приехал только со мной, но не решается ввести солдат и восстановить действие полиции. Сейчас горят казармы; необходимо немедленно водворить порядок. Положение крайне острое» [2]. В тот же день исправник сообщал губернатору: «Горловка разбита войсками, но войска никак не могут соединиться, чтобы взять дружины. Телефон оборван. Многие чины полиции обезоружены» [3].

---

[1] «Каторга и Ссылка»—сборник, изд. Киевск. отделения О-ва быв. политкаторжан, 1924 г., стр. 22—24.

[2] Матер по ист. Екатериносл. организации РС-ДРП, 1904—05—06 г.г. изд. 1924 г., стр. 442.

[3] Там же.

После горловского боя в течение трех дней войска уклонялись от открытых столкновений с боевыми дружинами. Они предпочитали партизанскими налетами обстреливать делегатские поезда, разрушать полотно железной дороги, мосты, телеграф и телефон, чтобы лишить

Участники горловского боя—ныне рабочие Горловского рудника. Слева—Колисниченко Ф. П. и справа — Моисеенко, Т. К.

боевые дружины сношений и живой связи. Когда дружины были совершенно изолированы друг от друга и дезорганизованы самыми фантастическими слухами вследствие отсутствия связи с внешним миром,— войска перешли в наступление.

Рабочее восстание, даже разбитое в одном пункте, совершенно дезорганизовало аппарат старой власти и создало в лагере контр-

революции такую панику, что уездный исправник после боя три дня не решался сам показаться и ввести войска и полицию в Горловку. Красный призрак новых вооруженных выступлений рабочих парализовал действия властей до прибытия специальных карательных отрядов правительственных войск.

Что же происходило в первые дни после горловского боя в революционном лагере? В Енакиеве, Гришине, на Юрьевском заводе многотысячные толпы рабочих хоронили своих горловских героев. На могилах убитых произносились политические речи, и рабочие в принимавшихся резолюциях клялись продолжать великое дело вооруженной борьбы с самодержавием и капитализмом. «Положение в Горловке,—сообщается в обвинительном акте,—в связи с об'явлением военного положения, отрезвило большинство рабочих, но агитаторы продолжали пропаганду. Они доказывали, что поражение в Горловке не доказывает, что дело рабочих проиграно без возврата». Организованные рабочие еще энергичнее, чем прежде, готовились к новым боям с правительственными войсками. Формировались дружины, запасались оружием, собирали продовольствие.

Но горловское поражение вместе с тем создало угнетенное настроение в рядах малосознательных рабочих. Этим воспользовались черносотенцы и повели исподтишка в рабочих массах травлю против руководителей горловского сражения, обвиняя их в трусости и измене. Распространялись слухи о наступлении со всех сторон карательных отрядов и о подготовляющейся жестокой расправе с участниками восстания. Клевета и панические слухи делали свое гнусное дело. Но наиболее тяжелое впечатление производили известия о поражении рабочего восстания в Москве, Екатеринославе и Ростове. Единый фронт организованных рабочих—передовиков и масс дал трещину. Начался ропот, раздавались с каждым днем все смелее черносотенные голоса о необходимости немедленного разоружения и выдачи руководителей карательным войскам.

Перелом настроения рабочих масс был использован властями. После трехдневного замешательства, 20 декабря с прибытием подкреплений войска снова перешли в наступление. Двигались они с двух сторон—из Екатеринослава на Гришино и из Харькова через Славянск—на Горловку и Дебальцево. Центры рабочего восстания занимались один за другим. Началось с того, что 20 декабря войска заняли Горловку. Из Бахмута 21 декабря телеграфировали: «Отряд казаков и рота пехоты на санях выступили на Дебальцево. С ее взятием будет восстановлено правильное движение». А на другой день газеты сообщали: «Дебальцево занято без кровопролития; захвачено много оружия, 16 ящиков динамита и 26 бомб. Авдеевка после незначительной перестрелки также занята войсками. Убитых и раненых нет; арестовано масса оружия, патронов и 4 пулемета». 22 декабря в газетах появилось сообщение: «Выступивший из Екатеринослава летучий отряд в составе 4-х рот под командой полковника занял 21 декабря, после непродолжительной перестрелки, станцию Гришино—главный укрепленный пункт центрального стачечного

комитета Екатерининской дороги. Захвачено много оружия, 300 пудов динамита и некоторые главари» («Южный Край» № 8652). Другой весьма укрепленный пункт, Енакиево, еще 18 декабря подвергся нападению. Казаки партизанским налетом разрушили на ст. Енакиево стрелки, сняли телеграфные и телефонные аппараты и скрылись. Они еще боялись открыто выступить против боевых дружин Петровского завода и Веровского рудника. Только 21 декабря войска, одновременно наступавшие с Дебальцева и Ясиноватой, окружили Енакиево, завод и рудники и после перестрелки заняли их.

Все остальные пункты повстанческого движения—Ясиноватая, Юзово, Харцызск, Алчевская, Алмазная—занимались войсками без сопротивления. Везде наступление войск сопровождалось массовыми арестами, зверскими избиениями рабочих, повальными обысками оружия и пьяным разгулом победителей. «Дебальцово занято войсками,—сообщает гришинский дружинник,—которые начали свою деятельность тем, что до полусмерти избили инженера Е-го, человека, не принимавшего никакого участия в движений. Были случаи избиения и других железнодорожников. Избиения повторялись в интервалах повального пьянства, которое шло, как говорится, во-всю. Авдеевка оказалась тоже во власти казаков. Там они разбивали бочки селедок, вытаскивая из вагонов. И пьянство, пьянство без конца». («Былое» № 8, 1908 г.).

Районы вооруженного восстания были об'явлены на военном положении. Торжествующая контр-революция, возглавляемая генерал-губернатором Сандецким, командовавшим карательными войсками, предупреждала рабочих: «Захваченные с оружием в руках или нарушающие мирную жизнь и продолжающие забастовку на железных дорогах, рудниках и заводах будут рассматриваться как бунтовщики. Командующий не остановится ни перед какими жертвами для подавления мятежного движения» («Южный Край» № 8650). Кровью и железом беспощадно подавлялась смелая геройская попытка рабочих Донбасса захватить вооруженным восстанием власть в свои руки.

Что же содействовало такой быстрой ликвидации, казалось, прочно захваченной рабочими власти на железной дороге, заводах и рудниках? Прежде всего общая обстановка декабрьского движения—вооруженное восстание не было всероссийским. Поэтому правительство получило возможность быстро организовать наступление и окружить центры восстания—Москву, Екатеринослав, Ростов, Новороссийск. Так, уже на третий день всеобщей забастовки, 11 декабря, Екатеринослав был занят войсками. А 15—16 декабря были заняты станции Синельниково и Нижне-Днепровск, что развязало властям руки в переброске войск в Донбасс. Поражение же московского восстания окончательно решило судьбу повстанческого движения в Донбассе.

После этого власти осмелились открыто перейти в наступление, а в рядах рабочих, надеявшихся на победу восстания в Москве, поражение вызвало некоторый упадок настроения и даже признаки разлада.

Но кроме общих причин и горловское поражение значительно подорвало силы восставших. Особенно поразило рабочих то, что тысячи дружинников были разбиты тремя сотнями пехоты и казаков. Неудача же горловцев заключалась в переоценке своих больших, но слабо вооруженных и еще слабее организованных сил. «Память об удаче в Ясиноватой,—пишет гришинский дружинник,—значительно помешала горловскому делу. Все рвались в бой, но в тайниках души теплилась надежда, что серьезного дела не будет и все окончится если не сдачей, то скорым отступлением войск. Поэтому не было сделано должных приготовлений, не выработано никакого боевого плана. Динамит, которого было больше, чем надо, не был использован: сделано было только несколько хлопушек. По приезде в Горловку потому же самому не было сделано нападения врасплох, что было возможно в виду раннего времени и удобного в смысле использования холодного оружия. К чему, думалось, принимать такие резкие меры, при которых прольется кровь человеческая, когда войска, увидев наши силы, уступят...» («Былое» № 8, 1908 г.).

Не мало способствовало подавлению донецкого восстания и то, что ряд крупнейших рабочих районов—Юзовский, Луганский, Константиновский, не выступили по тем или иным причинам активно на помощь восставшим. В газетах сообщалось: «В Юзовке революционные дни прошли спокойно. Не принимали участия в беспорядках также Константиновские заводы и Дружковский завод. Неучастие об'ясняется расположением их на линии Курско-Харьково-Севастопольской ж. д., тогда как вспыхнувшее в Донецком бассейне восстание ограничилось пределами Екатерининской дороги. Рабочие каменноугольных рудников относились к восстанию безучастно, но никаких враждебных действий к стачечникам не обнаружили» («Русское Слово» от 24 декабря). Полного спокойствия, конечно, не было. В Юзовке, на ряду с властями, распоряжался Совет Рабочих Депутатов, а в Краматоровке происходили демонстрации, о которых 17 декабря из Бахмута телеграфировали: «Вчера часть рабочих Краматорского завода с красными и черными знаменами при звуках марсельезы направились к Дружковскому сталелитейному заводу для соединения с тамошними рабочими. Другая часть рабочих таким же образом отправилась в Славянск для соединения с рабочими железнодорожного депо» («Наш Голос» № 1). Но ни в Юзовке, ни в Краматоровке движение не поднялось до разоружения полиции и свержения старых властей.

Что же происходило в Луганске в декабрьские повстанческие дни? Как большевистская луганская организация проводила директиву ЦК партии о всеобщей стачке и вооруженном восстании? Судя по воспоминаниям участников, в Луганске не было в декабре ни всеобщей стачки, ни самых слабых попыток к вооруженному восстанию. «Декабрь 1905 года,—вспоминает тов. Локотош,—укрепив 9-часовой рабочий день и прочие экономические завоевания, продолжал, несмотря на репрессии, протекать в интенсивной работе:

устраивались частые митинги и массовки, на которые привлекались рабочие массы...» Только известие о горловском сражении приподняло настроение. «Завод насторожился,—вспоминает тов. Ляпин.— Чувствовалось приближение чего-то грозного, большого и неизбежного. События приближались, оцепенение сковало их... Но это длилось недолго. В этот же день приехал один товариш, об'яснивший подробности и просивший помочь восставшим. Кажется, точно не помню, был летучий митинг». В чем же выразилась помощь Луганска восставшим рабочим? «шел разговор о посылке в Гришино эшелона с продуктами и вооруженного отряда, но чем закончилась эта мысль—не помню» («Луганская Правда» № 251, 1922 г.). По другим воспоминаниям, луганчане ограничились посылкой горловским повстанцам сочувственной резолюции, принятой на летучем митинге.

Все отмеченные обстоятельства общероссийского и местного значения об'ективно создавали обстановку, благоприятную для контрреволюционного разгрома вооруженного восстания в Донбассе. При создавшемся положении несколько сот организованных рабочих даже при самом сверхгероическом сопротивлении не могли устоять перед натиском до зубов вооруженного врага.

* * *

Вооруженное восстание донбасских рабочих было жестоко подавлено. Дорого заплатили рабочие за несколько дней своего господства на железной дороге, заводах и рудниках. Но эта попытка вооруженного захвата власти рабочими Донбасса не прошла бесследно: она имела неизмеримо большое значение в развитии рабочего движения по пути к Октябрьской революции 1917 года.

Декабрьские восстания 1905 г. по всей России и в Донбассе были генеральной репетицией октябрьского захвата власти рабочим классом. Только под этим углом зрения следует рассматривать значение декабрьского повстанческого движения.

О вооруженном восстании в Донбассе принято писать и говорить вскользь, между прочим, как о каком-то незначительном эпизоде. При этом все восстание обыкновенно сводят к его финалу—горловскому сражению. То и другое совершенно неправильно и основано в значительной мере на недостаточном знакомстве с фактической стороной движения. Необходимы другой масштаб и подход к оценке донбасовского вооруженного восстания.

Прежде всего, декабрьское движение в Донбассе замечательно тем, что здесь всеобщая стачка чрезвычайно быстро переросла в вооруженное восстание и захват власти. Уже в первый день об'явления забастовки боевые стачечные комитеты захватили власть на железных дорогах, заводах и рудниках. Для обеспечения исполнения своих распоряжений и для охраны революционного порядка комитеты поставили на-ряду с полицией народную милицию (самооборону). Для разоружения полиции и борьбы с правительственными войсками комитеты организовали красную гвардию (боевые дружины). На третий

день забастовки в районах действий стачечных комитетов уже были разоружены и частью арестованы все жандармы, урядники, пристава. Разоружались проезжавшие по железным дорогам одиночки и группы солдат и офицеров. На пятый день, 13 декабря, красная гвардия была уже настолько сильна, что перешла в решительное наступление— разоружила боевую роту солдат в Ясиноватой и принудила перестрелкой отряд драгун очистить Авдеевку. На 9-й день, 17 декабря, боевые дружины об'единенными силами нападают на главный пункт сосредоточения правительственных войск в Горловке и обращают их в бегство. Только новые хорошо вооруженные войсковые подкрепления принуждают дружинников отступить.

Второй особенностью восстания было исключительное внимание руководителей и рабочих масс к организации вооруженных сил. В несколько дней небольшие группы—«пятки и десятки» — боевых дружин выросли в многосотенные отряды красной гвардии. Быстрое накопление боевых сил подсказывало руководителям их правильную тактику борьбы—не ждать пока враг нападет, а захватывать инициативу наступления в свои руки.

Третьим отличительным моментом Донецкого восстания была массовость движения с необычайно высоким под'емом боевого настроения. Наплыв рабочих в дружины был такой громадный, что при наличии больших запасов оружия, можно было формировать полки и дивизии. Достаточно указать на то, что по призыву на борьбу с казаками в Горловке в течение нескольких часов самомобилизовалось свыше 4.000 вооруженных рабочих, прибывших эшелонами на место сражения. А сколько еще тысяч желавших поехать вследствие слабого вооружения были оставлены на местах! Этого стихийного под'ема не мог скрыть при всем старании даже царский суд. Когда теперь прочитываешь документы и воспоминания о том, как тысячами рабочие стекались в Горловку на борьбу с казаками, невольно вспоминается тоже декабрь, но уже 1917 года. Кто не помнит, как в 20-х числах декабря в Горлово-Щербиновском районе несмолкаемыми тревожными гудками мобилизовалась шахтерская красная рать на последний решительный бой с калединскими юнкерами и казаками. Кто не помнит из донецких товарищей, как рабочие целыми рудниками становились в ряды красной гвардии, как приходилось уговаривать кочегаров и камеронщиков не браться за винтовки, чтобы не подвергать шахты затоплению. В этой стихийной массовости движения и боевого порыва декабрь 1905 года в Донбассе похож как две капли воды на декабрь 1917 года.

Донецкое восстание в сравнении с московским проходило иным путем. Рабочие Москвы в борьбе за власть с первых же дней попали на Пресне под осадный артиллерийский обстрел. В Донбассе стачечные комитеты захватили власть почти без всякого сопротивления со стороны растерявшейся полиции и колебавшихся войск. Только спустя 10 дней, когда вне Донбасса произошло изменение в соотношении борющихся сил революции, и контр-революции, войска в Донецком бассейне перешли в наступление. В зависимости от этого и

тактика борьбы была разная. Московские дружинники применяли партизанскую тактику, нанося налетами удары врагу. В Донбассе же, наоборот, этой тактикой широко пользовались правительственные войска, разрушавшие небольшими летучими отрядами железнодорожные мосты, линии телеграфа и телефона. Боевые дружины, владевшие железной дорогой и всеми средствами связи, могли передвигаться эшелонами и предпочитали тактику открытых массовых сражений.

Вооруженное восстание в Донбассе, как некоторым кажется, началось горловским сражением и на этом закончилось. Такое представление не соответствует действительности, так как горловский бой был только одним из эпизодов донецкого восстания. Главное в этом восстании то, что рабочие Донбасса две недели крепко держали в своих вооруженных руках власть на территории десятка железнодорожных узлов и нескольких крупных заводов и рудников. Влияние же восставших и боевых стачечных комитетов было гораздо шире: от Горловки на запад—до Славянска и Синельникова, на восток—до Шахтинского района и Луганска, и на юг—до Мариуполя и Таганрога. Восставшим рабочим оказывали активную поддержку десятки тысяч крестьян, разорявших помещичьи гнезда в Бахмутском, Мариупольском, Славяносербском уездах и Таганрогском округе. Кроме того, часть крестьян принимала участие вместе с рабочими дружинами в обороне станций Дебальцево, Гришино, Юзово, Авдеевка от нападения казаков. Все это говорит еще об одном важнейшем моменте донецкого восстания—в нем намечалась большевистская вооруженная смычка восставших рабочих и крестьян. Донецкое восстание с каждым днем развертывалось все шире, как рабоче-крестьянское восстание. Оно было подавлено на той ступени своего развития, с которой вспыхнуло с новой победоносной силой в октябрьский период 1917 года.

* * *

Правильному пониманию характера и значения донецкого восстания долгое время мешало то чрезвычайно тяжелое впечатление, которое оставил процесс 133 участников восстания. История революционного движения в России, вероятно, еще не знала ни одного такого позорного процесса, на котором было бы проявлено столько малодушия, измены и предательства.

Еще задолго до процесса среди привлеченных началось дезертирство из рядов революции. Первыми 19-го марта 1906 года припали к стопам монарха и запросили пощады юзовцы [1]. Во время процесса наметились две группы—твердокаменных революционеров и изменников. Поведение последних нашло достойную оценку в письме Ткаченко-Петренко за подписью «Рабочий», присланном из тюрьмы в заграничную газету «Социал-Демократ» (№ 2, 1909 г.). В этом замечательном документе смертника, написанном после об'явления

[1] Вот их имена: Никитин, Афонин, Рыхлов, Жаданенко, Пинин, Морозов. (Ист.-Рев. Архив, дело деп. пол., 7 д-во, № 1.057, 1906 г., вх. № 13.046).

судебного приговора, каждая строчка дышит ненавистью к предателям и величайшей решимостью бороться до конца. «Свидетели показывают,—пишет Ткаченко-Петренко,—очень сносно, но обвиняемые, явившиеся с воли, оказались в большинстве членами союза истинно-русских. К ним примкнула большая часть бывших якобы партийных „передовых“ рабочих с интеллигенцией и затеяли подачу поздравительной телеграммы ко дню рождения Николая 6 декабря и отслужения молебна в этот день... Нас 28 человек [1] не присоединились к затее и остались при своем взгляде а остальные 105 заявили о своем желании тюремной администрации, которая с радостью ухватилась за предложение... Делегатами от предателей были: В. В. Марков, И. П. Редькин, Д. К. Паранич, А. Андреев-Мельников и др. Они совместно с начальником тюрьмы выработали текст телеграммы, которую и послали 5 декабря. А 6 декабря отслужили молебен, на котором по приглашению предателей присуствовали инспектор и начальник тюрьмы». После молебна все 105 изменников, выстроившись в тюремном коридоре, приветствовали «здравием» начальство и делегаты от них произносили патриотические речи, при чем речи были настолько гнусного содержания, что Ткаченко-Петренко даже передать их не мог: «из-за стыда и боли, переживаемых мною сейчас, не могу повторить, ибо эти слова выходили из уст бывших партийных интеллигентов с.-д. и с.-р.».

Такое ренегатство не было исключением для того времени, если принять во внимание, что процесс происходил ровно три года спустя после восстания, в декабре 1908 года. Это был год, как известно, жесточайшей реакции и массового разложения и предательства. К тому же следует помнить, что события 1905 года в своем стихийном разбеге выбрасывали всюду на гребень революционной волны не мало случайных элементов, которые оказывались или авантюристами (Хрусталев-Носарь) или даже охранниками (поп Гапон).

На темном фоне дезертирства и предательства еще ярче выступают имена смелых несгибаемых революционеров. Из 32 приговоренных к смертной казни, восемь остались верными заветам революции и за это были повешены 8-го сентября 1909 года во дворе Екатеринославской тюрьмы. Вот их славные имена: литейщик Григорий Ткаченко-Петренко, А. Кузнецов-Зубарев, электротехник А. Ф. Щербаков, машинист И. Д. Метусов, слесарь В. П. Григоращенко, стрелочник Е. Н. Черняков, слесарь П. Л. Бабич и слесарь В. В. Шмуйлович. Из них первые четыре были руководителями восстания и организаторами боевых дружин в Горловке, на Петровском заводе и Авдеевке. Остальные четыре казнены царскими пала-

[1] Из рядов 28 человек выбыло в 1910 году еще 9, присоединивших свои подписи к поздравительной телеграмме царю. Таким образом, не покаялись только: Г. Ткаченко-Петренко, А. Зубарев-Кузнецов, А. Ф. Щербаков, В. В. Шмуйлович, И. Д. Метусов, В. П. Григоращенко, Е. Н. Черняков, П. Л. Бабич, М. А. Красненко, Г. З. Троянов, А. П. Кошевой, М. К. Шейко, Г. В. Обухов, П. С. Федоров, И. Славкин, Ш. Завадовский, А. Бивелько и А. Егерев. (Ист.-Рев. Архив, дело деп. пол. 7-е д-во № 890, 1906 г., тел. № 1.684).

чами только за то, что будучи рядовыми дружинниками участвовали в горловском сражении.

Из восьми казненных следует особо остановиться на двух крупных агитаторах и организаторах восстания, на Зубареве-Кузнецове и Ткаченко-Петренко. Первый был руководителем горловской социал-демократической группы, а второй—Петровской. Обе эти группы организовывали и возглавляли вооруженное восстание в Донбассе. По составу обе группы были «об‘единенные»—в комитеты входили большевики и меньшевики.

Кузнецов-Зубарев.

Зубарев-Кузнецов остался для полиции и суда не разгаданным. Он был по паспорту Зубарев, Александр Михайлович, а по партийной кличке Марк Кузнецов. В своих воспоминаниях Моисеенко, П. А., пишет о Кузнецове: «В числе раненых в Горловке оказался наш Шайтлендер (фамилию его никто не знал, а просто звали его Кузнецовым—об этом мне рассказывали товарищи)». Если Моисеенко память не изменяет, то, значит, под кличкой Кузнецова работал в Горловке Шайтлендер, бывший в начале 1905 года активным членом группы и видным агитатором Алмазно-Юрьевского района. По Горловскому делу жандармы дают Кузнецову такую краткую характеристику: «по типу и акценту он кавказский уроженец, роста высокого, энергичный, говорит пламенно и с убеждением; не отрицает принадлежности своей к партии социал-демократов меньшевиков, полуинтеллигент» [1]. Горловские рабочие называли его не иначе, как «наш знаменитый оратор Марк Кузнецов». Популярность Кузнецова среди рабочих была необычайно велика. Все попытки полиции арестовать его еще за две недели до декабрьской всеобщей стачки, всегда натыкались, по сведениям обвинительного акта, на охрану из 15—20 вооруженных рабочих, всюду сопровождавших Кузнецова.

Кузнецов был выдающимся массовиком, талантливым и любимым рабочими оратором. Все его декабрьские выступления на митингах полны пламенного призыва к вооруженному восстанию и организации боевых дружин.

Другой популярный в рабочих массах организатор восстания литейщик Петровского завода Ткаченко-Петренко был социал-демократом большевиком, а в прошлом инициатором организации в 1904 г. Петровской социал-демократической группы. Он был одним из самых энергичных членов Петровской группы и председателем исполнитель-

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 890, 7-е д-во, 1906 г., вх. № 38.363.

ной комиссии рабочих Петровского завода. Полиция его называла агитатором «из типа грубых митинговых ораторов». В декабрьские дни Ткаченко-Петренко непрерывно выступал, призывая к восстанию то на Веровке, то в Дебальцево, то на рудниках Горловского района. Его «грубые» большевистские речи поднимали широкие рабочие массы на вооруженную борьбу, и «на бой в Горловку,—по сообщению жандарма,—рабочие ринулись толпами» [1] Во время боя он находился в рядах сражающихся, не сгибаясь под пулями так же, как под петлей палачей (см. приложение XVIII).

Для более полной характеристики как Ткаченко-Петренко, так и Кузнецова данных нет. А они оба заслуживают того, чтобы в 20-ти-летний юбилей декабрьского восстания 1905 года вспомнить о них на местах,—в Горловке и Енакиеве и восстановить образы этих стойких твердокаменных революционеров-повстанцев.

Гр. Ткаченко-Петренко.

На процессе Ткаченко-Петренко и Кузнецов держались так же гордо и мужественно, как под казацкими залпами в горловском бою. Только здесь им вместе с немногими стойкими товарищами пришлось вести борьбу уже на два фронта: против царских палачей и против предателей из своей среды. Но и эта тягчайшая боевая задача их не сломила. Она их только закаляла. После суда смертник Ткаченко-Петренко писал в «Социал-Демократ» (№ 2,1909 г.) от имени твердокаменных: «Мы предпочитаем лучше быть замученными в тюремном подземелье-карцере или быть расстрелянными, чем стать предателями и изменниками нашему рабочему делу. О, нет! враги наши этого не дождутся». Большевистский «Пролетарий» (№ 49, 1909 г.), приводя эпиграфом эту цитату из письма, отмечает в кратком некрологе: «Так писал нам из-за тюремной решетки наш товарищ, большевик-рабочий Ткаченко-Петренко. Ему вместе с другими товарищами, стоявшими во главе Екатеринославской забастовки в великий 1905 год, пришлось испить чашу до дна. Кроме мук и издевательств со стороны палачей, они должны были собственными глазами увидеть, как у людей, боровшихся вместе с ними в дни под‘ема, не хватило мужества посмотреть смерти в глаза. Рабочих вождей не сломило и это испытание. Бесстрашно пошли они—восемь рабочих героев—на смерть. Их повесили... Но они живы... Живы в памяти пролетариев, в не останавливающейся пролетарской борьбе...»

Теперь, после того как в великой Октябрьской революции полностью осуществлены заветы декабрьского вооруженного восстания 1905 года, рабочий класс не забудет тех беззаветных борцов, кото-

---

[1] Ист.-Рев. Архив, дело № 890, 7-е д-во, 1906 г. вх. № 38.363.

рые сложили свои головы за диктатуру пролетариата в горловском сражении, на царских виселицах и каторге. Это они совершили гигантский подвиг—великий почин организованного вооруженного восстания против самодержавия и буржуазии в борьбе за власть Советов. Это они на опыте вооруженной борьбы указали последующим поколениям рабочего класса единственно верный путь свержения царизма и капитализма.

XII.

Итоги великого года.

Рабочее движение горнозаводского пролетариата Донецкого бассейна сделало за один 1905 год громадный прыжок вперед. Размах его по количеству стачек, бастовавших рабочих и забастовочных поденщин превосходит в несколько раз все то, что было за 30 предыдущих лет, начиная с беспорядков 70-х годов. Точных цифр для сравнения привести нельзя, так как никакой статистики стачек в горнозаводской промышленности за те годы не существовало. Но известно, что до 1905 года в донецкой промышленности редко бывали крупные всеобщие стачки. Обыкновенным явлением были кратковременные бурные беспорядки или частичные забастовки.

Донецкий Бассейн впервые в 1905 году представлял необычайное зрелище, когда всеобщие стачки вспыхивали одна за другой на крупнейших заводах и рудниках, когда тысячи бастовавших рабочих, не в пример прежним беспорядкам, сохраняли полное спокойствие и дисциплинированность, чем приводили в бешенство промышленников и полицию. Для последних не было повода к насильственной ликвидации забастовок.

Стачечное движение в Донбассе, по данным официальной статистики [1] за 1905 год, выразилось в 31 стачке с 59.860 бастовавшими рабочими и 922.669 забастовочными поденщинами. По сравнению с количеством стачек в горнозаводской промышленности всей России, это составляет менее одной трети. По этим данным участие Донбасса в движении далеко не соответствовало его промышленному положению в стране. Если же сравнить интенсивность стачечного движения в Донбассе с таким горнозаводским районом, как Домбровский, то отсталость первого покажется еще большей В Домбровском бассейне, уступающем в несколько раз по количеству шахт и заводов, было 34 забастовки с 34.564 стачечниками и 2 108.355 забастовочными поденщинами. При чем в Донбассе продолжительность стачек равнялась от 2 до 37 дней, а в Домбровском районе от 23 до 82 дней.

Такова цифровая картина движения по жалким данным, весьма неточным, казенной статистики. Эти данные преуменьшены в лучшем

[1] В. Е. Варзар — Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 год, 1908 г.

случае вдвое. Действительность была совершенно другая. Для сравнения взять хотя бы стачки за январь и февраль. По жандармским донесениям, только за эти два месяца в Донбассе было 37 крупных стачек с 78 тысячами бастовавших рабочих, не считая мелких однодневных частичных забастовок. Если до конца года проследить учет забастовок по жандармским данным, то всего в Донбассе получится около 50 стачек и около 100 тысяч бастовавших рабочих, т.-е. больше двух третей всего количества донецких шахтеров и металлистов принимало участие в забастовках.

Стачечное движение в течение года проходило по нисходящей линии, распределяясь примерно так: больше двух третей стачек падает на январь и февраль, одна четверть—на летний период и остальные — на октябрь-декабрь, исключая железнодорожные забастовки. Во второй половине года, несмотря на большой революционный под'ем в стране, стачечное движение в Донбассе значительно сокращалось под ударами промышленного кризиса.

По результатам январские экономические стачки были сравнительно самые удачные. Летние и осенние забастовки, за малым исключением, потерпели полное поражение, потому что с ростом кризиса промышленники предпочитали об'являть локаут, чем делать какие бы то ни было уступки рабочим.

В авангарде стачечного движения шли, как и по всей России, металлисты. Они первые забастовали в Донбассе. А январские и февральские стачки были на три четверти металлические. Шахтеры сменили металлистов в летних стачках. В октябре стачечная инициатива была в руках железнодорожников. А в декабре снова выступили металлисты (петровцы, юрьевцы, горловцы и кадиевцы), которые вместе с железнодорожниками развернули всеобщую политическую стачку в вооруженное восстание. Но декабрьское политическое движение металлистов было гораздо слабее январско-февральского экономического, что об'ясняется тем, что для „раскачивания“ широкой массы авангарду приходилось затрачивать такую громадную энергию в начале движения, что он оказывался сравнительно ослабленным ко времени апогея движения». (Ленин, XI, стр. 156).

Донецкие забастовки по своему характеру были по преимуществу экономические, при чем январские проходили почти без всякой политической агитации, за исключением Луганска. Летние стачки удалось на некоторых заводах и рудниках, правда, не без риска быть выданным полиции, подвергнуть осторожной политической обработке. Смелее и громче политическая агитация на стачечных сходках и массовках стала раздаваться только в сентябре пока не прорвалась в октябре на широкий простор свободных открытых митингов. Чисто политические стачки стали возникать только в октябре и декабре под влиянием всеобщих железнодорожных забастовок.

Преобладание в Донбассе экономических стачек об'ясняется крайней отсталостью и малосознательностью шахтерского арьергарда, превосходившего количественно втрое более передовых металлистов. Но несмотря на все трудности политической работы среди шахте-

ров, к декабрю соотношение количества тех и других стачек значительно изменилось в пользу политических. Взаимная связь этих двух форм стачечной борьбы развивалась в Донбассе по тому самому пути, который констатирован Лениным во всероссийском движении. «Совершенно очевидно теперь,—писал Ленин в результате изучения статистики стачек,—какова именно взаимозависимость экономической и политической стачек: без их тесной связи действительно широкое, действительно массовое движение невозможно; конкретной же формой этой связи является, с одной стороны, то, что в начале движения и при втягивании новых слоев в движение чисто экономическая стачка играет преобладающую роль, а с другой стороны, политическая стачка будит и шевелит отсталых, обобщает и расширяет движение, поднимает его на высшую ступень». (Собр. Соч., XI, стр. 165).

В Донецком бассейне, как в немногих пролетарских центрах страны, рабочее движение за один год прошло громадную дистанцию от мирной аполитичной стачки в январе до вооруженного восстания и захвата политической власти в декабре. Этот гигантский скачек «из царства необходимости в царство свободы» достигнут стихийным под'емом рабочих масс, отчаявшихся в успехах мирных экономических стачек. В этом сила декабрьского движения и одновременно его слабость, так как оно в стихийном порыве оставило позади себя социал-демократические организации и лишилось централизованного боевого руководства. «Через голову организаций,—писал Ленин о московском восстании,—массовая пролетарская борьба перешла от стачки к восстанию. В этом величайшее историческое приобретение русской революции, достигнутое декабрем 1905 года,—приобретение, купленное, как и все предыдущее, ценой величайших жертв... Мы, руководители социал-демократического пролетариата, оказались в декабре похожими на того полководца, который так нелепо расположил свои полки, что большая часть его войска не участвовала активно в сражении. Рабочие массы искали и не находили директив относительно активных массовых действий» (Собр. Соч., VII, ч. 2, стр. 48—49).

Эти выводы Ленина в еще большей степени относятся к Донбассу, где меньшевистский Донецкий комитет, состоявший по преимуществу из интеллигентов-доктринеров, дальше организации самообороны против погромов не пошел, а в бурные декабрьские дни плелся в хвосте движения. В то время, когда по районам пылало восстание, Донецкий Комитет заседал в Мариуполе на четвертой конференции работников Донецкого Союза РСДРП. При этом следует отметить, что конференция не обсуждала ни одного вопроса, связанного с происходившим вооруженным восстанием[1]. Последнее стояло вне поля меньшевистского зрения Донецкого комитета. Вся тяжесть руководства массовым движением падала на местные орга-

---

[1] См. отчет Донецкой IV конференции в «Партийных Известиях» № 1 1906 г.

низации, куда входило не мало большевиков. Кроме того меньшевики-рабочие, связанные с массами, заражались общим революционным под'емом и действовали единым фронтом с большевиками.

Наибольшую активность в организации вооруженного восстания проявили группы: Горловская, Петровская, Юрьевская и Гришинская. Персонально в качестве выдающихся агитаторов и организаторов, по имеющимся данным, выступали: в Горловском и Енакиевском районах—Кузнецов-Зубарев, Смирнов, Ткаченко-Петренко, Мазанов, Бутенко, Щербаков, Торопов; на Юрьевском заводе—Плахов, Петр и в Гришине—Сергей Морозов и Файнбишев. В некоторых пунктах восстания в стачечные комитеты входили эс-эры на коалиционных началах. Последние имели значительное влияние на железной дороге, особенно в Гришине где командовал боевой дружиной эс-эр Дейнего. убитый в Горловском сражении.

Таким образом, централизованное политическое руководство движением и единое боевое командование дружинами отсутствовало, чем создавались крупнейшие затруднения в разрешении тактических и стратегических вопросов вооруженного восстания. Кроме того, декабрьское движение выдвинуло в ряде пунктов в качестве руководителей много случайных, чуждых интересам пролетариата, элементов, дезорганизовавших на каждом шагу рабочее восстание. На-ряду с этим, боевая обстановка крайне осложнялась коренными недугами декабрьского движения—отсутствием всеобщности восстания, широкой поддержки крестьянства и хотя бы части войска.

Но какие бы ни было ошибки и недочеты донецкого восстания, самый факт захвата власти в течение двух недель и открытые сражения рабочих с правительственными войсками являются, на-ряду с московским и другими декабрьскими восстаниями, чрезвычайно большим вкладом в железный инвентарь пролетарского опыта гражданской войны. На ошибках и достижениях декабрьских восстаний 1905 года рабочий класс обучался искусству побеждать своих классовых врагов. На богатом декабрьском опыте большевистская партия в течение двенадцати лет организовывала рабоче-крестьянские массы на последний решительный бой с самодержавием и капиталистическим строем. В 1917 году рабочему классу удалось, под руководством коммунистической партии, развернуть частичные декабрьские восстания 1905 года в октябрьскую социалистическую революцию.

риложение 1.

Российская Социал-демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«В БОЙ ЗА СВОБОДУ [1]».

Девятое января в Петербурге — есть ли на Руси человек, который забудет этот день?

Стотысячные толпы рабочих пошли к своему царю, в которого еще многие верили, на которого многие надеялись. Безоружные, с женами и детьми, с крестами и иконами, они пошли к царю — их встретили пушки, ружья и нагайки. Они просили свободы — тюрьма и каторга разверзлись перед ними. Они просили хлеба—пули и картечь посыпались в них. Они просили отдыха от непосильного каторжного труда — им дали вечный отдых могилы. Они просили прекращения ужасной бойни на Востоке — царь устроил бойню на Невском, на Морской, на Васильевском острове. Разбитый в войне с Японией, он открыл войну с Россией. Тысячи трупов легли на улицах столицы. Царь досыта напился народной крови.

В этот день окончательно раскрылись глаза петербургских рабочих. В этот день они увидели, кто царит над Россией. Царь — это та пушка, которая палит в рабочего, то ружье, которое стреляет в ребенка, та нагайка, которая замахнулась над всем, что хочет жить и дышать свободно.

Трусливый и кровожадный хищный зверь, царь, убежал за 30 верст от Петербурга, чтобы не слышать просьбы народа, но не дрогнуло сердце его перед стонами и воплями, которые за десятки верст доносились к нему сквозь толстые стены его роскошного дворца. Лицемер—он пытается теперь распускать слухи, что он «не знал» о петербургской бойне. Не знал! Может ли управлять народом тот, кто не знает даже, что делается в его столице? Но неправда, что царь не знал. Царь все знал и хладнокровно готовил бойню, иначе не бежал бы он еще накануне из Петербурга от народного гнева. Он знал, иначе не ввел бы он на следующий день, после бойни, осадного положения и не дал бы московскому зверю, Трепову, права безграничного распоряжения над столицей. Он знал все: уже после Петербурга — в Москве, Риге, Варшаве, Радоме, Саратове—стреляли в рабочих и убивали детей. Он знал все: его собственный дядя, Владимир, распоряжался бойней, и тысячи убитых вызвали у этого чудовища лишь насмешливые слова: «Мы просто помешали сборищу». Царь знал все, он не мог не знать.

Вот почему петербургские рабочие, пришедшие ко дворцу с мирной просьбою, ушли оттуда с грозным криком: Долой самодержавие! Смерть царю!

День 9 января раскрыл глаза петербургским рабочим. Они увидели, что им нельзя бороться за лучшую долю, пока коронованный хищник и па-

---

[1] И.-Р. Архив, дело № 5, ч. 6, 1905 г.

лач царит над всей Россией. Они увидели, что тот бог, имя которого царь так часто призывает, те иконы и кресты, которым он будто бы поклоняется, нужны ему лишь для обмана народа. Кресты и иконы хороши, когда ими царь может защищать себя от народа; когда народ вздумал защищаться ими от царя, царские пули раздробили кресты и расщепили иконы. Рабочие увидели, что просить милости у царя — это все равно, что ждать благодеяний от разбойника на большой дороге. Они увидели, что бороться мирными средствами невозможно там, где без удержу царит грубая сила, где мирная демонстрация стоит больше жертв, чем любая кровопролитная битва.

Рабочие всей России! Захотите ли вы на себе, на своих женах и детях, выучить те ужасные уроки, которые так дорого дались нашим петербургскими братьями? Нет, пусть 9 января научит всех навеки, как вести свою борьбу.

Будете ли вы надеяться на царя и его министров? Поверите ли лживым обещаниям этих убийц, которые теперь, по колено в крови, кричат о своих заботах о рабочих, о страховании увечных, о даровании рабочим права собираться и обсуждать свои нужды? Дадитесь ли вы в обман этим мясникам, которые стараются еще раз провести вас, чтобы собирать силы и новой бойней в конец задавить рабочее движение? Нет, вместе с петербургскими товарищам кричите: долой царя, долой убийц и палачей!

Хотите свободы? Хотите безопасности для своих семей? Хотите возможности вести борьбу с эксплуатацией? Спешите же на помощь и поддержку тем товарищам вашим, которые встали уже на великую борьбу за свободу. Пусть требования петербургских рабочих, освященные пролитою кровью, станут требованиями рабочих всей России. Долой царя и да здравствует Всенародное Учредительное Собрание, избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием! Учредительное собрание устроит новый порядок в государстве, водворит свободу союзов, стачек, собраний, слова, печати, совести, вероисповедания.

9 января петербургские рабочие хотели просить царя созвать такое собрание выборных от всего народа. Теперь они уже не станут просить. Теперь они знают, что не от царя им дожидаться свободы.. Теперь они с оружием в руках будут требовать того, чего не дал им царь. И первым делом будущего Учредительного Собрания должно быть вооружение народа, полная отмена царской власти, полное уничтожение владычества тиранов и палачей, установление республики.

Рабочие всей России! Присоединимся к петербургским товарищам, будем требовать созыва Всенародного Учредительного Собрания. Бросим мастерские и фабрики, выйдем на улицы и не положим оружия пока не добьемся свободы. После того как в Петербурге стреляли в мирную толпу, все должны знать, что нельзя вести никакой борьбы, нельзя бастовать, нельзя собираться, нельзя выходить на улицу, нельзя устраивать демонстрацию, нельзя требовать свободы без оружия в руках. Штыки и пули убийцы-царя каждую минуту подстерегают русского гражданина. Вооружимся же! Позаботимся о том, чтобы достать оружие и научиться владеть им. Будем готовы начать тем, чем пришлось кончить нашим петербургским братьям. Будем готовы вооруженным восстанием завоевать себе свободу.

Восстанем против царя за свободу! Вся страна, весь народ будет за нас. Всех давит и душит вампир, сидящий в Зимнем дворце. Все измучены позорной войной, все полны ненависти к царскому правительству. Устами своего министра царь обещал ослабить тот вековой гнет, который давил все живое, мыслящее, честное. И что же? Не прошло и трех месяцев — и снова тяжелая царская рука свирепствует над несчастной страной. Снова — беспощадные кары за свободное слово, переполненные тюрьмы, свист нагаек и ружейных пуль, море крови...

Гибнуть ли народу из-за царя? Нет, пусть царь погибнет. Пусть народ, свободный и могучий, сам устраивает свою судьбу. «Смерть или

свобода!»—написали на своем знамени петербургские рабочие. «Смерть или свобода!», скажем мы вслед за ними, повторяя их боевые лозунги:

Долой самодержавие, долой царя!
Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!
Да здравствует республика!

Юзовская группа Дон. Союза РС-ДРП.

Прочитав, передай товарищам.

Приложение II.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Рабочим и работницам железнодорожных мастерских, заводов: патронного и эмалированного и др. промышленных заведений гор. Луганска [1].

Товарищи! Вчера мы, рабочие и работницы гор. Луганска, присоединились к товарищам рабочим завода Гартмана и об'являем забастовку с целью улучшения своей жизни, своего быта. Соединившись, этим самым примкнули к той великой борьбе, которую ведет весь рабочий класс в мире давно, а у нас в последнее время, за лучшую жизнь, за светлую будущность. Первый враг рабочих — это капиталист, высасывающий из нас все соки и дающий нам столько, чтобы не умереть с голоду. Второй враг наш — это царское правительство со своими чиновниками и полицией: оно не дает говорить и писать о наших нуждах, не дает собираться и обсуждать их, для нас у него всегда готовы нагайки и штыки. Вспомните, товарищи, как встретил царь наших петербургских товарищей-рабочих, когда они пред'являли свои требования о нуждах рабочего класса: они получили штыки и пули. Потребуем прежде всего: 1) Чтобы была свобода слова, печати, собраний, союзов и стачек. 2) Чтобы сам народ, через своих выборных представителей, издавал законы и расходовал народные деньги. 3) Чтобы скорей была окончена война с Японией. От наших же хозяев-капиталистов мы требуем: 8-часовой рабочий день. 4) Чтобы рабочие на случай болезни, увечья и старости, обязательно были застрахованы и притом на счет капиталистов 5) Увеличение заработной платы. 6) Чтобы была постоянная комиссия из равного числа лиц выбранных рабочими и заводами, на обязанности которой лежит установление расценок на сдельные работы и разбирательство всех недоразумений между рабочими и администрацией. 7) Чтобы сверхурочные работы были уничтожены как обязательные и допускались лишь в крайних случаях и при том за двойную плату. 8) Чтобы штрафы были отменены. 9) Чтобы за порчу инструмента не высчитывалось из заработка. 10) Чтобы не было в мастерских завода сквозняков, чтобы они были достаточно светлые, чистые и безопасные для здоровья и была бы устроена в них хорошая вентиляция. 11) Чтобы администрация и служащие обращались с рабочими вежливо и на «вы». 12) Улучшение медицинской части. 13) Чтобы рабочие и выборные от них, не были арестованы или рассчитаны за участие в забастовке как во время ее, так и после. 14) Чтобы за дни забастовки заработок был уплачен полностью. Товарищи! Для того, чтобы успех был на нашей стороне, нам нужно держаться дружно и смело, не итти на работу в одиночку, без согласия всех товарищей, не напиваться до-пьяна, не бить и не громить машин и имущества, не громить евреев. Собирайтесь в большие сходки, обсуждайте свои дела, удаляйте без драки шпионов.

---

[1] И.-Р. Архив, дело № 4, ч. 17, 1905 г.

В этом и заключается наша организованная борьба, которая принесет нам пользу, докажет всем, что и мы умели бороться за улучшение своего положения и за светлое будущее.

Горный Комитет Социал-Демократ. Раб. Партии.

Приложение III.

Резолюция апрельской конференции Донецкого союза об отношении к III С'езду Партии.

Ознакомившись с условиями подготовки III с'езда, конференция выразила протест: а) против созыва с'езда в такую горячую революционную пору; б) против ненормальной подготовки с'езда: комитеты и группы, а также и их переферийные организации, не успели обсудить вопросы, подлежащие рассмотрению с'езда; некоторые организации лишены права решающего голоса и т. д. Таким образом, на с'езде не может быть полного представительства партии.

Принимая, однако, во внимание, что по последним сведениям (от товарищей из Донск. ком., Екатер. ком. Петерб.) за с'езд высказалось три четверти организаций, и с'езд, по уставу, может быть об'явлен «общепартийным»,—конференция Донецкого Союза, имея в виду, что отсутствие на этом «с'езде» делегатов от комитетов м-ства может привести партию к расколу, посылает своего делегата и поручает ему, доложив с'езду настоящую резолюцию: а) внести предложение о превращении «с'езда» в конференцию, для выработки условий заключения мира в партии; б) приложить все усилия к полному об'единению сил партии; в) отстаивать позицию меньшинства во всех вопросах, подлежащих решению «с'езда», если таковой все же состоится; г) регулярно сообщать Донецкому комитету о работах с'езда.

«Искра» № 99.

Приложение IV.

Резолюция июньской конференции Донецкого союза об отношении к постановлениям III с'езда Партии.

I. Второй с'езд и гибельные его последствия в достаточной степени показали, как не должны организоваться с'езды. В виду того, что III с'езд не отличается по существу своей организации от II, именно: не представляет мнения партии, он не считается партийным с'ездом по существу (единогласно). Он не партийный с формальной стороны, ибо нарушил устав II с'езда партии (7-ю голосами против одного). II. Организационный устав, выработанный на общерусской конференции, принят единогласно. III. О вооруженном восстании — единогласно принята резолюция общерусской конференции. Обращается особое внимание на ту резолюцию о вооружении, которая была выработана комиссией, но не рассмотрена конференцией. IV. О нашем участии во Временном Правительстве. Резолюция общерусской конференции принята 5-ю голосами против 2, при одном воздержавшемся. V. О профессиональных союзах и стачках: 1) о профессиональных союзах принята резолюция общерусской конференции (7-ю голосами против одного); 2) относительно стачек рекомендуется товарищам: а) не вызывать (искусственно) ста-

чек при отсутствии необходимых элементов борьбы; б) поддерживать (руководить) стихийно вспыхивающие стачки, придавая им политический характер.

«Искра» № 108, 1905 г.

Приложение V.

Резолюция Юзовской группы Донецкого комитета.

Принимая во внимание: 1) что вопросы, подлежащие обсуждению на предполагавшемся III Партийном с'езде, по условиям созыва его не могли быть заранее разработаны на местах; 2) что посланные делегаты не могли быть, поэтому, выразителями мнений местных организаций в их целом, а являлись уполномоченными лишь небольших группок — так называемых комитетов; 3) что при таких условиях созыва с'езда, слишком большую роль играет всякая случайность, возможны подтасовки и фальшивые мандаты (что, как известно, имело место и при подготовке III с'езда); 4) что решения таких с'ездов большею частью не соответствуют интересам партийной работы и не могут быть обязательными для всех членов партии; 5) что такие с'езды только подрывают в широких кругах партийных работников доверие к авторитету высшего учреждения Партии, каким является Партийный с'езд — всему этому нас должен был научить горький опыт второго с'езда,— принимая все это во внимание,

Юзовская группа донецкого комитета всецело одобряет поведение всех трех делегатов, в том числе и делегата Донецкого комитета, — хотя в посылке его Юзовская группа лишена была возможности принять участие (см. «Искру» № 99),—которые отказались принимать участие в таком с'езде и устроили отдельную конференцию. Юзовская группа присоединяется к «заявлению с'езда, созванного Организационным комитетом» и считает этот с'езд только совещанием лиц, примыкающих лишь к одной части партии. Вместе с тем, группа питает твердую уверенность, что широкие круги партийных работников из «периферии» сумеют вернуть нашей партии столь необходимое единство. Да здравствует единая РС-ДРП!

Юз. Группа Д. К. (принято единогласно—6 голосов).

P. S. Свое отношение к постановлениям конференции и совещания «большинства» по организационным и тактическим вопросам, Юзгруппа выскажет по ознакомлении с необходимыми материалами: уставы, резолюции и т. п. Резолюция эта принята также собранием районных представителей и передовых работников в Юзове (семь голосов за, двое пока воздержались) и товарищами, работающими в типографии Донецкого Комитета. 1 июня 1905 года.

«Искра». № 102.

Приложение VI.

Резолюция Луганской организации Донецкого союза [1].

Принимая во внимание то ужасное положение, в котором находится Партия тогда, когда она, как сознательный авангард РС-ДРП, в виду надвигающихся событий должна была находиться во всеоружии на своем посту

[1] «Вперед» № 17 и в протоколах III с'езда РС-ДРП.

Луганская организация РС-ДРП считает единственным достойным и честным выходом для Партии из созданного положения дел в ней, дезорганитарской заботой «меньшинства» — III с'езд, который сможет положить конец разброду и шатанию, так вредно отражающимся на деле пролетариата. Ни в каком случае не находим возможным принять для Партии третейский суд, предложенный т. Бебелем между «Впередом»—с одной стороны, и «Искрой»—с другой, как выход из раздирающих Партию раздоров. Возможен третейский суд по известному поводу: обвинение в клевете и т. д., но не допустим третейский суд между двумя борющимися направлениями. Мы бы могли считать предложение т. Бебеля нетактичным, если бы не приняли во внимание ту позорную агитацию «меньшинства» среди заграничных товарищей, представляющую наши разногласия «подвохами отставных литераторов». Мы бы желали, чтобы с'езд Партии высказался о подчинении меньшинства большинству, против устройства тайной организации внутри Партии пролетариата и т. п. Нам думается, что с'езд, как бы ни желал мира и единства в Партии, не может не остановиться на таких вопрсах,—меньше всего считаясь с боязнью некоторых лиц, что будто бы постановка последних приведет к расколу. Партия пролетариата не может бояться каких-то угроз, когда приходится определить свое отношение к основным принципам существования Партии. Также выражаем свое пожелание, чтобы в снову отношений к периферии были положены соображения, изложенные в брошюре т. Ленина «Письмо к петербургскому товарищу». Затем, принимая во внимание развитие разногласий, в которых новая «Искра» заняла рабочедельческую позицию, отвергнутую II с'ездом, и тем самым разорвала связь, существующую между Партией и своим ЦО, — больше того, нарушила моральный мандат [1] полустарой «Искры»,—борющейся за принципы революционной С.-Д. и против оппортунизма новой «Искры», мы подаем свой голос за «Вперед», как ЦО РС-ДРП.

Луганская организация Донецкого Союза РС-ДРП. Резолюцию принял центр и его два ядра: заводское и ремесленное.

Приложение VI.

Письмо Луганской организации III с'езду Партии [2].

10/IV 1905 г.

Дор. тов., мы получили известие, что Донецкий К-т послал своего представителя на с'езд Партии от имени Донецкого союза. Мы не можем не выразить своего удивления по этому поводу. Нам думается, что поехавший представитель не имеет ничего общего с Донецким союзом, и поэтому мы опротестовываем его мандат. Опротестовывая посылку делегата на с'езд от имени Д. С., как известный обман партии, мы знаем, понятно, какой ответственности мы подвергаемся перед Партией. Но мы выступаем с протестом, озаботившись получить факты.

Месяца четыре тому назад приехал товарищ С. [3]. На наш запрос о Донецком К-те, товарищ ответил, что Донецкого К-та нет, так как он провалился и потому-то он себя ничем не проявляет. Этот товарищ привез лите-

[1] Что моральный мандат существовал, см. признание т. Мартова в его реферате на с'езде Лиги, где он говорит следующее: «У меня был моральный мандат искровца — не работать с т. Мартыновым, даже если с'езд захочет».

[2] В протоколах III с'езда Партии.

[3] О всех товарищах мы дадим подробные об'яснения, если потребует с'езд.

ратуру. И на самом деле о Д. К-те ни слуху, ни духу. Перед нами стояла задача—восстановить разрушенный К-т, но многие причины, не давали нам возможности, к сожалению, осуществить наше желание. Дней 12 тому назад, наш товарищ И. был проездом в Юз. Встретился он там с некоторыми товарищами. В разговоре с ними товарищи М. С. М. сказали, что Д. К. нет и что таковой будет возможен только после конференции, которую они думают собрать и где будут представлены все группы, входящие в Донской союз и в частности Луганская организация. Товарищи, это заявление было сделано не только И-в-у, но в присутствии еще одного товарища, который не откажется, когда понадобится, подтвердить это. Мало того, один из товарищей—М. показала мне в присутствии того же т. Мих. ordre de jour будущей конференции, в котором среди других пунктов находился пункт о возстановлении Дон. Ком.

Итак, дор. тов. вы видите что Д. К. мог быть в о с с т а н о в л е н конференцией всех групп, которая только и могла дать мандат на с'езд. Конференция не состоялась. К-т не выбран, кто же мог его уполномочить, если не считать полномочий тех 3—4 товарищей, которые сами недавно приехали на работу—кто две недели, кто три, а кто и дней 10 тому назад. Вот вам, товарищи, все факты, позволяющие нам сделать такой шаг, как опротестовать право представительства на с'езде того лица, которое приедет с мандатами.

Все товарищи, знающие об этих фактах, немедленно дадут небходимые раз'яснения.

Поручаем Екатеринославскому представителю отстаивать нас перед с'ездом.

Привет с'езду от всех сознательных пролетариев г. Луганска. Да здравствует III с'езд!

Да здравствует РС-ДРП!

Луганская организация Донецкого союза РС-ДРП.

Приложение VIII.

Резолюция актива Луганской организации РС-ДРП [1].

Мы, рабочие агитаторы и организаторы заводского и городского района в количестве 22-х человек, после тщательного разбора позиций двух борющихся сторон в Партии, пришли к следующему заключению: существование какой бы то ни было Партии возможно лишь при условии подчинения меньшинства большинству, что не исключает борьбы каждого направления за торжество своих идей, но в партийных рамках, обеспеченных большинством. Меньшинство нашей РС-ДРП, несмотря на свое торжественное обещание подчиниться решениям с'езда, начало рвать Партию, устроило тайную организацию в пролетарской партии, в результате чего мы можем оказаться в хвосте надвигающихся событий в России, не использовав должным образом борьбы пролетариата в интересах его. Констатируя такое положение дел, порожденное дезорганизаторской работой «меньшинства», выносим ему полное свое порицание; еще раз напоминаем, что борьба за торжество своих идей исключает дезорганизацию Партии. Мы выражаем свое полное согласие с принципами большинства II Партийного с'езда и прибавляем следующее. если меньшинство откажется пойти на III с'езд Партии, созываемый БКБ и ЦК, этим самым оно покажет свою истинную физиономию, этим самым оно покажет, что интересы своего кружка ставит выше интересов Партии, и злой иронией будут звучать его слова о самодеятельности и т. п.; с другой стороны, фактом неучастия на III с'езде и непризнания его решений оно отка-

[1] «Пролетарий», № 7, приложение, 1905 г.

лывается от РС-ДРП. Тем товарищам, которые пойдут на сезд, наш привет, и их решения станут решениями Партии, и им мы подчинимся.

Да здравствует РС-ДРП! Да здравствует революцонная социал-демократия!

Мы поручаем центру нашей луганской организации послать наше решение для напечатания в «Вперед».

Луга́нск, 10-го мая.

Приложение IX.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран; соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ [1].

Товарищи! Среди потоков крови, среди взрывов безумия и тоски встречает Россия де́нь 1 мая. Тысячи зверских чудовищных преступлений, сотни тысяч жертв, жгучая боль за погибших, жажда мести и правосудия... и призыв праздновать 1 мая. Но более, чем когда-либо до сих пор, полон смысла этот призыв! 1-е мая—праздник борьбы. В этот день борющийся пролетариат делает смотр своим силам. Но борьба не везде, не всегда бывает кровавой, пролетарии свободных стран борются мирно, мирно и свободно подсчитывают свои силы. Там миллионы рабочих не работают 1 мая; они открыто собираются на громадные собрания, стройными рядами проходят по улицам, под красным знаменем социализма, знаменем борьбы против всякого гнета. Русские пролетарии принадлежат к великому всемирному братству рабочих, но не такова еще их борьба, не таков их праздник. Им досталась великая честь стоять на самом важном опасном посту: в бою с темными силами прошлого за эту честь они платят своей кровью и жизнью. Но не пожалеет об этом русский пролетариат. Разве не лучше смерть в благородной битве за свободу, и за свет и солнце, за жизнь, достойную человека, за братство людей, чем тупое животное существование во мраке, рабстве и нищете, или бессмысленная гибель в бессмысленной войне со своими братьями из другого народа? Нет, беспощадная война войне! Сотни тысяч солдат—детей русского народа легло на холодных полях Манджурии, погибло в волнах Тихого океана. Этого было мало самодержавному правительству. Тысячи рабочих, их жен и детей уложило оно на улицах Петербурга, Варшавы, Риги и целого ряда других городов; пулями и розгами оно теперь подавляет крестьян, которые не в силах были переносить голод и нищету. Да, ты вволю напился крови, самодержавный вампир, смотри же, час приближается, когда ты в ней захлебнешься! Народ был темен, и ты обманывал его лживыми словами. Рабочие ходили просить тебя о помощи, крестьяне верили в тебя и мечтали о твоей справедливости. Теперь ты сам дорогою ценою научил их знать, что ты такое,—и теперь ты не обманешь их более. Не просить, а требовать! Не верить, а ненавидеть! *(стерто)* и руки их ищут оружия. К оружию призывает русский народ рабочая партия и указывает ему путь, по которому он должен итти к свободе и свету. С оружием в руках он должен поддержать те требования, которые она написала на своем знамени. Прекращение войны, гражданская свобода, н а р о д н о е п р а в и т е л ь с т в о, 8-часовой рабочий день. Вооруженным восстанием должен завоевать рабочий народ свое право... День восстаний не далек, но он еще не настал. У рабочих и крестьян еще не достаточно оружия, они недостаточно сплотились для борьбы. Самодержавие

[1] И.-Р. Архив, дело деп. пол. 7-е д-во, 1905 г., № 2.429.

знает это и ищет случай еще раз напиться их крови, чтобы еще оттянуть минуту своей гибели и народной мести. Оно будет радо вызвать вас на улицу там, где у вас нет силы для борьбы. Помните, рабочие и крестьяне, и не поддавайтесь на удочку лукавого, злобного врага! Да, товарищи-рабочие, нам надо подсчитать свои силы, но умело, чтоб их не растратить, чтобы не дать случая зверски радоваться врагу.

Мы призываем вас к всеобщей стачке 1 мая. Пусть остановятся в этот день машины, пусть впадут в сон мастерские, фабрики и заводы — царство капитала. Где оружия у вас довольно, где есть у вас сила для отпора врагу, там призываем мы вас на улицу, на шествия под красным знаменем социализма. Готовьтесь, товарищи, повсюду к тяжелой борьбе, в которой нет пощады. И да будет следующий день 1-го мая встречен нами в свободной России!

Да здравствует 1-е мая! Долой войну!

Да здравствует свобода и народное правление! Да здравствует 8-часовой рабоч. день! Да здравствует социализм!

Луганская организация Российской Социал-демократ. Рабочей Партии. Редакция «Вперед».

Приложение X.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К ШАХТЕРАМ[1].

Тяжело живется вам, шахтеры. Тяжело достается вам кусок хлеба. Лишились вы земли, и нужда оторвала многих из вас от родных, жен и детей, загнала в этот глухой угол, в мрачную проклятую шахту, темную как ночь осенняя. Луч солнца никогда не проникает туда. Нет и воздуха в шахте: копоть и угольная пыль наполняют ваши легкие. Вода пронизывает ваше тело до костей. Грязь и сажу ничем не отмоешь. Забравшись в глухой грязный забой, 12 часов под-ряд приходится вам лежать на спине и бить уголь, или, согнувшись в три погибели, катать вагоны с углем.

Выберешься на волю, а там—грязная изба, ругань подрядчика и урядника, кусок хлеба и царская сивуха.

Каждую минуту вы должны быть готовы к смерти. То порода обвалится, то канат с клетью оборвется, то взорвет или загорится газ, и тогда— прощай жизнь. Привыкли вы не досчитываться товарищей по выходе из шахты.

Но то, что случилось на шахте «Иван» Русско-Донецкого общества, содрогнуло и ваши привычные к смерти сердца.

Слушайте, шахтеры, как погибли там наши товарищи.

В субботу утром 4 июня спускалась в шахту «Иван» вторая смена шахтеров в 500 человек; первая смена еще не вышла, хотя это не полагается по закону; но разве же законы, охраняющие рабочих, исполняются?

И вдруг взорвало по неизвестной пока причине газ в шахте. Наших товарищей кого обожгло, кого придавило породой. Сбежались шахтеры, жены, матери и дети погибших. Можно ли рассказать словами их ужас, стоны и крики?

Одного за другим вытащили огромное количество обгорелых трупов. Остальные изранены, обожжены и разбиты породой.

---

[1] И.-Р. Архив, дел № 5, ч. 6, 1905 г.

Тотчас же появились казаки, солдаты, полиция, жандармы. Изверги не пускали жен и сирот детей проститься с умершими и умирающими. Не пускали в больницу, откуда неслись крики и стоны раненых.

Под охраной войск похоронили убитых. Душ 500 осталось без работы.

Почему же все это так произошло, товарищи? Почему так усердствовали казаки и полиция? Кто погубил сотни и пустил по миру тысячи людей?

Товарищи, шахтеры. Не только вы одни терпите гнет и нужду. Всюду, где рабочий продает свою силу—на заводах и фабриках, на рудниках и в экономиях помещиков—всюду рабочего жмут богачи-капиталисты, всюду погибают наши товарищи, от болезней и нищеты, от несчастных случаев.

Капиталисты захватили в свои руки все: заводы, фабрики, рудники, машины, силу рабочих. Они не обращают почти внимания, при каких условиях работают рабочие. Лишь бы добывали ему, капиталисту, товары. За увечья и смерть рабочих им не грозит наказание: можно отделаться пустяками. Ведь фабричного и горного инженера, судей и полицию всегда можно купить деньгами.

Капиталисты знают, что они каждую минуту добудут от правительства пули, штыки и нагайки, если рабочие откажутся работать и потребуют лучшей доли. Так это было на шахтах, когда в начале этого года бастовали шахтеры, так это было и есть по всей России.

Товарищи! Все это происходит оттого, что не мы, рабочие, владеем этими рудниками, заводами и фабриками с их машинами и товарами. Не мы, а капиталисты-толстосумы.

Вот где кроется настоящая причина угнетения и бесправия рабочего.

Если бы мы, рабочие, захватили в общую нашу собственность все эти богатства, кончилось бы царство дармоедов и кровопийц. Кончились бы страдания рабочего класса. Каждый трудящийся был бы тогда обеспечен за свой труд и спасен от нищеты.

Тогда настало бы царство социализма.

Сознательные рабочие социал-демократы уже это поняли и для борьбы с капиталистами и их защитником—самодержавием соединились в один союз—Российскую социал-демократическую рабочую партию.

Они поняли, что только силой добьются новых порядков и улучшат свое положение. Они знают, что уменьшение несчастий с рабочими возможно только тогда, когда выборные от рабочих будут вместе с администрацией устанавливать распорядок на заводах и рудниках, когда рабочие сами будут следить за исполнением правил, установленных для администрации.

Но все это возможно лишь тогда, когда капиталисты не смогут прятаться за царские войска. Поэтому сознательные рабочие требуют уничтожения существующего самодержавного правительства и замены его правительством всего народа.

Товарищи, шахтеры! Не пора ли и вам это понять и присоединиться к борьбе всего рабочего класса? Кто защитит вас от врагов, если не вы сами?

Или вы опять спокойно станете на работу, опять доверитесь администрации и безропотно будете погибать в темных шахтах?

Довольно рабства и покорности. **Все шахтеры Русско-Донецкого Общества должны, как один человек, стать на защиту своей жизни, на защиту своих прав.**

Они должны потребовать, чтобы немедленно на шахте «Иван» была собрана комиссия поровну из сведущих людей и выборных шахтеров.

Царские чиновники не должны быть в этой комиссии: они за полушку продадут рабочих. **Пусть комиссия расследует причину взрыва и предаст суду виновных. Пусть она установит необходимую и достаточную помощь семействам убитых и раненых и всем увечным. Помощь эту без промедления должны выдать шахтовладельцы.**

Но пусть каждый шахтер имеет доступ в комиссию, чтобы правдиво изложить все, что он знает о взрыве, и слышать, как отстаивают его интересы выбранные им депутаты.

Необходимо, чтобы все шахтеры прежде выборов в комиссию могли свободно обсуждать свои нужды и дать указания депутатам. Все заседания ко-

миссии должны быть для всех открытыми и решения ее полностью напечатаны в газетах.

Только таким путем, товарищи, вы хоть немного сможете облегчить свое горе. Без этого не становитесь на работу.

Добивайтесь своего всеми силами.

ШАХТЕРЫ ВСЕГО ДОНЕЦКОГО ОКРУГА!

Несчастье на шахте «Иван» не первое и не последнее. Каждый день, каждый час может случиться то же самое на любой шахте, если шахтеры сами не позаботятся о себе.

Потребуйте, чтобы на всех шахтах выборные рабочие вместе с администрацией устанавливали распорядок и следили, как исполняют правила администрация и горные инспектора.

Ваша судьба в ваших руках, товарищи. Завоюйте же себе лучшую долю.

Товарищи! В газетах пишут, что царский министр финансов Коковцев, после взрыва на шахте «Иван», послал инженера Коцовского обследовать копи в Донецком округе.

Министр финансов не раз уже пытался обмануть рабочих и дать им камень вместо хлеба. Не доверяйтесь царским министрам и их обещаниям Вспомните, что по их приказу царские войска стреляли на Щербиновских и Рыковских рудниках и по всей России, где рабочие борются за лучшую жизнь.

Рабочий класс не доверит свою судьбу царю-самодержцу и его министрам. Он сбросит их со своих плеч и всего российского народа и установит народное правительство.

Долой самодержавие!
Да здравствует народное правительство!
Да здравствует борьба рабочих за лучшую жизнь—за соц.!

Донецкий Комитет РС-ДРП.

Печатано 8.000 экз.

Июнь 1905 года.

Типография Донецкого Комитета.

Приложение XI.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«НОВАЯ ЦАРСКАЯ МИЛОСТЬ» [1].

Когда по всей России рабочие заявляли, что Россия гибнет от управления кучки чиновников-грабителей, что они обобрали народ, что они для своей наживы завязали войну с Японией и губят сотни тысяч сынов народа,—когда рабочие по всей России требовали, чтобы страной правили не продажные чиновники и генералы, а выборные от всего народа, чтобы было созвано Всенародное Учредительное Собрание, для того, чтобы уничтожить гнилые порядки управления и заменить их порядками правления народного, когда всего этого требовали рабочие, царь приказывал своим холопам-министрам стрелять в безоружных рабочих. Народу, который жаловался на дурное управление чиновников, царь отвечал нагайками и пулями! Так было в Петербурге, Варшаве, Лодзи, Екатеринославе, Одессе и других городах. Когда крестьяне требовали улучшения их бедственного положения, когда они жаловались на притеснения царских чиновников и по-

[1] Центр. Архив Революции. Харьков.

мещиков, — царь нагонял солдат и казаков усмирять и заставить их повиноваться помещикам-душителям.

Когда рабочие боролись со своими угнетателями-капиталистами, царь нагонял свою свору полицейских и казаков, помогать капиталистам. Нужды народа царь разрешал штыками да нагайками. Других разговоров он с народом не вел. Его сердцу дороги чиновники, которых он назначал для того, чтобы наживались на счет народа, а народ чтобы держали в нищете и невежестве; его сердцу дороги помещики, которым он помогал народ прижимать, отнимать у крестьян последний клочок земли и всю деревню держать в кабале; его сердцу милы капиталисты, которым царская полиция и казаки помогают душить рабочих, донимать их длинным рабочим днем и нищенской платой.

Так царь заботится о своем народе! Потому-то весь рабочий народ и впал в нищету: тысячи рабочих ходят без работы, их семьи мрут с голоду, а те, что работают, находятся в рабстве у капиталистов, которых царское правительство поддерживает; целые губернии голодают, крестьянин не может прокормиться с того куска земли, которую у него не успели еще отнять кулаки и помещики.

Не о народе, значит, царь заботился, а о мироедах, капиталистах, помещиках и чиновниках своих.

И поэтому рабочие уже перестали верить царю и его правительству; они увидели, что у царя для них доброго ничего не припасено. Стали они силой добиваться своей доли, свободы и счастья всему рабочему народу. И разнесся по всей стране клич рабочего народа. «Вставайте все на борьбу с царским правительством, спасайте жизнь свою и своих детей от царя-хищника, защитника всех душителей народа». И шли на борьбу сотни тысяч рабочих в разных городах России.

Крепла с каждым днем сила народа в его борьбе за свободу и счастье. А тут к народу начали присоединяться сыны народа в царских мундирах— матросы и солдаты. Видит царь, что не справиться ему с народом и пошел он на хитрость. Об'явил он 6 августа в своем манифесте, что созовет «выборных от народа»: «хотели, мол, вы народных выборных, так получайте: созову я их и буду с ними советоваться». Что же это, царь из врага народа, из его мучителя, сделался его другом? Как бы не так! Вот тут-то и есть хитрость.

В манифесте сказано, что выборных от всего народа созовет царь, а в об'явлении о порядке, каким народные выборные будут выбираться, сказано, что не всякий будет выбирать. Выбирать будут помещики, у которых земли десятин 200—300, фабриканты, домовладельцы, которые побогаче. А крестьяне? Им тоже царь позволил выбирать, но так обставил эти крестьянские выборы, что в Государственную Думу попадут не те, кого захотят послать бедняки-крестьяне, а те, кто приятель земскому начальнику или приставу.

Попадут туда деревенские кулаки, которые разбогатели на счет своих односельчан-бедняков. А для того, чтобы лучше процедить крестьянских выборных, устроили для крестьян такие хитрые выборы: пошлют волостные сходы 2-х человек в уездный город, здесь соберутся по 2 человека от каждой волости и выберут несколько человек в губернию, в губернском городе соберутся все депутаты от уездов и будут посылать уже в Государственную Думу несколько человек.

Видите, какая длинная лестница! При таких выборах правительство сможет легко отобрать в Думу угодных ему крестьян. Хоть их и много будет в Думе, да толку с них крестьянской бедноте никакого. Ловко царь отгородился от крестьянской бедноты!

А рабочие? Будет ли у них право выбора? Тут совсем уж просто: никаких прав царь им не дал! Их выборных царь и знать не хочет. У них никакой собственности нет, а потому царь с ними и разговаривать не станет. Ему нужно, чтобы в Думе были представители только от богатых классов да покорные правительству крестьянские кулаки, а рабочих — тех и на пушечный выстрел не подпустит. Вот хитрость в том и есть, чтобы царю со всеми

грабителями народа: кулаками, капиталистами, помещиками — соединиться и вместе рабочих да крестьян давить.

Значит, царь совсем не то дал, что народу нужно и за что столько народной крови пролито в борьбе с царским правительством. Одно только имя «народные представители», а они не народные представители, а народные предатели.

Разве такая Дума даст крестьянам землю? Разве такая Дума улучшит положение рабочих: даст им 8-часовой рабочий день, заставит капиталистов увеличить плату рабочим, обращаться с ними по-человечески? Конечно, нет! Это Дума угнетателей народа и им на руку действовать будет. Разве эта Дума даст народу свободную жизнь, хорошие порядки, уничтожит варварское царское правительство? Конечно, нет! Она с царским правительством будет в соглашении, и рука руку будет мыть. Эти выборные поддержат царя в борьбе против нас, рабочих.

Крестьяне и рабочие! «Новая царская милость» — это новый царский обман, затеянный царем против рабочего народа. Что же, товарищи-рабочие, позволим мы правительству обманывать себя? Будем мы ожидать, пока царь в союзе со всеми мироедами страны свяжет нас по рукам и ногам? Чтож мы допустим, чтоб все наши враги соединились против нас? Нет. Было время, когда рабочие не понимали, что они сила, не понимали, как надо бороться за свободную и счастливую жизнь рабочего народа. Теперь уже рабочие понимают, что нельзя жить по-человечески, нельзя отвоевать у капиталистов улучшения рабочей жизни, пока за хозяев-капиталистов стоит царское правительство, которое не дает рабочим ни собраться, ни говорить, ни печатать о своих нуждах.

Многие рабочие уже ведут борьбу под знаменем соц.-дем. рабочей партии. Эти рабочие-борцы знают, что все политические права, которые нужны рабочему классу для победы над капиталистами и для достижения нового, братского порядка жизни, социализма. Все эти права будут обеспечены рабочим всенар. Учред. Собр., выбранным всем народом. Такого всенар. Учред. Собр. царское правительство никогда не даст, а можно его созвать только тогда, когда народ восстанет и победит царское правительство. Уже много крови пролил рабочий класс России в этой кровавой борьбе, вспомните тысячи убитых царским правительством в Петербурге, Варшаве, Лодзи, Одессе и мног. друг. городах; пусть их борьба научит нас бороться за наше общее рабочее дело! Товарищи, станем и мы в ряды РС-Д. рабочей партии, борющейся за освобождение от гнета капиталистов и царского правительства!

Долой Самодержавие!
Долой царскую Государственную Думу!
Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!
Да здравствует борьба за социализм!
Да здравствует РС-ДРП.

Бахм. Груп. Донец. союз. РС-ДРП. Тип. Дон. Союза. Авг. 1905 г.
Отп. 2.500 экз.

Приложение XII.

Резолюции Мариупольского Совета Рабочих Депутатов [1].

I. О ГОТОВЯЩЕМСЯ ПОГРОМЕ.

Выслушав сообщение о готовящемся погроме, глубоко возмущенные преступными приготовлениями полиции,

Мар. СРД постановляет:

---

[1] Материалы по истории Екатер. орг. РС-ДРП. 1904—05—06 г.г., 1924 г.

1. Обратиться к судебным властям с требованием ареста тех лиц, чье участие в подготовке погрома доказывается данными, имеющимися в распоряжении СРД.

2. Обратиться с требованием о принятии мер к ограждению безопасности городских жителей в Городскую думу, а затем к местному духовенству.

3. Сообщить немедленно по всем заводам, по цехам, о том, что готовится, и в случае начала погрома немедленно забастовать решительно всем рабочим и двинуться на защиту мирного населения.

4. Сообщить всем рабочим о решении С. Р. Д. — каждого рабочего, кто поднимет руку на кого бы то ни было из мирных граждан, без различия национальностей, или примет участие в грабеже, признавать изменником рабочего дела, позорящим честное имя тружеников и борцов, и такого рабочего не будут больше считать товарищем, а расправятся с ним как с врагом.

5. Оповестить повсюду, что все, кто примет участие в погроме, будут отвечать перед С. Р. Д. — выборными представителями всего трудящегося населения города и заводов, который уже найдет меры наказать преступников перед всеми гражданами.

Принята единогласно.

Мар. Сов. Раб. Деп.

* * *

II. О ДЕКАБРЬСКОЙ ВСЕОБЩЕЙ ЗАБАСТОВКЕ.

Борьба железнодорожных рабочих не является только их делом, а делом всего исстрадавшегося русского народа.

Правительство манифестом 17 октября, продиктованным страхом перед рабочим движением, хотело успокоить страну, но постоянным применением старых полицейских порядков только еще больше озлобляло население.

Рядом с свободой союзов запрещен союз почтово-телеграфных чиновников, преследуется союз крестьян, рядом с неприкосновенностью личности арестовывают бюро крестьянского союза и Петербургский совет рабочих депутатов.

Закрытием восьми лучших газет правительство грубо нарушило свободу.

Правтельство вводит повсюду военное положение, кровью заливая восстание всего народа, правительство жестоко расправляется с рабочими, крестьянами и армией.

В борьбе с народом у правительства все средства хороши. Натравливая одну часть населения на другую, стремясь вызвать кровавую смуту, правительство пыталось натравить на железнодорожных рабочих измученную манджурскую армию, рвущуюся на родину.

Все эти злодеяния правительства заставляют снова браться за борьбу, и на товарищей железнодорожников падает великая задача вместе с восставшим народом уничтожить преступное правительство насильников и установить истинно народное представительство.

Остановившаяся жизнь страны рождает новые свободные порядки, когда легче будет рабочему классу вести борьбу за улучшение экономического положения вплоть до полного уничтожения эксплуатации, вплоть до полной победы труда над капиталом.

Принимая все это во внимание, Мариупольский Совет Рабочих Депутатов, горячо протестуя против зверств правительства, считает своей священной обязанностью оказывать всяческую поддержку товарищам железнодорожникам и, посылая свой братский привет борцам за свободу народа, призывает всех честных рабочих граждан прийти на помощь восставшим за права народа товарищам.

Мариупольский Совет Рабочих Депутатов.

Девятый день продолжается забастовка, написавшая на своем знамени освобождение России.

Лишения, ужас неизвестности, постоянная опасность смерти висят над борцами за свободу.

Каждый день борьбы стоит многих лет.

До нас доходят вести о сражениях на улицах больших городов.

И мы, М.С.Р.Д., заявляем о своей полной солидарности с товарищами рабочими, падающими в борьбе, заявляем о том, что одинаково сильно чувствуем и прислушиваемся к гулу на поле сражения и всегда готовы присоединиться к армии рабочего люда, требующего учредительного собрания, лучшей жизни для рабочих, земли для крестьян, свободных порядков для всех.

Принята единогласно.

М.С.Р.Д.

Приложение XIII.

Обращение Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов Юзовского района [1].

Граждане!

Идет решительный бой. Бюрократия хочет отнять свободы, добытые кровавой октябрьской забастовкой.

Рабочий и прочий наемный люд, вынесший на своих плечах освободительную борьбу, ринулся в решительный бой за свободу, за волю для себя и всех граждан России. Под руководством Совета Рабочих Депутатов Всероссийского железнодорожного союза, Всероссийского крестьянского союза и социалистических партий они забастовали.

Забастовало все: фабрики, заводы, рудники, мелкие мастерские, местами крестьяне, даже правительственные учреждения, а во главе всего грандиозная Всероссийская железнодорожная забастовка.

Голодом и смертью они добиваются и добьются освобождения России.

Граждане, ваш долг прийти на помощь этим борцам. Рабочие Юзовского района, благодаря различным причинам, не могли примкнуть к Всероссийской забастовке. Тем не менее и им грозит голодовка. Заводы и рудники закрываются. Тысячи рабочих выбрасываются на улицу.

Граждане, ваш долг и в ваших интересах прийти на помощь СРД.

Граждане, нам еще памятны ужасные октябрьские погромы.

Совет Р. Д. принимает меры для предотвращения погромного движения. Являясь защитником интересов рабочих Юзовского района, СРД является вместе с тем защитником всех граждан района.

Граждане, ваш долг и в ваших интересах прийти на помощь СРД.

Исполнительный Комитет.

Подробный список рудников и делегатов, а также выборных в Исполнительный Комитет отложен до следующего № «Известий» ИК СРДЮР. Резолюция: считая нужным довести до сведения рабочих и граждан наши постановления, СРД поручает Исп. Ком. напечатать «Известия» во что бы то ни стало.

---

[1] Архив Истпарта ЦК КПУ (б)

Приложение XIV.

Известия Совета Рабочих Депутатов Юзовского района [1].

11 декабря 1905 года состоялось 1-е заседание СРДЮР, на котором присутствовало 50 депутатов с решающими голосами и с 30 совещательными.

Обсуждался вопрос о том, как относиться к Всероссийской политической забастовке и каким образом смягчить голод, грозящий горно-заводским рабочим из-за закрытия рудников и заводов, и тем предотвратить возможность погромного движения. После долгого обсуждения вопросов СРДЮР вынес следующее постановление:

Безденежье правительства и капиталистов, упадок и полное расстройство промышленности и всей государственной жизни, вызванных казнокрадством и хищничеством бюрократического (чиновничьего) правительства, привели Россию на край гибели. Расстройство всей государственной машины все больше усиливается и грозит всей России, а также и Донецкому району, разорением. Последняя Всероссийская политическая забастовка, за которую вынужден был взяться весь рабочий класс России, как за последнее средство защиты своих экономических (хозяйственных) и политических (правовых, гражданских) интересов, неминуемо отразится на Юзовском районе. Заводы, рудники сокращают работы и даже закрываются. Тысячам рабочих грозит голодовка; такое положение грозит вызвать среди некоторой части голодающего населения погромное настроение. Совет Рабочих Депутатов, имеющий целью защитить интересы избравших его рабочих и в частности развитие классового сознания рабочих, считает своим долгом немедленно прийти на помощь голодающим рабочим, предотвращая вместе с тем возможность возникновения погромного движения. На основании вышесказанного Совет Рабочих Деп. Юзовского района постановил: 1) Организовать широкую помощь голодающему населению, для чего СРД и приступает к справедливому денежному обложению населения Юзовского района. 2) Предпринять меры против вздорожания с'естных припасов. 3) Вступить в переговоры с распорядительным Комитетом забастовавших дорог о перевозке рассчитанных рабочих, желающих вернуться на родину, а также муки и других припасов.

Совет Рабочих Депутатов Юзовского Района.

Приложение XV.

Известия Совета Рабочих Депутатов Юзовского района [2].

2-е заседание СРД состоялось 14 декабря.

Присутствовали депутаты от следующих рудников и заводов:

	Количество делегатов.
1. Русско-Донецкого Общества шахты Иван	20
2. „ „ „ Калиновка	6
3. Российского Общества Макеевка	1
4. Шахты Чайкин	4
5. Чулковского р-ка	5
6. Алексеевского р-ка	5
7. Екатерининск. Горнопром. О-ва (Ст. Криничная):	
От мастерских	2
Шахты Шмидт	8
„ Капитальной	4

[1] Архив Истпарта ЦК КПУ (б).
[2] Там же.

		Количество делегатов.
8.	Завода Новороссийского Общества	27
9.	Берестово-Богодуховского р-ка	3
10.	Рыковского р-ка	20
11.	Франко-Русского Общества	9
12.	Зеновича	2
13.	Мушкетовск.	4
14.	Генерального общества	3
15.	От типографии	1
16.	„ Марковского	22
	Всего делегатов	146

P. S. Исполнительный Комитет просит внести в следующее заседание поправки в вышеприведенных цифрах, если таковые окажутся ошибочными.

Вначале был прочитан доклад Исполнительного Комитета о сборе пожертвований. Хотя раскладка и сборы пожертвований были еще не организованы, тем не менее уже поступило в распоряжение Комитета 222 р. 35 к. Исполнительному Комитету было поручено приступить к немедленному сбору денег и организации Комитетов для выяснения нужд и оказания помощи на местах. Затем делегат железнодорожников со станции Мушкетово выяснил причины и цели железнодорожной забастовки; он указывает на то, что железнодорожная забастовка преследует не исключительно защиту экономических и правовых интересов только железнодорожных рабочих, но, вообще, представляет собой могучее средство борьбы за свои права всего рабочего люда. В виду расстройства экономической жизни государства и острого кризиса во всех видах промышленности, производство на рудниках и заводах прекращается, следствием чего является массовый расчет рабочих; поэтому необходимо было выяснить, согласны ли железнодорожники перевозить рудничных рабочих на родину.

Делегат от железнодорожников ответил, что они обязуются рабочих перевозить, а оставшимся доставлять муку, хлеб и т. п., дабы предотвратить возможность острой нужды. Уезжающим рабочим на родину будут выдавать бесплатные билеты для проезда по удостоверении Исполнительного Комитета о бедности. После долгого обсуждения, собрание выразило сочувствие железнодорожной забастовке. Затем приступили к дополнительным выборам в Исполнительный Комитет. Было выбрано новых 4 депутата. Всего в Исполнительном Комитете 9 человек.

Исполнительному Комитету разрешается приглашать на свои заседания нужных лиц с совещательным голосом.

ИК СРДЮР.

Типография ИК СРДЮР.

Приложение XVI.

Известия Совета Рабочих Депутатов города Таганрога [1].

Товарищи!

Свобода близка! Еще немного и мы будем свободными гражданами свободной России. Но мы одни слишком малочисленны, нет, к сожалению, у нас той силы, чтобы мы, наравне со всеми нашими братьями, стали с оружием в руках за народное дело. Ведь решительный удар прежнему строю нанесем не мы, пролетариат гор. Таганрога, это сделают наши товарищи в Пе-

[1] Архив Истпарта Таганрог. Окружкома РКП.

тербурге, Москве, Киеве, Одессе, Харькове и других крупных городах. Там, они, с оружием в руках, требуют удаления опозорившегося, никому ненужного, подлого палача—правительства, там они властно заявляют народные права и добиваются немедленного созыва Учредительного Собрания, которое одно только может вывести Россию на путь счастья и свободы. Поддержим же наших братьев, товарищи, чем мы можем, им нужна эта поддержка и ею является всеобщая политическая забастовка. Не бойтесь, товарищи, не пропадем. Вы видите сколько пожертвований стекается в стачечный фонд: дали нам уголь, муку, дадут еще, в этом мы не сомневаемся. Все, в ком не заглохло еще человеческое чувство, все отозвались на призыв поддержать нас.

Будем же держаться друг друга, будем помогать друг другу. Один за всех и все за одного — и мы победим. Солнце свободы уже взошло, но его еще покрывает утренний туман. Еще один натиск—и туман рассеется, и загорится солнце свободы.

Да здравствует победа, ведущая к свободе!

ХРОНИКА.

Исполнившееся вчера восьмидесятилетие со дня первой попытки освобождения русского народа от гнета самодержавия не было забыто, и ораторы на митингах знакомили народ с первыми учителями нашими— декабристами.

При СРД организованы: комиссия по изысканию средств на поддержание забастовки и другая комиссия по доставлению в город продовольствия, корма для лошадей артели конных драгилей и топлива.

Стачечный Комитет уже приступил к выдаче вспомоществований.

Ожидаются делегаты от стивадоров.

Забастовка продолжается попрежнему.

Депутаты от приказчиков вошли в СРД при заявлении, покрытом многочисленными подписями, что, с момента вступления в Совет, приказчики обязуются подчиняться всем постановлениям СРД.

Вчерашние митинги привлекли еще больше народу, чем в предыдущие дни.

Союз «17 Октября» вновь пытался познакомить народ со своей «куцой» программой, но, увы, опять безуспешно.

Совет Рабочих Депутатов гор. Таганрога.

Приложение XVII.

Граждане! [1]

Вековому терпению народа пришел конец. Вся Россия об'явила решительный бой «внутреннему врагу» — русскому правительству.

Во имя блага всего народа, во имя гибели общего врага, во имя Всенародного Учредительного Собрания, во имя самодержавия народа,—рабочий класс России об'явил всеобщую забастовку, и в Екатеринославе он руководство ею дал в руки Боевого стачечного комитета.

В интересах населения, Боевой стачечный комитет постановил:

1) С'естные продукты и предметы первой необходимости перевозить.

2) Пекарни, лавки, торгующие с'естными припасами и предметами первой необходимости, водопровод, больницы, лечебницы, аптеки и электрическое освещение в этих учреждениях и на улице не будут бастовать. (Приме-

[1] И.-Р. Архив, дело № 5, ч. 6, 1905 г., № 3 493.

чание: В аптеках остается по 2 дежурных). Полиция препятствовала исполнять эти постановления. Полиция, стремясь озлобить население против забастовщиков, «сеяла смуту», заставляя пекарей бросить работу.

Но Боевой стачечный комитет все же привел свои постановления в исполнение.

1) Беспрепятственно будет перевозиться хлеб в голодающие местности.

2) Железная дорога будет перевозить всех солдат без оружия, как запасных, так и желающих ехать бесплатно до любого места. Два дня запасные отправлялись Боевым стачечным комитетом, два дня отправлялись застигнутые в пути пассажиры, два дня отправлялись и получались в Екатеринославе по железной дороге хлеба и другие с'естные продукты Два дня, пока заклятый враг народа, — правительство не захватило 10 декабря войсками вокзала и не удалило оттуда распорядителей Боевого стачечного комитета.

Уведомляем граждан о том, что правительство, захватив у нас вооруженной силой станцию «Екатеринослав», лишило население возможности получать с'естные продукты, а солдат—уэжать домой.

Боевой стачечный комитет заявляет:

1) Ответственность за последствия, могущие произойти от захвата правительством вокзала, падает на голову правительства.

2) Немедленно по удалении войск со станции Боевой стачечный комитет берет снова в свое заведывание вокзал.

Боевой стачечный комитет г. Екатеринослава и губернии:

Депутатское собрание екатерин. рабочих.
Об'единенный Комитет РС-ДРП.
Екатерин. соц.-демокр. орг. «Бунда».
Бюро провинц. орг. РС-ДРП.
Екатерин. Комитет партии СР.
Забастовочн. распоряд. Комитет Ек. ж. д.
Стачечное бюро Почтово-Телеграфного Союза.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Доводится до сведения всех граждан, что всеобщей забастовкой в г. Екатеринославе и Екатеринославской губернии руководит Боевой стачечный комитет, в состав которого вошли: Совет Рабочих Депутатов, Об'единенный Комитет РС-ДРП, Социал-Демократическая Организация Бунда, Бюро провинциальных организаций РС-ДРП, Комитет Партии СР., Забастовочный распорядительный комитет Екатерин. жел. дороги и стачечный комитет почтово-телеграфного союза.

Только распоряжения Боевого стачечного комитета являются обязательными для всех граждан, общественных учреждений, заводов, фабрик и других промышленных и торговых заведений.

Боевой стачечный комитет г. Екатер., Екатеринославской губ.

9 декабря 1905 г.

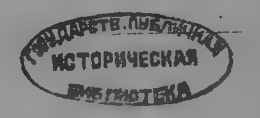
Приложение XVIII.

Письмо присужденного к смертной казни Ткаченко-Петренко [1]

Здравствуй и прощай дорогой брат Алеша и все остальные братья-рабочие и друзья!

[1] Материалы по истории Екатер. орг. РС-ДРП 1904—05—06 г.г., 1924 г.

Шлю вам свой искренний и последний поцелуй. Я пишу сейчас возле эшафота и через минуту меня подвесят за дорогое для нас дело. Я рад, что я не дождал противных для меня слов от врага... и иду на эшафот с гордой поступью, бодро и смело смотрю прямо в глаза своей смерти, и смерть меня страшить не может, потому что я, как социал-революционер, знал, что меня за отстаивание наших классовых интересов по головке не погладят, и я умел вести борьбу и, как видите, умею и помирать за наше общее дело так, как подобает честному человеку. Поцелуй за меня крепко моих родителей и, прошу вас, любите их так, как я любил своих братьев-рабочих и свою идею, за которую все отдал, что мог. Я по убеждению социал-демократ и ничуть не отступил от своего убеждения ни на один шаг до самой кончины своей жизни. Нас сейчас возле эшафота восемь человек по одному делу—бодро все держатся. Постарайся от родителей скрыть, что я казнен, ибо это известие после такой долгой разлуки с ними их совсем убьет. Дорогой Алеша! Ты также не беспокойся и не волнуйся, представь себе, что ничего особого не случилось со мной, ибо это только может расшатать твои последние силы, ведь все равно когда-либо помирать надо. Сегодня 8-го сентября в 8 часов вечера зашли к нам в камеру куча надзирателей, схватили меня за руки, заковали руки, потом повыводили остальных, забрали под руки и повели прямо в ночном белье босых под ворота, где человек 50 стояло стражи с обнаженными шашками, забрали и повели в 4-й участок, где приготовлена была петля, и так это смешно, как эта стража с каким-то удручающим ужасом смотрит на нас как на каких-либо зверей; им наверно кажется, что мы какие-то звери, что ли, но мы честнее их. Ну, не важно, напиши куму самый горячий привет и поцелуй его и Федорова крепко за меня. Живите дружно и не поминайте меня лихом, ибо я никому вреда не сделал. Ну, прощайте, уже 12 часов ночи, и я подхожу к петле, на которой одарю вас последней своей улыбкой. Прощайте, Алеша, Митя, Анатолий и все добрые друзья—всех вас крепко обнимаю, жму и горячо целую последним своим поцелуем. Писал бы больше, да слишком трудно, так как окованы руки обе вместе, а также времени нет—подгоняют... Конечно, прежде чем ты получишь это последнее письмо, я уже буду в сырой земле, но ты не тужи, не забудь Ианне Ильчено передать привет. Прощайте все и все дорогие и знающие меня. Напиши Богуславскому и остальным. Последний раз крепко целую Вас. Григорий Федорович Ткаченко-Петренко. 8-го сентября, 12 час. ночи. Гор. Екатеринослав, 1909 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Иллюстрации:

Цена 1 рубль.

